

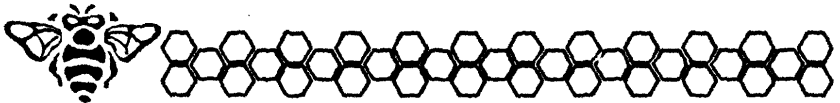

90 ЛЕТ
Н. А. БАСКАКОВУ

STUDIA PHILOLOGICA

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт языкознания

90 ЛЕТ
Н.А.Баскакову

Н.А.Баскакову от коллег и учеников

МОСКВА
1996

ББК 81.2Тюрк-4
Б 27

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 97-04 16229

Б 27 90 лет Н. А. Баскакову. Сборник статей Российская академия наук. Институт языкознания / Отв. ред. член-корреспондент РАН, академик РАН Э. Р. Тенишев. М.: «Языки русской культуры», 1997. — 248 с.

ISBN 5-7859-0029-7

Сборник содержит статьи по тюркскому языкознанию, литературоведению, фольклористике и истории, посвященные 90-летию выдающегося ученого-тюрколога Н. А. Баскакова его учениками и коллегами. Все они были представлены в качестве докладов на конференции, проходившей в Институте языкознания РАН в апреле 1995 года.

Книга представляет интерес для специалистов по русской и тюркской филологии, востоковедению, истории.

ББК 81.2Тюрк-4

We_dljhggZy _jkby ^Zgghjh ba^Zgby y\ey_lky
b __ jZkijhkljZg_gb_ [_a kh]eZkby ba^Zl_e

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5 7859-0029-7

© Институт языкознания РАН, 1997

Н.А.БАСКАКОВ

Родина Н.А.Баскакова, вологодская земля, дала миру немало славных имен. Среди них имена лингвиста Ф.Ф.Фортунатова, литературоведа Ф.Дм.Батюшкова, историка России Н.Дм.Чечулина, авиаконструкторов А.Ф.Можайского и С.И.Ильюшина, землепроходцев С.И.Дежнева и Е.П.Хабарова, хирурга Н.М. Амосова. В этом ряду и имя Н.А.Баскакова. Большая творческая активность, разнообразие интересов, высокая энергия и неуклонное движение к намеченной цели - характерные черты названных выше деятелей.

Что касается Н.А.Баскакова, то за 64 года (1930-1994) научной деятельности им опубликовано почти 640 работ. Среди них 32 книги, т.е. целая библиотека востоковеда-тюрколога.

Основная область научных интересов Н.А. - лингвистика (тюркские языки), но он работал и в области фольклористики и этнографии тюркских народов, а также занимался музыкальным творчеством как исполнитель и как композитор. Н.А. удалось напечатать все, что он задумал, а этот труд сам по себе велик.

Э.В.Севортяну принадлежит удачное определение Н.А.Баскакова по случаю 70-летия Н.А.: Н.А.Баскаков, можно сказать, олицетворяет собой живую историю тюркского языкознания послереволюционных лет.

Иными словами, Н.А. не только факт истории тюркологии, но и один из ее крупных соиздателей. О таком творческом деятеле, как Н.А.Баскаков, невозможно писать и говорить, как прежде, оставляя в тени существенные моменты его жизни и деятельности. Именно на них надо обратить внимание.

Н.А.Баскаков родился 9/22 марта 1905 года в день тюрко-иранского весеннего праздника Навруз в г. Сольвычегодске Вологодской (ныне Архангельской) области в семье члена уездной Земской Управы. Его отец, Баскаков Александр Семенович, происходил по семейным преданиям из числа сосланных в Вологодскую губернию из Санкт-Петербурга в начале XIX в., а мать, Баскакова (Климова) Александра Михайловна - дочь чиновника, учительница и регент хора в одной из Сольвычегодских церквей. Семья была большая: пять сыновей и две дочери.

Читая или слыша фамилию Баскаков, невольно возникает вопрос: а не тюркского ли происхождения носители этой фамилии, ведь в основе ее слово *баскак* - согласно В.И.Далю (I 52) 'татарский пристав для сбора податей и

надзора за исполнением ханских повелений, производное имя от тюркского глагола *бас* - 'давить, угнетать', но и 'прикладывать печать печатать' (РСл IV 1533). Вот что пишет сам Н.А. Баскаков по поводу своей фамилии в собственной книге о русских фамилиях тюркского происхождения (1979): «Фамилия Баскаков ведет свое происхождение от татарского баскака Абрагана (< Амырхана), бывшего во второй половине XIII века наместником во Владимире .. Тюркское происхождение данной фамилии подтверждается как самой основой фамилии *basqaq* 'ставящий печать; наместник хана Золотой Орды', так и геральдическими данными: дугообразным мечом в центре герба и изображением татарина над нашлаемником, держащего красный дугообразный меч» (с. 245). Фамилия Баскаковых насчитывает не менее 700 лет сложной истории, и специалистам по геральдике надлежит еще детально ее изучить и довести до Н.А. Баскакова.

Семья Баскаковых до 1908 г. жила в Сольвычегодске, а в 1908 г. переехала в г. Грязовец Вологодской губернии в связи с переводом по службе отца. В 1915г. десятилетний Н.Баскаков поступил в 1 класс Вологодской мужской классической гимназии. Учился охотно и легко, много читал. На втором году обучения в гимназии у юного гимназиста Баскакова в доме его отца произошла знаменательная встреча с давним другом его отца Бессоновым - российским драгоманом или консулом в Джидде (тогда входившей еще в состав Османской империи). Рассказы русского дипломата о восточных странах так повлияли на молодое воображение гимназиста Баскакова, что он всерьез увлекся Востоком, в особенности Турцией: стал усиленно читать о Турции и даже пробовал самостоятельно заниматься турецким языком, но препятствием явилась арабская письменность, которой тогда в Вологде или Грязовце выучиться было не у кого. Позже взрослый Н.А.Баскаков скажет о своем увлечении: «Это увлечение, видимо, и повлияло на избрание моей специальности - тюрколога, которую отец мой называл позже «миссионерством». А может быть, мою специальность подсказали гены моих предков - тюрков или монголов?».

Вероятно, взаимодействие обоих импульсов и наставило в конце концов Н.А. на путь востоковедения. Можно привести немало аналогий на это естественное явление.

Учась в Грязовецкой гимназии (она открылась в 1916 г.), Н.А. в 1918 г. поступил в Грязовецкую же музыкальную школу по классу рояля после домашней подготовки. Здесь, несомненно, сказалось влияние музыкального дарования его матери. С этих пор музыка, можно сказать, сопровождает Н.А. всю жизнь...

Наступили 20-е годы, ознаменовавшие начало революционных потрясений российского общества. Н.А., как и его сверстники, немедленно испытал прервратности судьбы. С 1919 по 1922 г., учась в реформированной из гимназии

единой трудовой школе II ступени, Н.А. работал в учреждениях родного города как рядовой служащий – конторщиком в обществе потребителей затем в Базисном вещевом складе 6-ой армии, делопроизводителем и чертежником уездного отдела здравоохранения. В 1922 г. Н.А. окончил среднюю школу и поступил в Грязовецкий педагогический техникум. Но мысль о востоковедном образовании не оставляла Н.А. в покое.

И вот пришло решение поступать в Институт востоковедения в Москве. С этим намерением Н.А.Баскаков и его товарищ С.Смирнов в 1923 г. приехали в Москву. Заполнили анкету для поступающих в Институт, указав, что сочувствуют только что слившейся с РКП(б) партии «анархистов-коллективистов». На первом же собеседовании получили отказ в приеме в Институт. После этого оба молодых человека без колебаний сдали экзамен в платный Институт Слова. Директором института был Мусин-Пушкин, а учились в нем в основном дети эзпманов. Помещался Институт Слова в том самом здании на углу улиц Семашко и Калинина, где сейчас находится Институт языкознания РАН. Второй раз в это здание Н.А. войдет много лет спустя уже известным ученым востоковедом. А пока из-за невозможности платить за обучение в Институте Слова он вынужден покинуть Москву и вернуться в Вологду, чтобы продолжать занятия в педагогическом техникуме.

На этот раз и здесь осечка. Сыграл свою роль «господин Случай». В начале 1924 года в техникуме беспартийному студенту Н.А.Баскакову предложили принять участие в диспуте на тему: «Есть ли Бог и нужна ли религия?». Оппонентом был назначен секретарь комитета комсомола педтехникума. Он выступил с основным докладом и, ссылаясь на полеты авиаторов, не обнаруживших на небе ни рая, ни ада, утверждал, что Бога нет, и религия не нужна. Н.А.Баскаков, взяв на вооружение концепцию Л.Н.Толстого, которой тогда увлекался, что Бог – добро, а Сатана – зло, и что Бог непременно побеждает, сделал свой доклад с противоположным заключением: Бог есть, и религия людям необходима.

Участники собрания после активных прений горячо поддержали мнение Н.А.Баскакова. Но увы, этот успех Н.А. вскоре обернулся для него тяжелой бедой. Вскоре у здания городского совета появилась карикатура Н.А. в подряснике, за который цеплялась толпа помещиков, буржуазии, священников и т.д. Вслед за этим состоялось исключение Н.А. из числа студентов педтехникума, сначала из Грязовецкого, а потом из Вологодского, когда Н.А. туда перевелся. Могли последовать и другие беды.

Н.А. покидает родные места и едет на Украину в с. Сосновку около Черкасс, где находится до осени 1924 г., работая репетитором. Осенью Н.А. уехал в Ленинград и сделал еще одну попытку поступить в востоковедный вуз (Вос-

точный факультет ЛГУ и Институт живых восточных языков им. Еникидзе), но снова неудача.

Третья попытка оказалась удачной: Н.А. был принят в число студентов Государственного института народного образования - в Сан-Гали на Петровском острове.

Институтом Сан-Гали ленинградцы называли двухгодичное учебное заведение типа старой учительской семинарии, готовившей преподавателей средней школы. Название Сан-Гали он носил по имени своеобразного поселка некоей голландской фирмы, которая производила различные изделия из чугуна. Память Н.А.Баскакова сохранила имена некоторых преподавателей Института из числа «бывших людей»: бывший сановник М.Н.Николаевский (ректор Института), бывший царский генерал и директор кадетского корпуса Б.П.Пиотровский (отец акад. Б.Б.Пиотровского - директора Эрмитажа), бывший профессор, крупный специалист по методике преподавания математики И.Н.Кавун (дядя В.Н.Ярцевой со стороны матери), женатый на внучке А.С.Пушкина А.Л.Слонимский (брат писателя М.Л.Слонимского), философ-кантианец А.Сухов, теоретик музыки и композитор И.Т.Назаров. Среди преподавателей Н.А. помнил имена историка-марксиста З.И.Зиновьевой (жены Зиновьева) и преподавательницы французского языка баронессы М.Ф. фон Ропп, которая оказала содействие Н.А. при поступлении в Московский университет.

Позже, после ликвидации Института в 30-40 гг. все сангалцы встречались ежегодно в Ленинграде. Несколько раз приезжал и Н.А.Баскаков на эти встречи, которые устраивались тогда в Доме Учителя - в бывшем дворце князей Юсуповых на Невском.

В 1925 г. Н.А. держал экзамен для поступления в Московский государственный университет и был принят в МГУ им. М.Н.Покровского (ныне М.В.Ломоносова) студентом этнографического отделения историко-этнологического факультета. По окончании первого курса деканат факультета командировал Н.А. в Каракалпакскую АССР на практику. Эта поездка определила в какой-то мере направление научных интересов Н.А. Через год Н.А. был еще командирован, на этот раз уже кафедрой тюркской филологии в Казахстан, Киргизию и Хорезмскую область Узбекистана для сбора материалов по уйгурскому, киргизскому и казахскому языкам и по этнографии, языку и фольклору каракалпаков и узбеков Хорезма. Богатая полевая практика в начале научного пути оказала благотворное влияние на формирование интересов Н.А.Баскакова. Большую роль в этом отношении сыграли и учителя Н.А. по университету. Среди них надо особо отметить А.Н.Максимова, профессора этнографии и редактора газеты «Русские ведомости», П.Ф.Преображенского, специалиста по теории этнологии, и В.К.Трутовского, читавшего курсы по экслибристике, геральдике и нумизматике, М.Н.Петерсона, преподававшего общее языкозна-

ние В А Гордлевского – курсы по турецкому, татарскому языкам, фольклору и литературе, Н К Дмитриева – по узбекскому языку. Н.А. слушал также лекции В В Бартольда по истории тюрков Средней Азии и Семиречья. Каждый из них вложил свою долю в формирование научных интересов Н.А.Баскакова.

Успешно сдав согласно программе, 52 экзамена и десяток зачетов, весной 1929 г. Н.А. закончил университетский курс по специальности «история археология, этнография, языки, фольклор и литература тюркских народов».

Наконец-то давняя мечта осуществилась – востоковедное образование получено. Можно засучив рукава, приниматься за работу. Так оно было и на самом деле!

Сразу же после окончания университета Н.А.Баскаков был оставлен при кафедре тюркской филологии, которой заведовал тогда В.А.Гордлевский, в то же время зачислен научным сотрудником Центрального музея народоведения. Музей отправил Н.А. снова в Каракалпакскую АССР и Хорезмскую область Узбекской ССР для продолжения сбора материалов по диалектам, фольклору и этнографии каракалпаков и хорезмских узбеков.

Далее необходимо привести сведения о трудовой деятельности Н.А.Баскакова, которые свидетельствуют о тесном кооперировании в рамках всего советского государства усилий национальных и русских ученых для решения общих и частных задач тюркологии.

1930 г. для Н.А.Баскакова был ознаменован командированием кафедрой тюркской филологии МГУ на стажировку в Каракалпакскую АССР. Н.А. стал научным сотрудником областного отдела народного образования и ответственным секретарем комитета нового алфавита автономной республики.

В большой компании языкового строительства народов огромной страны наступил этап всеобщей латинизации письменностей – очень важное дело в развитии их культур.

И в этом деле Н.А.Баскаков принял самое деятельное участие. В 1930–1931 гг. Н.А. участвовал в организации Каракалпакского краеведческого музея и комплексного научно-исследовательского Института с дальнейшим зачислением в действительные члены и заведующим этнолого-лингвистической секции этого Института. Осенью 1931 г. он возвратился в Москву и получил место научного сотрудника Лингвистической комиссии Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем при коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), позже стал центром КУТВ'а.

В 1932 г. Н.А. был приглашен в Центральный научно-исследовательский институт национальностей на должность старшего научного сотрудника и командирован в Казахскую ССР для изучения преподавания родного языка в национальной школе.

В 1934 г. Н.А. зачислен сотрудником Центрального Комитета нового алфавита (ЦКНА) РСФСР и командирован в Казахстан и Киргизию для изучения проблем языкового строительства и преподавания родных языков в национальной школе. В этом же году он был командирован в Ойротскую (теперь Горно-Алтайскую) автономную область с теми же целями. В связи с ликвидацией ЦКНА РСФСР в 1934 г. Н.А.Баскаков был переведен научным сотрудником во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита при ЦИК СССР (ВЦКНА). ВЦКНА командировал Н.А.Баскакова во все места проживания ногайцев (Астраханская область, Дагестанская АССР, Краснодарский край, Крымско-татарская АССР) для решения вопроса о создании ногайского литературного языка на новой графической основе.

В 1936 г. Н.А.Баскаков зачислен доцентом кафедры уйгурского языка в Московский институт востоковедения, продолжая участвовать в экспедиции по изучению диалектов ногайского языка. В 1937 г. ВЦКНА был закрыт, а Н.А.Баскаков переведен в институт языка и письменности народов СССР при ЦИК АН СССР, позже в ведомстве АН СССР.

Как можно убедиться, Н.А.Баскаков – старейший сотрудник Института. К концу 30-х гг. вышли в свет научные труды Н.А. по каракалпакскому, уйгурскому, ногайскому языкам.

В 1938 г. Н.А. была присуждена ученая степень кандидата филологических наук без защиты диссертации по совокупности печатных работ. Этой чести в те времена удаивались ученые лишь в редких случаях. Полевая работа Н.А. тем не менее продолжалась.

В последующие два года (1939-1940) вопросы языкового строительства потребовали от Н.А. специальных поездок в Казань, Уфу, Ташкент, Алма-Ату. Можно удивляться поразительному взрыву энергии Н.А. за десятилетний период после окончания университета. Ведь почти каждый год новое назначение по службе и непреременные командировки в места обитания тюрок европейской части России и Средней Азии, далеко не всегда комфортабельные по своим условиям. Такова была настоятельная потребность времени, научная и общественная. Так надо было отвечать на нее. Теперь с полным правом можно сказать, что Н.А.Баскаков свой долг выполнил с достоинством до конца.

Началась мировая война, которая для нашей страны стала Великой отечественной. Н.А. вступил добровольцем в Киевскую дивизию народного ополчения, но вскоре был отозван вместе с другими учеными по решению президиума АН СССР и командирован к ойротам (алтайцам) для оказания научной помощи. Он был зачислен научным сотрудником Комиссии по изучению алтайского языка при местном облисполкоме. Позже Н.А. принял участие в организации отделения ойротского языка и литературы при эвакуированном из Москвы в Ойрот-Туру Государственном педагогическом институте им. К.Либкнех-

та и назначен руководителем отделения и зав кафедрой ойротского языка и литературы. Пребывание на Алтае дало возможность Н.А. собрать богатый материал по диалектам и фольклору алтайцев по всем почти районам их проживания. Осенью 1943 г. Н.А. вместе с Ойротским отделением педагогического института вернулся в Москву и после присоединения отделения к Московскому педагогическому институту им. В.И.Ленина продолжал работу в новом институте возобновив свое сотрудничество и в Институте языка и письменности народов СССР АН СССР, переименованный вскоре в Институт языка и мышления им. Н.Я.Марра АН СССР.

Окончилась война, последовал восстановительный период и налаживание научных связей с республиками, которые открывали у себя новые вузы и национальные академии наук. Н.А. посетил Литву, Северный Кавказ, Туркмению и Хакасию для оказания научной помощи.

В 1950 г. Н.А. защитил диссертационную работу на тему «Каракалпакский язык. Части речи и словообразование» на степень доктора филологических наук. Одновременно участвовал в реорганизации Института языка и мышления им. Н.Я.Марра АН СССР после известной дискуссии по языкознанию 1950 г. в Институт языкознания АН СССР. Здесь Н.А. в составе сектора (потом лаборатории) тюркских (затем монгольских) языков работал почти 50 лет.

В 1989 г. он был зачислен ведущим научным сотрудником лаборатории тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР на общественных началах и главным научным сотрудником Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР.

Для Н.А. этот 50-летний период открыл благоприятную возможность освоения накопленных материалов и публикаций научных трудов. О творческой деятельности Н.А.Баскакова писали более полусотни авторов, стало уже трудно не повториться. Остановлюсь только на некоторых узловых моментах.

До начала XX в. далеко не все тюркские языки попали в орбиту исследования и получили отражение в словарях и грамматиках. Без них невозможно было ни преподавать языки, ни заниматься их углубленными исследованиями.

Развитию культур и просвещения тюркских (как и других) народов, начавшемуся в 30-е годы, предшествовал этап изучения языков, постановки этого дела на научный путь. Это было неотложной задачей тюркологов. Н.А.Баскаков активно включился в создание трудов по лексикографии и грамматике малоизученных или вовсе неизученных тюркских языков.

С именем Н.А. связано создание первых двуязычных тюркско-русских и русско-тюркских словарей: по уйгурскому (совместно с В.М.Насиловым, М., 1939), алтайскому (совместно с Т.М.Тошаковой, М., 1947), хакасскому (совместно с А.Н.Инкжековой-Грекул, М., 1953). под руководством Н.А. появились еще русско-уйгурский (М., 1941), ногайско-русский (М., 1963), русско-алтай-

ский (М., 1964), русско-каракалпакский (М., 1967), и туркменско-русский (М., 1968) словари.

При участии и руководстве Н.А. вышли в свет первые трехязычные словари с тюркским языком: гагаузско-русско-молдавский (М., 1973) и караимско-русско-польский (совместно с А.Зайончковским и С.М.Шапшалом, М., 1974). Изданию трехязычных словарей предшествовали две публикации Н.А. с изложением основных принципов составления трехязычных словарей (1968 и 1971 гг.). В свое время все эти словари сыграли большую роль при становлении национальных языкознаний, научное их значение сохранилось до сих пор. Названные словари являются уникальными изданиями, и трудно сказать, когда появятся условия для создания новых словарей для тех же языков хотя бы большего объема. Ценность словарей еще и в том, что некоторые из них снабжены краткими грамматическими описаниями языков (уйгурского, алтайского, хакасского, ногайского).

Первое изложение грамматической системы тюркских языков Н.А. появилось еще в его «Краткой грамматике каркалпакского языка» (Турткуль, 1932). Далее эта система была конкретизирована в последующих трудах: «Ногайский язык и его диалекты» (М., 1940) и «Каракалпакский язык, т. II. Фонетика и морфология» (М., 1952).

Грамматическая система Н.А. продолжает традиции тюркской грамматики, представленные в известной Алтайской грамматике и в грамматических трудах П.Л.Мелиоранского и В.Л.Гордлевского, включая новые идеи Н.А. – теорию частей речи в морфологии и критерий выделения придаточных предложений в синтаксисе. По той же модели грамматического описания Н.А. излагает диалектный материал, наиболее показательна в этом отношении серия «Северные диалекты алтайского (ойротского) языка», состоящая из трех частей: «Диалект черневых татар (туба-кижи)» (М., 1966), «Диалект кумандинцев (куманды-кижи)» (М., 1972), «Диалект лебединских татар-челканцев (куу-кижи)» (М., 1985).

Детальное грамматическое и лексическое описание малоизученных языков (алтайского, хакасского, ногайского, какракалпакского и уйгурского) – большая заслуга Н.А. перед наукой. Помимо всего прочего, описание показало полную лингвистическую самостоятельность упомянутых языков. Этот результат получил особый резонанс и в наши дни.

Недавно (1993-1994) прозвучала массивная критика деятельности советских тюркологов со стороны турецких коллег. Суть ее сводится к следующему: есть три языка внутри тюркской семьи, турецкий, чувашский и якутский. Остальные – не языки, а диалекты, очень близкие между собой. Из политических соображений после 1917 г. эти диалекты искусственно превращены в языки, и тюркский единый мир расколот. Тюркский мир не расколот, но со

временем он, естественно, меняется. Отдельные особи его взрослеют и становятся самостоятельными, как и в любой другой языковой семье. В начале XX в. большинство тюркских народов проявило в достаточной степени свое самовыражение. Кроме территории каждый этнос имел свою историю, самосознание и самоназвание, культуру фольклор и язык, у некоторых в литературной форме, с давней традицией и богатой литературой, подчиненную ему систему диалектов. Следовательно, можно говорить о близости между собой не диалектов, а языков.

В 30–40 гг. нашего века советские тюркологи фиксировали это состояние тюркских языков, давая им выход в теорию науки и в практику жизни: создавали новые алфавиты или реформировали старые, создавали основы новых литературных языков или помогали нормировать традиционные литературные языки. Н.А.Баскаков вместе с другими тюркологами со свойственной ему энергией участвовал в этой гуманной деятельности.

А процесс выделения тюркских языков продолжается и в настоящее время в совершенно других условиях, чем прежде: в 1978 г. введена письменность у долган, в 1989 г. – у тофаларов, готовятся ввести у себя письменность сибирские татары. Каждый народ решает этот вопрос сам.

Думаю, что надо бережно хранить существующие народы и языки тюркской семьи как редкий дар природы и дать им полную возможность развиваться. А в качестве языка межнационального общения наряду с действующим русским языком рекомендовать турецкий язык, самый крупный язык тюркской семьи, имеющий большую литературу и длительную историю.

Занимаясь многими тюркскими языками одновременно, Н.А. обращал внимание на степень их генетической близости между собой или в отношении других языков, на принципы тюркской типологии, что привело в конце концов к созданию синтезирующих трудов. Прежде всего следует назвать вошедшую в исследовательскую практику новую классификацию тюркских языков Н.А. Первые публикации ее появились в 1952 г. В отличие от прежних классификаций, строящихся на ограниченном числе лингвистических признаков, таксономическая система тюркских языков Н.А., учитывая грамматический строй и словарный состав тюркских языков в целом, стремится увязать формирование отдельных групп языков с историей их носителей. Вместе с тем, эти, как и другие теоретические построения Н.А., будят мысль, заставляют искать новые подтверждения выдвинутой идеи или другие пути решения задачи: возможности раздельной классификации языков памятников и современных языков, классификации последних по диалектному материалу и т.д. Классификация тюркских языков Н.А. вошла органической частью в дважды издававшееся очень полезное учебное пособие «Введение в изучение тюркских языков» (1962 и 1969 гг.), хорошо известное тюркологам мира.

С конца 70-х гг. Н.А. приступает к разработке другого научного направления, теоретического по сути, обращавшего уже на себя внимание тюркологов – типологической характеристики грамматического строя тюркских языков. Н.А. разработал целостную концепцию тюркского языкового типа, получившую воплощение в трех частях: «Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков» (М., 1975), «Историко-типологическая морфология тюркских языков» (М., 1979), «Историко-типологическая фонология тюркских языков» (М., 1988).

Ядро концепции Н.А. состоит в признании изоморфизма всех языковых уровней, начиная с верхнего уровня – синтаксиса. Н.А. считает что морфологическая структура каждого слова, осложненного серией аффиксальных морфем, изоморфна структуре словосочетания, а в некоторых случаях и структуре предложения. Из этого следует заключение о древнейшем типологическом строе тюркских языков. В формулировке Н.А. оно следующее: «Структура тюркского слова позволяет гипотетически представить древнейший доагглютинативный строй тюркских языков как строй изолирующий, в котором абстрактные грамматические значения были образованы от знаменательных основ, которые, находясь в постопозиции по отношению к определяющей их основе, постепенно преобразовались сначала в элементы аналитической, а затем в аффиксы синтетической формы» (1979). Иными словами, тюркские языки прошли первоначальную изоляцию, этап аналитизма и пришли к агглютинативности. Действительно, аналитический характер склонения, послеложных сочетаний, видообразования, наличие фuzии и подобие тональности в слоге делает привлекательной гипотезу Н.А. Возникает вопрос, как же осуществляется переход из одного типологического строя в другой? Есть ли какие-либо промежуточные случаи? Быть может, ответ надо искать, обращаясь к языкам, занимающим промежуточное положение в таблице морфологической классификации, срединная в себе признаки разных типов, подобно аморфно-агглютинативным языкам Океании?

Типологические исследования Н.А. позволяют выйти за рамки тюркских языков и привлечь материал алтайской или иных семей языков. Если типологически языки алтайской семьи родственны, то их генетическое родство не так очевидно. В связи с этим часть исследователей либо признает родство алтайских языков в генетическом плане, либо его отрицает. Часть остается посередине, занимая позицию разумного скептицизма. Н.А. определенно за генетическое родство тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, корейского и японского языков. В книге «Алтайская семья языков и ее изучение» (М., 1981), обобщающей занятия Н.А. алтаистикой, автор проводит обзор основных категорий словоизменения и основных моделей глагольного и именного словообразования в алтайских языках, доказывая их единую матери-

альную основу Н.А. указывает и «огромный общий фонд лексики» алтайских языков но конкретных лексических сходжении не приводит. И это понятно для показа таких сходжении понадобился бы отдельный труд. В последнее время продолжая разработки Н.Н. Поппе лексических средств алтайских языков С.А. Старостин и А.В. Дыбо провели исследования, подтверждающие родство алтайских языков на лексическом уровне, позволяющие перейти к составлению словаря алтайских языков.

Как лингвист Н.А. Баскаков занимался и аналитическими работами (описание языков) и широкими обобщающими темами, неизменно добиваясь новых результатов. Н.А. Баскаков, имея университетское образование по этнографии, занимался историко-этнографическими и фольклористическими исследованиями. В связи с тем, что Н.А. всегда интересовала историческая основа диалектных систем тюркских языков в синхронии и в диахронии, Н.А. написал целую серию историко-этимологических работ по названиям тюркских народов и племен (кыпчаки, киргизы, башкиры, половцы, печенеги, тувинцы, хакасы) изучал этнографическую лексику и терминологию. Редактировал издания по эпосу тюркских народов (Алтайский героический эпос Мадай-Кара; Хакасский героический эпос Алтын-Арыг). Н.А. принадлежит монография «Народный театр Хорезма» (Ташкент, 1984), статья, посвященная алтайским народным юморескам (1990 г.), а также публикация по шаманской мистерии Горного Алтая (1994 г.)

Н.А. Баскаков работал в области историографии. Он писал о востоковедных центрах, о занятиях тюркологов, внимательно относился к своим коллегам, старшим и младшим, отзываясь об их трудах или о них самих в связи с различными событиями.

В 1989 г. совместно с внуком Н.Баскаковым Н.А. выпустил в свет интересную работу «Академик Ф.Е. Корш в письмах современников».

Есть еще одна область творческой деятельности, которая притягивала к себе Н.А. Баскакова. Это музыка. Выше было сказано, что в 12-летнем возрасте Н.А. начал профессионально учиться игре на рояле в Грязовецкой музыкальной школе. В 1924 г. Н.А. уже сам давал уроки музыки и занимался практикой - работал настройщиком и акомпаниатором в балетной студии «Гептахор» на Большом проспекте в Ленинграде и пианистом-иллюстратором в кинематографе «Маяк» (у Покровских ворот в Москве). Музыка давала отдых душе и поддерживала материально в трудную минуту. Н.А. и здесь не оставлял мысли о совершенстве. Осенью 1925 г. он держал экзамен в музыкальный техникум им. Братьев Рубинштейн (в Мерзляковском переулке) в экзаменационной комиссии под председательством Р.Глиэра и был принят в класс профессора Вейса, но из-за высокой платы был вынужден скрепя сердце отказаться от занятий. Некоторое время он был слушателем музыкально-этнографического се-

минара в Государственном институте музыкальных наук (ГИМН) у преподавателей С.А.Толстого, П.Г.Чеснокова и В.В.Пасхалова.

Интенсивные занятия наукой оставляли мало времени на серьезные занятия музыкой. Но увлеченность и любовь к музыке оставались. Н.А. играл для семьи и друзей.

Но вот родник творчества снова забил: в 1990 г. вышла статья Н.А. о муках в развитии музыкальной культуры тюркских народов и одновременно (в США) – партитура Гимна ПИАК'а – Постоянной интернациональной алтаистической конференции – «Высокого Алтая горы...». Гимн ПИАК'а имел успех и вскоре был переведен на турецкий язык. В 1991 г. Н.А. написал еще два гимна: гимн республики Каракалпакстан и гимн республики Горный Алтай. Образцы музыкального творчества Н.А. представлены ниже.

Научную работу Н.А.Баскаков совмещал с активной преподавательской деятельностью и подготовкой специалистов-тюркологов. У него большое число учеников, кандидатов и докторов наук по всем тюркоязычным республикам, относящихся с глубочайшим уважением к своему учителю.

Н.А. вел большую научно-организационную и общественную работу, участвовал во многих-многих своих и зарубежных научных конференциях, симпозиумах, семинарах.

Научные заслуги Н.А.Баскакова получили широкое признание в стране и за рубежом. Н.А. является заслуженным деятелем РФ, Туркменской, Казахской, Каракалпакской республик, почетным членом Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии, Турецкого лингвистического общества, Международного Урало-Алтайского общества (г. Гамбург), Научного общества польских ориенталистов. Научного общества венгерских ориенталистов Кёрёши – Чома, членом-корреспондентом Финно-угорского общества (г. Хельсинки).

Рассказ о Н.А.Баскакове будет неполным, если ничего не сказать о его семье. Супруга Н.А. – Нина Владимировна Торчинская училась вместе с Н.А. на историко-этнологическом факультете на отделении изобразительных искусств. В 1929 г. Н.А. и Н.В. поженились и вскоре уехали в Каракалпакию. В Турткуле Н.В. участвовала в организации Музея Краеведения, добывала экспонаты, устраивала выставки, вела лекционную работу. После переезда с мужем в Москву Н.В. уволилась из музея и больше нигде не работала. Все время ее уходило на заботы о семье: Н.А. всегда много работал, и внимательное, бережное отношение Н.В. было и радостью, и надежной опорой во всех случаях жизни.

В 1932 г. у Баскаковых родился сын Александр, который пошел по стопам отца и получил высшее тюркологическое образование, ныне доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН. Сын

А.Н Баскакова - внук Н.А. - тоже Николай, как и дед, хотел быть востоковедом, но ему не повезло. не был принят в университет и учился в государственном пединституте им В И Ленина по специальности «английский язык» и работает сейчас в библиотеке секретариата ООН в Нью-Йорке Правнучка Н.А Анюта учится в пятом классе английской школы и любит стихи Цветаевой Мандельштама, Гумилева. Скоро и она задумается о профессии, может быть, востоковедной, ведь востоковедение - родовое занятие семьи Баскаковых.

Легко убедиться в том, что для полного описания жизни и творчества Н.А.Баскакова необходима целая книга. В этом небольшом обзоре можно было лишь пунктиром обозначить огромные заслуги Н.А Баскакова перед наукой.

Сердечно желаем дорогому Николаю Александровичу и его близким здоровья и долголетия, а самому Николаю Александровичу еще - продолжения его творческих исканий.

11 марта 1995 г.

Н.А. Баскаков

ТЮРКОЛОГИ

(Меланхолический марш тюркологов)

Посвящается V Всесоюзной Конференции тюркологов, Фрунзе 1988

Мы, коллеги – тюрковеды,
Тюркологии сыны,
Филологи, страноведы,
Изучаем тюрков мы.

Тюрков много во всем мире
На Кавказе, на Дону,
И на Волге, и в Сибири,
В Средней Азии, в Крыму.

Турки, древние огузы,
Все туркмены разных стран,
Азери и гагаузы
Составляют Огузстан.

Все татары и ногайцы
Караимы и кумык,
Все киргизы и алтайцы,
Род кыпчаков так велик.

В нем башкир, каракалпакцы,
Крым-татары и казах,
Карачаево-балкарцы
Все по племени – Кыпчак.

А чувашаи и болгары
Входят в очень малый клан.
Все узбеки и уйгуры
В малый тоже Карлукстан.

В стан уйгуров и огузов
Входят шорцы да тува,
Род хакасов, род якутов,
Вот и тюрков вся семья.

Всех мы любим, всех мы знаем,
Пишем книги и статьи,
Изучаем, познаваем
Тюркологии пути.

Тюркология наука
Многогранна и сложна.
Археологам порука
И историкам нужна.

Есть тюркологи - лингвисты,
Литератор, фольклорист,
Педагоги, методисты,
И этнограф, и юрист.

Тюркология - отрада,
Всех наук для нас милей.
По традиции нам надо
Помянуть учителей.

Радлов - первый наш учитель,
Тюрковедов пионер,
И Ильменский просветитель,
И Вербницкий миссьонер.

Казембек, Мелиоранский,
Самойлович и Смирнов,
Богородицкий казанский
И Будагов и Малов.

И Пекарский, и Ястрембский,
Катаринский и Шапшал,
Наш историограф Крымский
Мовы тюркськи описал.

И Ашмарин, и Катанов,
Корш - московский лингвист,
И Гордлевский, Поливанов,
Славься, каждый тюрковед!

Тюркологию науку
Прославляем мы, друзья,
Так пожмем друг другу руку
Мы, тюркологов семья.

Н.А.Баскаков

ГИМН ТЮРКОЛОГОВ

Посвящается Пленуму Советского Комитета Тюркологов (СКТ) в Уфе, 1989.

Да здравствуют все нации Союза:
Кавказец, тюрк и славянин,
Монгол и родственник французу
Валах, иранец и грузин.

Все наши племена и роды,
Тунгуз, еврей и армянин
И все сибирские народы,
И камчадал и угрофинн.

Да здравствует наука наша!
Да здравствует наш день Навруз!
Как покровителей науки
Мы вспомним наших древних муз.

О, наши музы: Клио муза!
И Калиопа, и она!
В наш славный праздник, день Навруза
Восхвалимте их имена.

Сладкоречива Калиопа,
Она филологам – апа,
А муза Клио светлоока
Она историкам – сестра.

Навруз – наш праздник тюркологов,
Девиз наш – «Единение сил»!
Историков и филологов
В тюркологов объединил.

Долой раздоры, ссоры, споры,
Все, что мешает дружбе – сгинь!
Объединит всех солидарность
Тюркологов, тюркологинь.

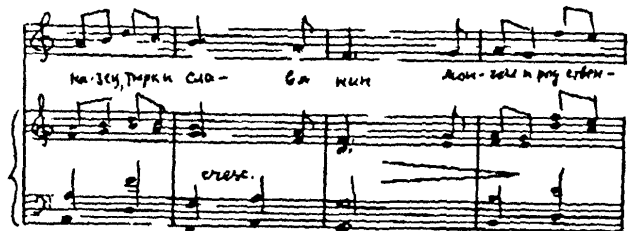
(Посвящается Тимуров Советской Коммуны. Москва. 1925)

Andante moderato, Largo

В а зраб-е ты юм сие на-чи-и Со-во-за Как-

на-ше, Тиркн Сид- са мун Алл-солд и руг ерех-

-ник Фри-чу. зу во-дох, и-ра-ноц и зпу Зид

Иванов

Тюркологи всего Союза:
Москвы, Ташкента и Уфы
Баку и Ашхабада, Фрунзе
Казани и Алма Аты,

И Ленинграда, и Тбилиси,
И Чебоксар, Махачкалы,
И Киева и Кишинева
Нукуса и Кызыл Тувы

Новосибирска и Тракая,
Якутска, Нальчика-шахри,
Черкесска, Горного Алтайска
И Абакана – всей страны.

Все Эксцеленцы, Эминенцы
И поневоле тюрколог,
Все тюркофобы, тюркофилы
И все тюркологи «ад-хок».

Всех городов и всех республик
Всех нации, всюду и везде
Тюркологи, тюркологини,
Объединяйтесь в Эс-Ка-Тэ!

22 марта 1989

Andante moderato

Му-со-ко-зо Ру-ма-я зо-па

mf cresc. dim p

Пре-ро-ду-на и ру-ду-кон

molto espress

А-май срух ^{всех} на-по-доб со-па

f

Од-е-ду-на-ем весте ме-нат

rit.

M. Mass

Н.А.Баскаков

ГИМН ПИАК-а

*Посвящается Постоянной Интернациональной
Алтаистической конференции к
Сессии ПИАК-а в Осло (Норвегия)*

Высокого Алтая горы –
Прародина и рубикон,
Алтаистических всех народов сборы
Объединяет шесть племен:

Монголов, тунгусов, корейцев
И тюрков всех воочию,
Маньчжуров дальних и японцев
В одну Алтайскую семью.

Не все согласны алтаисты
С алтайской теорией,
Есть ортодоксы, скептицисты,
Ностратики с фантазией.

Швед Стралленберг, наш узник плена,
Шотт, Немет, Винклер и Рамстедт,
Труды и Грюнцеля, Кастрена –
Алтаистический септет.

Бомбачи, Лигети, Минорский,
Владимирцев и Рясянен,
Санжеев, Котвич, Зайончковский,
Дени, Банг, Поппе, Клоусон.

Всех наших классиков Алтая
И всех, живущих ныне – нас
ПИАК ведь всех объединяет
В Алтаистический Парнас.

Хельсинки, Манчестер и Страсбург,
И Штреберсдорф, и Анкара,
Ерусалим, Хорсгольм и Гамбург
ПИАК-а сессий города.

Ташкент, Чикаго, Осло, Сегед,
И Упсала, и Блумингтон,
Гент, Питерсберг, Берлин и Лейден -
Не перечислить всех сторон.

Виват! ПИАК-а переменный
По каждой сессии главарь
И Денис Шинор неперменный,
Наш Генеральный секретарь.

Виват! ПИАК-а орган славный,
Им каждый алтаист так горд.
Виват! Журнал, редактор главный
«Ньюслеттер» и Карина Форд.

22 мая 1989

Н.А.Баскаков

ГИМН РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Алтай – край родимый, прекрасный и славный!
Могучие горы, просторы равнин,
И озеро наше – Алтын-кель державный,
И Бия с Катунью цветущих долин.

Да здравствует Горный Алтай наш свободный,
Ты славься, алтайский счастливый народ.
Культура, наука и труд наш упорный
Ведут пусть успешно к расцвету вперед!

Природой нетронутой, чистой водою,
Землей плодородной – ты славен, Алтай,
Кедровою рошей, лечебной травую
Известен везде ты, богатый Алтай!

Да здравствует Горный Алтай наш свободный!..
Богатства Алтая – граниты и мрамор,
Меха соболей и маралов стада,
Богаты и недра земные Алтая –
И золото, ртуть, дорогая руда.

Да здравствует Горный Алтай наш свободный!..

22 января 1991

Думы Акимовых Рыбачевки

ср 0, 12

moderato

Ал-тай-край ро-ди лии пре-крас-ный и сла-выи Мо-

mf.

гу-зья зо-ри пре-сто-ри рав-ныи и

о-зе-ро на-ше дн-тк-каль дер-жав-ныи и

бн-э ска-тыи то уде-туу-их до-лик

Речурен

Ла эграт-сгуб-ет Јор ностри тав ностра Бог ностри

ават-ел ан-тав сави саво-бог-ностри на рог. нугуб

-ту-ра на-у-ка и мржа тави у-пер-ностри, Све

-ост мржа у-пер-ностри рас-убе-тву биве-риг

ГИМН РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКИСТАН

Тебя, народ Кыпчака и Огуза,
Потомков древних черных клубуков,
В составе Древнерусского союза
Храни Аллах от бед и всех врагов.

Да здравствует республика родная,
Расти, Каракалпакская страна,
Цвети ты, наша Родина святая,
Живи, любимая, ведь ты - одна!

Наследники Орды Ногая-хана:
Кытай, Кыпчак, Мангыт и Кенегес,
Мюйтен и Кограда роды клана
Множитесь все под сению небес.

Да здравствует республика родная!..

Да процветают города, селенья:
Нукус, Кунград, Чымбай, Турткуль, Шаббас!
От зла стихий всех грозных провиденья
Да сохранит вас вечно всех судьба.

Да здравствует республика родная!..

Хорезма древнего в песках пустыни
Священная Аму-Дарья река
Пусть снова восстановится отныне
И будет полноводною в века.

Да здравствует республика родная!..

Народ, воспевший в эпосе героев:
Коблана, Алпамыса, Эдиге,
Республику свою создав, устроив,
Будь славен вечно всюду и везде.

Да здравствует республика родная!..

И классики твоей литературы:
Бердак, Жиен-жирау и Кюнходжа
Высоко подняли знамя культуры,
Тебе, народу своему, служа.

Да здравствует республика родная!..

Andante

Съ-де въ пещи гласъ тво-тъвъ, какъ гласъ дру-тъвъ ра-ши а мнѣго лу-че снѣгаи

Онъ-гря-тъна ка-ва-мнѣ азъ-чѣ тво-мнѣ, въ-тъвъ пун-мнѣ-тъвъ си ра-днѣ-тъвъ мнѣ

Moderato

а-рамъ тво-мнѣ-тъвъ ор-тъвъ вѣ-тъвъ а-ва тво-тъвъ-тъвъ-тъвъ мнѣ

а-тъвъ тво-тъвъ мнѣ-тъвъ вѣ-тъвъ мнѣ-тъвъ мнѣ-тъвъ-тъвъ-тъвъ

ГИМН РЕСПУБЛИКИ ТУВА АК-КӨК ТЫВАМ АЛДАРЖЫ

Өгбелерниң ыдык чаагай чаңчылдарын
Өргүн чараш ажы-төлү дөзөп салгаан.
Өндүр Саян кавайында өзүп чайнаан
Өлчөй хүннүг сайзыралдыг ак-көк Тывам.

Арат чоннуң өргээзи -
Ава чуртум чечектел!
Азий диптиң төвүндө -
Ак-көк Тывам алларжы!

Долгай Таңды, эзим-аргаşыннарында
Тос-ла чүзүн эртинелиг байлак черим.
Челе хөне сыңышпастап, дескилешкен
Чеди чүзүн көвей малдыг чоргаар Тывам.

Арат чоннуң өргээзи -
Ава чуртум чечектел!
Азий диптиң төвүндө -
Ак-көк Тывам алларжы!

Эзир турлуг экер эрлер девип, самнаан
Ээлгир кыстар шыңгыраажын ээлдек ойнаан.
Хөлбең шыктар, бедик арттар кырын дургаар
Хөөмей, сыгыт чаңгыланган чалымы Тывам

Арат чоннуң өргээзи -
Ава чуртум чечектел!
Азий диптиң төвүндө -
Ак-көк Тывам алларжы!

Сайлыкмаа Комбу.

**СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ
ПРОФЕССОРА Н.А.БАСКАКОВА (1980-1994)**

Список трудов до 1990 г. был напечатан ранее (1930-1979) в следующих изданиях:

1 Ф.Зейналов Список печатных трудов Заслуженного деятеля науки Профессора Н.А.Баскакова // Дил ва эдобиёты, № 2, Баку 1975. (До 1975 г.)

2. Сборник «Вопросы алтайского языкознания». К 75-летию Проф. Н.А.Баскакова. Горно-Алтайск, 1976. (Сокращенная библиография до 1975 г.).

3. Сборник «Вопросы каракалпакского языкознания» К 75-летию Заслуженного деятеля науки РСФСР, Казахской ССР, Туркменской ССР и Каракалпакской АССР Н.А.Баскакова., Нукус, 1983. (Полная библиография до 1979 г.).

1980

481. Ред.: *Ходжаев Б., Боржаков.* Турки диллерин гунорта-гунбатар топарында арзув хокманлык анладян ишлик формалары. Ашхабад, 1980.

482. Инструкция для составления Каракалпакско-русского словаря. Нукус, 1980. (Соавтор).

483. Умумий тилшўнослик. Ташкент, 1980. (Соавтор).

484. К 70-летию У.Кожурова. Переводчик, журналист, ученый // Советская Каракалпакия, № 99 (23 мая). Нукус, 1979.

485. Ред.: *М.Р.Федотов.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Т. I. Чебоксары, 1980.

486. Предисловие к книге: *М.Р.Федотов.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1980. Стр. 3-7.

487. Ред.: *Аманияз Жаримбетов.* Тюркские лексические элементы в русской номенклатуре растений. Нукус, 1980. 210 стр.

488. Итоги и задачи историко-типологических исследований по фонологии тюркских языков (Тезисы) // Языкознание. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1980. Стр. 10-11.

489. Проблемы совершенствования и унификации алфавитов тюркских языков народов СССР // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980.

490. Памяти Алессиньо Бомбачи // Советская Тюркология, № 2. Баку, 1980.

491. О древнем типе сказуемого в уйгурском языке эпохи Караханидов (на материале Словаря Махмуда Кашгарского) // Средневековый Восток. История, Культура, Источниковедение. М., 1980.

492. Типология фонологических систем древних и современных тюркских языков // Теоретические проблемы языков Азии и Африки М., 1980 Стр 2-3.

493. Морфемный состав тюркского слова и проблемы морфоморфологии // Тезисы рабочего совещания по морфеме Институт Языкознания АН СССР М., 1980. Стр. 20-21.

494. Вклад в чувашское языкознание // Советская Чувашия № 300 (31 декабря). Чебоксары, 1980.

495. Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация // Ономастика Востока, М., 1980.

496. Микроэтнонимы и проблемы изучения этногенетических связей между народностями // Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980, стр 3-7

497. Урунбек Нуржанович Кожуров К 70-летию со дня рождения // Советская Тюркология № 6. Баку, 1980.

498. Ред.: *К.Конкобаев*. Топонимы Южной Киргизии. Фрунзе 1980 172 стр

499. Процессы ареальной интеграции в истории тюркских языков // Советская Тюркология, № 4. Баку, 1980. Стр. 5-6.

1981

500. К проблеме историко-типологической фонологии тюркских языков // Вопросы Языкознания, № 1. М., 1981. Стр. 60-69.

501. Алтайская семья языков и ее изучение М., 1981. 12 а. л.

502. Ред.: *Н.П.Петров*. Чувашский язык в советскую эпоху. Чебоксары, 1980 // Советская Тюркология, № 1. Баку, 1981.

503. Отклик о Тюркологической конференции в Ташкенте // Узбек тили ва адабийати, № 2. Тошкент, 1981.

504. Ред.: *Г.Е.Корнилов* Теория имитативов и данные чувашских диалектов // Советская Тюркология, № 3. Баку, 1981.

505. Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях. // Proceedings of the thirteenth International Congress of Onomastic sciences. Cracow, 1978. Edited by K.Rymut, Wriclaw - Warszawa, 1981.

506. Ред.: *G.Jarring*. Literary texts of Kashgar edited and translated with notes and glossary // Народы Азии и Африки, № 5. М., 1981.

507. Женский язык у алтайцев и социальные условия его происхождения // Вопросы изучения алтайского языка. Горно-Алтайск, 1981. Стр. 106.

508. Об унификации названий литературных тюркских языков // Тюркологический сборник. Л., 1981. Стр. 21-26.

509. Владимир Александрович Гордлевский // Советская Тюркология, № 5. Баку, 1981.

510 Системные изоглоссы характеризующие отношения тюркских языков и диалектов к исторически сложившимся племенным союзам // Лингвистическая география и проблемы истории языка. Нальчик, 1981.

511 Абдул-Хамид Джанибеков - просветитель ногайского народа // Просветители. Черкесск, 1981 Стр 52-54.

512. Теоретические проблемы и вопросы, рекомендуемые для докторских и кандидатских диссертаций // Советская Тюркология, № 2. Баку, 1981. (Соавтор).

1982

513. Резьба по дереву в Хорезме // Советская Этнография, № 1 М., 1982.

514. Рец. *Erich Prokosch. Studien zur Grammatik des Turkischen.* Berlin, 1980 // Народы Азии и Африки. М., 1982.

515. Рефлексы воздействия языков Юго-Восточной Европы на формирование гагаузского языка // Балканские исследования, вып. 7. М., 1982.

516. Достижения и проблемы в усовершенствовании алфавитов и орфографии тюркских языков // Опыт совершенствования алфавитов и орфографии языков народов СССР. М., 1982. Стр 27-30.

517. К этимологии *oghuz, oghuz-qaghan* // Советская Тюркология, № 1. Баку, 1982.

518. Ред.: *О.Т.Молчанова.* Структурные типы топонимов Горного Алтая. Саратов, 1982.

519. Рец.: *G.Imart. Le Kirghiz. Description d'une langue literisation recente. Avec une etude sur le dialect kirghiz du Pamir afgan.* Par Dor R., 1980 // Вопросы языкознания, № 5. М., 1982.

520. Задачи составления ареальных исторических диалектологических атласов тюркских языков // Советская Тюркология, № 3. Баку, 1982.

521. Тюркизмы-этнони́мы в «Слове о полку Игореве» // Советская Тюркология, № 4. Баку, 1982.

522. Имран Султанович Сеидов // Советская Тюркология, № 6. Баку, 1982.

523. Ред.: *Р.А.Юналеева.* Опыт исследования заимствований. Казань, 1982.

524. Итоги, проблемы и задачи тюркского языкознания (Разделы 1, 7, 12) // Советская Тюркология, № 6. Баку, 1982.

525. Этнони́мы и антропони́мы печенегов // *Studia turcologica memoriae Alexii Bombaci dicata.* Napoli, 1982.

1983

526. Французские лингвисты о французском языке // Советская Киргизия, № 30 (5 февраля). Фрунзе, 1983. (Соавтор).

527. Выходит в свет 25000 жемчужин. (Интервью) // Известия, № 71 (12 марта). М., 1983. Стр. 6.

528. Предисловие к книге: *М.Р.Федотов*. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1983.

529. Перевод на китайский язык «Очерка грамматики уйгурского языка», Пекин, 1956 // *Н.А.Баскаков, В.М.Насилов*. Уйгурско-русский словарь. М., 1959

530. Перевод на китайский язык статьи «Классификация тюркских языков». Пекин, 1958.

531. Основные вехи развития советского уйгуроведения. Актуальные проблемы советского уйгуроведения. Алма-Ата, 1983. Стр. 9-17.

532. Рец.: Узбек тилинин изоҳди лугати. Тошкент, 1983. Т. 1-2 // Вопросы языкознания, № 3. М., 1983.

533. Рец.: Лингвистические основы преподавания языка. М., 1983 272 стр. (Соредактор).

534. О тюркских лексических заимствованиях в русском языке (По страницам «Этимологического словаря русского языка» М.Фасмера) // Советская Тюркология, № 4. Баку, 1983. Стр. 13-20.

535. Микроэтнонимы узов (огузов) - черных клобуков - в русских летописях // Acta orientalia Hungarica, t. XXXVI. Fasc. 1-3. Budapest, 1983.

536. Рец.: *М.Ш.Ширалиев*. Диалекты и говоры азербайджанского языка // Советская Тюркология, № 5. Баку, 1983.

537. Türk dillerinde ön vocallerin dizleşmesi ve Karaimcenin Haliç-Luck lehçesinde *ö > e* ve *ü > i* değış imeleri // Türk dili arařtırmaları yillığı Beleten. Ankara, 1963.

1984

538. Народный театр Хорезма. Ташкент, 1984. 128 стр.

539. Академик Алкей Маргулан. 80 жаста // Билям жане еңбек, № 4. Алма-Ата, 1984. Стр. 3-14.

540. Об интонации и фразовом ударении в тюркских языках // Советская Тюркология, № 1. Баку, 1984. Стр. 3-14.

541. Рец.: «Тюркская ономастика». Алма-Ата, 1984. (Соредактор).

542. Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. Стр. 48-76.

543. Антропонимы и этнонимы древних тюрков Восточной Европы. (Типы и модели). Резюме доклада на XV Международном конгрессе по ономастике 13-17 августа 1984 г. в Лейпциге.

544. Рец.: *Г.Е.Корнилов*. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984.

545. Предисловие к книге: *Г.Е.Корнилов*. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984.

546. Некоторые задачи исторических лингвогеографических исследований тюркских языков (тезисы) // Совещание по вопросам диалектологии и истории тюркских языков. Ужгород, 18-20 сентября 1984. М., 1984. Том I.

547. Ред.: С С Каташ. Мудрость всегда современна. Горно-Алтайск, 1984.

548. О происхождении этнонима «Башкир» // Этническая ономастика М., 1984.

549. Ред.. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984. (Соредактор).

550. Структура слова и слога // Сравнительная грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984. Стр. 422-433.

551. Протетические согласные // Там же. Стр. 380-402.

552. О тюркских лексических заимствованиях в русском языке // Советская Тюркология, № 4. Баку, 1984. Стр. 10-16.

553. Этнонимы древних тюрков Восточной Европы и чувашский язык // Этимологические исследования по чувашскому языку. Чебоксары, 1984.

554. Фархад Рамазанович Зейналов. Некролог // Советская Тюркология, № 5. Баку, 1984.

1985

555. Части речи и их функциональные формы в тюркских языках // Вопросы языкознания, № 1. М., 1985.

556. Автономность тюркского слова и его границы в речевом потоке // Актуальные вопросы филологии. Кишинев, 1985. Стр. 103-109.

557. К этимологии собственных русских имен в русских летописях // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. Стр. 30-34.

558. Этнонимы алтайцев, киргизов, тувинцев, хакасов как источник этногенетических связей этих народов между собой // Ономастика Киргизии. Фрунзе, 1985. Стр. 19-38.

559. Морфемный состав тюркского слова и проблемы морфосинтаксиса, морфоморфологии и морфосемасиологии // Тюркологические исследования. Фрунзе, 1985. Стр. 17-24.

560. Семантические типы словообразовательных моделей в тюркских языках (тезисы доклада) // Семантические категории языка и методы их изучения. Уфа, 1985. Стр. 15-16.

561. Виктор Иосифович Филоненко. К 100-летию со дня рождения // Советская Тюркология, № 5. Баку, 1985.

562. Абдуали Туганбаевич Кайдаров. К 60-летию со дня рождения // Советская Тюркология, № 6. Баку, 1985. (Соавтор).

563. Теоретические основы грамматики тюркских языков // Вопросы советской тюркологии (тезисы докладов). Ашхабад, 1985.

564. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). М., «Наука» 1985. 227 стр.

565. В.И.Стеллецкий – поэт и ученый // Московский литератор № 47-48 (29 ноября). М., 1985.

566. Река Каяла в «Слове...» и река Суюрлий в русских летописях // «Слово о полку Игореве» и его время. М. 1985. (Под ред. Б.А.Рыбакова). Стр. 241-248.

567. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., «Наука», 1985. 13 ал.

568. Антропонимы и этнонимы древних тюрков Восточной Европы. (Типы и модели) // Linguistique Balcanique. XXVIII, № 4. Sofia, 1986.

569. Имена собственные гуннов, болгар, хазаров, сабиров и аваров в исторических источниках // Советская Тюркология, № 4. М., 1985. Стр. 29-36.

1986

570. Ред.: М.Р.Федотов. Чувашский язык в семье алтайских языков. Т. II. Чебоксары, 1986. 128 стр.

571. Ред.: А.Т.кайдаров. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986. 327 стр.

572. Языки-посредники заимствованных тюркизмов в русском языке // Проблемы составления этимологических словарей отдельных тюркских языков. Чебоксары, 1986.

573. Oghuz, oghuz-kaghan – etimologici üzerine // Istanbul Universitesi Edebiyat Fakültesi Türk dili ve edebiyati dergisi. Istanbul, 1986. S. 35-37.

574. Огузский ареал тюркских языков в истории консолидации и контактирования с адстратными и субстратными языками // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тезисы докладов XXIX Сессии Постоянной Интернациональной Алтаистической Конференции (ПИАК), т. 2, Лингвистика. М., 1986.

575. О границах словообразования и словоизменения в тюркских языках // Советская Тюркология, № 2. Баку, 1986. Стр. 3-11.

576. О некоторых общих вопросах тюркского языкознания // Советская Тюркология, № 4. Баку, 1986. Стр. 39-52.

577. Микроэтнонимы огузских этнических групп Закавказья // Turcologica. М., 1986.

578. О тюркских лексических заимствованиях в русском языке (По страницам «Этимологического словаря русского языка» М.Фасмера, т. III-IV) // Советская Тюркология, № 1. Баку, 1986. Стр. 11-19.

579. توركى تىللار Тюркские языки. Пекин, 1986. 470 стр. (на уйгурском языке).

580. Тюркские заимствования в русском языке // Взаимодействие и взаимовлияние языков. (Под ред Ю.Д. Дешериева) М., 1986.

581 Тюркские языки // Латышская Энциклопедия Рига, 1986.

1987

582. Огузский ареал в истории консолидации тюркских языков // Советская Тюркология, № 1. Баку 1987 Стр. 3-7.

583. Алтайские, хакасские, ногайские и кумыкские личные имена // Справочник личных имен народов РСФСР. М., «Русский язык», 1987.

584. Ред.: *С.Байлиев* Түркмен дилинде дүшүм категориясы. Ашхабад, 1987. 108 стр.

585. О жизни и творчестве М.Б.Балакаева // *М.Б.Балакаев* Казахский литературный язык. Алма-Ата, 1987. (Соавтор).

586. Современные кыпчакские языки. Нукус, 1987. 104 стр. (Соавтор).

587. Типология фонологических систем древних и современных тюркских языков // *Problemy językow Azii i Afriki*. Warszawa, 1987.

588. Тюркское языкознание в СССР за семьдесят лет // Советская Тюркология, № 5. Баку, 1987. Стр. 3-31. (Соавтор).

589. К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // Советская Тюркология, № 1. Баку 1987. Стр. 69-75.

590. Классификация тюркских языков. перевод на турецкий язык // *Rašid Rahmatı Arat. Macaleler*, I. Ankara, 1977. P. 111-125.

591. О некоторых тохарских заимствованиях в лексике тюркских языков // *Tatarica. Studia im honores Omār Deher*, Anno MCMLXX sexegenario. Helsinki, 1987. P. 32-40.

1988

592. Собственные имена древних тюрков Восточной Европы (Стратификация болгарских, огузских и кыпчакских элементов) // Ономастика, типология, стратификация. М., 1988. Стр. 120-127.

593. Ред.: Сравнительная грамматика тюркских языков. Т. II. Морфология. М., 1988. 560 стр. (Соредактор).

594. Категория наклонения // Сравнительная грамматика тюркских языков. Т. II, М., 1988. Стр. 324-367.

595. Диалекты алтайского языка // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1988. Стр. 3-20.

596. Ногайский язык // Латышская Энциклопедия. Рига, 1988.

597. Каракалпакский язык // Латышская Энциклопедия. Рига, 1988.

598. Принципы разработки исторической грамматики млодописьменных тюркских языков. Тезисы доклада // Тюркология. Фрунзе, 1988.

599. Ред.: Алтын-Арыг - Хакасский героический эпос М., 1988.

600. К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // *Turcica et Orientalia. Studies in honour of Gunnar Jarring* Istanbul - Stockholm, 1988. P. 1-8.

601. Основные исторические этапы формирования тюркских языков народов Средней Азии и Казахстана // *Проблемы этногенеза и истории народов Средней Азии и Казахстана*. М., 1990. Стр. 74-84.

602. Ред.: *Н.Нартыев*. Строй сложного предложения в современном туркменском языке. Ашхабад, 1988. (Соредактор).

603. Очерки истории функционального развития тюркских языков. Ашхабад, 1988. 8 а.л.

604. Историко-типологическая фонология тюркских языков. М., 1988. 17 а. л.

1989

605. Алтайский язык, Каракалпакский язык, Ногайский язык // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1989.

606. Титулы и звания в социальной структуре Хивинского ханства // *Советская тюркология*, № 1. Баку, 1989.

607. Академик Ф.Е.Корш в письмах современников. М., 1989. 18 а.л. (Соавтор).

608. Мучым таткыкат (Важное исследование) // *Коммунизм туты*, № 142 (26 июля). Алма-Ата, 1989. (На уйгурском языке).

609. Принципы разработки исторической грамматики младописьменных тюркских языков. М., 1989.

610. Анкета-статья // *Советская тюркология*, № 5. Баку, 1989.

1990

611. Гимн ПИАК-а (Постоянной Интернациональной Алтаистической Конференции) - «Высокого Алтая горы...», слова и музыка // *Newsletter*, № 19, February 1990. Permanent International Altaistic Conference (PIAC), Indiana University, Bloomington, USA.

612. Мукамы в развитии музыкальной культуры тюркских народов // *Советская тюркология*, № 1. Баку, 1990.

613. Жолду баскан арбытат. Он много ездил по дорогам. Беседа с тюркологом Н.А.Баскаковым. // *Ала-Тоо*, № 8. Фрунзе, 1990. Стр. 128-133. (На киргизском языке).

614. Karahanlı Türkcesinde eski tip yüklem üzerinde. Bilimsel bildiriler. Ankara, 1972.

615. Кудайберген Жубанов - один из первых советских тюркологов // К.Жубанов и казахское языкознание Алма-Ата, 1990

616. Рец. Памятное завещание // Звезда Алтая (19 декабря). Горно-Алтайск, 1990.

617. Первый доктор наук своего народа - С.Суразаков // Сын Вечного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. Стр. 46-52.

618. Всегда любил Кыргызстан // Литературный Киргизстан, №12. Фрунзе, 1990. Стр. 125.

619. Алтайские народные юморески // Эл-Алтай, № 4. Горно-Алтайск, 1990. Стр. 53-65.

620. Причастие на *-асы/-еси* в тюркских языках и его происхождение // Советская тюркология, № 1. Баку, 1990. Стр. 3-7.

621. Принципы разработки исторической грамматики млодописьменных тюркских языков // Советская тюркология, № 6. Баку, 1990. Стр. 52-57.

1991

622. Ред.: *М.П.Пенжеев*. Историческое развитие и современная структура земледельческой лексики в туркменском языке. Ашхабад, 1991.

623. Ногайский язык // Языки народов СССР. М., «Советская энциклопедия», 1991.

624. Гимн ПИАК-а, перевод на турецкий язык // Newsletter № 20, 1991. Permanent International Altaistic Conference (PIAC), Indiana University, Bloomington, USA.

625. Гимн республики Каракалпакистан (слова и музыка) // Советская Каракалпакия, № 194 (11 октября). Нукус, 1991. Еркин Карахалпакистан, № 196 (11 октября). Нукус, 1991.

626. Гимн республики Горный Алтай (слова и музыка) // Алтайдын Челмены, № 247 (20 января). Горно-Алтайск, 1991.

627. Историческая диалектология и лингвогеографические исследования тюркских языков // К 70-летию Э.Р.Тенишева - Исследования языковых систем в синхронии и диахронии. М., 1991. Стр. 27-34.

1992

628. Профессор С.М.Шапшал - выдающийся ученый, мудрый пастырь и хороший человек // Вильнюс, № 8. Вильнюс, 1992.

629. Ред.: *Н.А.Яшмова*. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1992. Стр. 168.

630. Русские фамилии тюркского происхождения. Баку, 1992. 230 стр. (Переиздание без уведомления автору).

631. Türk dilinin tarihinde bölgesel entegrasyon süreçleri // Turk kültürü araştırmaları. 1991 cildi. Ankara, 1991-1992

632. Ред.: *В.И.Кефали* Караимы. Краткое предисловие к книге Пушино, 1992.

633. Об интонации и фразовом ударении в тюркских языках. Перевод на китайский язык // Исследования по языкам нацменьшинств Пекин, 1992.

1993

634. Тюркские языки // Языки народов Азии и Африки. Т. V. М., «Восточная литература», 1993. Стр. 187-282. (Соавтор).

635. Русские фамилии тюркского происхождения 2-е издание. М «Восточная литература», 1993. 230 стр.

636. Русские мужские и женские имена в алтайской адаптации в русском языке // Ономастика. Кн. I, часть 1-я. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV. М., 1993.

637. «Слово о полку Игореве» и древние тюрки Восточной Европы // Rocznik Orientalistyczny, t. XLVIII, z. 2. Warszawa, 1993. Стр. 52-75.

1994

638. Академик А.А.Зайончковский в дружеских воспоминаниях // Kipčiaku Tiruku oientas Lietuvoje. Istorija, ir tyrimu perspektyva. Vilnius, 1994. Стр. 81-88.

639. Шаманские мистерии Горного Алтая. Краткая публикация из готовящейся к изданию книги с тем же названием в соавторстве с Н.А.Яимовой // Кан-Алтай, № 2. Горно-Алтайск, 1994 (Издание Фонда имени С.С.Суразахова). Стр. 14-15.

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сфера народного образования на родных языках народов Российской Федерации и бывшего СССР была и остается наиболее массовой, организованной и регулируемой сферой функционирования национальных в том числе тюркских языков а также основной сферой системного обучения этим языкам. Организация национальной школы в советскую эпоху позволила в кратчайшие сроки решить ряд социолингвистических и социокультурных проблем, в частности, ликвидировать массовую неграмотность, повысить общественный статус языков сформировать и расширить социальную базу их литературных форм развить национальную духовную культуру многих больших и малочисленных народов и народностей В настоящее время, когда большинство национальных языков РФ значительно сократили свои общественные функции и социальную базу, развитие и совершенствование воспитания и образования на родных языках является приоритетным направлением языковой политики и языкового строительства, гарантирующим сохранение и развитие этих языков.

О значительной утрате владения родными языками младшими возрастными группами тюркоязычных национальностей в РФ свидетельствуют данные переписи населения 1989 г. Наибольшие различия в признании родными языков своей национальности или русского языка наблюдаются у национальностей с компактным и дисперсным расселением и у городских и сельских жителей одной национальности. Как следует из приводимой ниже таблицы, доли считающих родными языки своей национальности значительно выше у детей кумыков, тувинцев, карачаевцев и балкарцев, более 80-90% которых компактно расселены в своих республиках, а доли считающих родным русский язык наиболее высоки у детей татар, чувашей, башкир, 70-80% которых дисперсно расселены за пределами своих республик. Малочисленные алтайцы и хакасы, хотя в большинстве своем и проживают в своих республиках, но составляют значительное меньшинство их населения, что снижает доли признающих родными языки своей национальности. Велики различия в языковых предпочтениях городской и сельской молодежи тюркоязычных национальностей. В среднем около 30% городских детей у чувашей и долган, 50-60% детей у башкир, хакасов и алтайцев, 70% у татар и казахов признают родными языки своих национальностей, причем у более старших возрастных групп эти показатели либо еще более снижаются, либо повышаются незначительно. Признание родным русского языка 60-70% городских детей чувашей и долган, 40-50% де-

тей хакасов и алтайцев, 30% детей татар, башкир, якутов и казахов свидетельствует о значительной ассимиляции этих национальностей в городской русской языковой среде и в недалеком будущем может привести к полной утрате родных языков наиболее социально продвинутой частью населения этих национальностей - рабочих, служащих, интеллигенции, составляющих ядро социальной базы литературных форм этих языков. В сельской местности доли считающих родными языки своих национальностей намного выше и находятся в пределах 80-99%, однако в подавляющем большинстве сельская молодежь владеет не литературной формой родных языков, а их территориальными диалектами и говорами.

Общезвестно, что раннее обучение является наиболее эффективным для развития и закрепления навыков владения языками, что является одной из основных задач и целей дошкольного воспитания. Однако система дошкольного воспитания является наименее развитой в сфере народного образования в РФ. При средней обеспеченности дошкольными учреждениями по РФ в 1990 г. на 66% (НХ, 81) их посещали в Татарстане и Туве 31% татарских и 28% тувинских детей, в Башкортостане и Чувашии всего 15% башкирских и 8% чувашских детей. В сельской местности, где проживает большинство этих национальностей, количество дошкольных учреждений в полтора-два раза меньше, чем в городах, что частично объясняет такие малые доли детей этих национальностей, посещающих дошкольные учреждения. В соответствии с Программой «Национальные (нерусские) учебные заведения РСФСР (1990-1995 гг.)» к 1995 г. намечается увеличить количество национальных дошкольных учреждений в среднем по РФ на 13% и детей в них на 25%, что не сможет обеспечить массовое дошкольное обучение языкам детей нерусской национальности. Ощущается нехватка квалифицированных воспитателей дошкольных учреждений, владеющих литературными национальными и русским языками и современной методикой развития речи у детей дошкольного возраста. Отсутствуют, либо в полной мере не применяются учебно-методические программы и комплекты по языкам, изобразительному, музыкальному и декоративно-прикладному искусству с учетом национальных и языковых особенностей. Таким образом недостаточно реализуется весьма эффективное раннее обучение родным и русскому языкам, которое перекладывается на школьное образование, программа которого достаточно нагружена гуманитарными и естественно-техническими дисциплинами.

Начальное и среднее общее образование на национальных, в том числе на тюркских языках, включая изучение родных языков и литератур как предметов школьной программы, является наиболее развитой частью системы народного образования в РФ на родных языках. «В 80-х гг.... 53% нерусских детей в РСФСР посещали обычную русскую школу, остальные 47% обучались в на-

циональной, где преподавалось (не считая языков союзных республик) 44 родных языка. Из них 26 языков существовали лишь как учебный предмет, а обучение той или иной длительности осуществлялось лишь на 18 языках причем 11 языков использовались на протяжении всего 1-3 лет обучения, еще 3 языка - 4-х лет. Фактически лишь у четырех наций в той или иной степени сохранилась средняя и старшая ступень школы на родном языке (тувинцы - 7 лет, якуты - 9 лет башкиры и татары - 11 лет). В остальных случаях национальная школа выступала по существу лишь как инструмент подготовки к единой русскоязычной школе... число языков обучения и изучения в школах Российской Федерации в 1990-91 учебном году возросло до 66, в 1992 - до 83» [Кузьмин, 14, 17]. Из этого общего количества языков обучения и изучения 17 языков являются тюркскими.

В 1992-93 учебном году начальное обучение в РФ осуществлялось на 11 тюркских языках: татарском, чувашском, башкирском, якутском, тувинском, кумыкском, карачаево-балкарском, хакасском, алтайском, азербайджанском и казахском. Неполное и полное среднее образование проходило на 5 тюркских языках: татарском, башкирском, якутском, тувинском и казахском. Все указанные языки, а также туркменский, ногайский, караимский, шорский, долганский и тофаларский (всего 17 языков) изучаются как предметы начальной и средней общеобразовательной русской школы в местах компактного расселения их носителей. Татарский, чувашский, башкирский, якутский и тувинский языки изучаются также в средних специальных и профессионально-технических школах и училищах в соответствующих республиках.

В 1992-93 учебном году из общего количества около 4,5 тыс. школ в РФ с обучением на тюркских языках с 300 тыс. учащихся до 50% школ и 36% учащихся были с обучением на татарском языке, 20% школ и 16% учащихся на башкирском языке, 14% школ и 10% учащихся на чувашском языке и 10% школ и 19% учащихся на якутском языке. Из общего количества 3,3 тыс. школ с 540 тыс. учащихся, в которых тюркские языки изучались как обязательные предметы или факультативно, татарский язык изучается в 48% школ с 57% учащихся, башкирский язык в 17% школ с 9% учащихся и чувашский язык в 9% школ с 11% учащихся. Изучение шорского, долганского и тофаларского языков осуществляется в отдельных, преимущественно сельских школах в малочисленных группах детей соответствующих национальностей.

Согласно указанной программе развития образования на национальных языках к 1995 г. предусмотрено расширить применение тюркских языков в системе среднего общего образования, в том числе довести обучение на татарском, башкирском, тувинском, якутском и казахском языках с 8-10 до 11 лет, на чувашском - с 3 до 8 лет, на кумыкском, ногайском, алтайском и азербайджанском языках с 2-3 до 4-7 лет, на карачаево-балкарском и хакасском язы-

ках организовать начальное образование в 1–4 классах. К сожалению программой не предусмотрена организация обучения или изучения узбекского, киргизского, гагаузского, каракалпакского, турецкого, уйгурского языков и литератур, хотя представители соответствующих национальностей общей численностью около 200 тыс. человек являются гражданами РФ и более или менее компактно расселены в ряде ее республик, краев и областей.

Среди многочисленных проблем национальной школы в РФ хотелось бы отметить такие две актуальные проблемы, как неравномерность охвата средним образованием на родных языках различных этнодемографических и социально-профессиональных групп национального населения и более низкое по сравнению с русской школой качество образования в национальной школе. Обе эти взаимосвязанные проблемы обусловлены рядом общих социально-лингвистических факторов: социально-экономическими и культурными различиями города и деревни, разными уровнями структурного и функционального развития русского и национальных языков и их различными фактическими статусами.

В сельской местности, где проживает большинство автохтонного тюркоязычного населения РФ, находится более 90% школ с обучением и изучением чувашского, башкирского, якутского языков, 89% татарских, 72% тувинских школ, в которых обучаются соответствующие доли учащихся указанных национальностей. Большинство этих школ хуже, чем в городах, обеспечены учебными пособиями, ТСО, преподавательский состав имеет более низкий профессиональный и культурный уровень, хуже владеет литературными нормами родных и русского языков. В столицах тюркоязычных республик и в городах со значительным тюркоязычным населением до начала 90-х гг. школ с обучением и изучением родных языков было мало, и основная масса детей тюркоязычных национальностей обучалась в русских школах. В настоящее время количество городских национальных школ, в том числе школ и лицеев с углубленным изучением родных языков, стало расти, что также увеличивает качественное превосходство городского образования над сельским. За пределами республик, в диаспоре, где проживает значительная часть татар, чувашей, башкир, а также этнические группы казахов, азербайджанцев, туркмен и пр., дети этих национальностей значительно меньше, чем в своих республиках, или совсем не обеспечены образованием на родных языках и обучаются в русских школах. В 1992–93 учебном году за пределами Татарстана в РФ функционировало только 40% всех татарских школ с 30% всех учащихся на татарском языке, в то время как за пределами республики проживает 70% татарских детей школьного возраста. За пределами Чувашии находится менее 20% чувашских школ, хотя там расселено почти 50% чувашей школьного возраста. За пределами Башкортостана проживает 30% башкирских детей школьного возраста и

нет в настоящее время ни одной школы с обучением на башкирском языке. Имеется бо́льшее количество и с изучением башкирского языка как предмета. По приблизительным подсчетам на родных языках в общеобразовательной средней школе в РФ обучается около 10-15% татарских и хакасских, 19-23% чувашских, башкирских и балкарских школьников, 32% кумыкских, 49% алтайских и более 70% тувинских и якутских школьников. Указанная программа развития образования на национальных языках предусматривает увеличение сети национальных школ в 1995 г. по отношению к 1991 г. в среднем на 6,6% и количество учащихся в них на 12%, а школ с изучением родных языков на 12% и учащихся в них на 18%. Однако в Татарстане, Чувашии и Башкортостане, где доли учащихся титульных национальностей на родных языках особенно малы, увеличение количества школ и учащихся предусматривается в пределах 1% школ и менее 10% учащихся, что существенно замедляет развитие социальной базы и функций национальных языков.

Общественно-политическая дезинтеграция и сепаратизм в РФ нашли свое отражение в сферах языковой и культурной жизни народов, в стимулировании и организации обучения языкам с еще не сформировавшимися письменными нормами и собственно диалектам в той или иной степени отличающимся от литературных языков. Вряд ли можно высоко оценить социальную значимость и качество обучения долганскому или тофаларскому языкам, являющимся, по существу, диалектами якутского и тувинского языков, или планируемое обучение диалектам алтайского и хакасского языков, которые сами остро нуждаются в развитии своей социальной базы и общественных функций. Во всяком случае, обучение всем этим языкам независимо от их форм существования и статуса не должно происходить за счет учебного времени, отводимого школьными программами на обучение русскому и иностранным языкам. Между тем, имеют место случаи значительного сокращения учебного времени для обучения русскому языку. Так, по свидетельству Н.Г. Самсонова «...не может не тревожить явная недооценка в последнее время роли и места русского языка в Якутии. Принижена его роль как учебного предмета в школе, что проявляется в резком сокращении количества учебного времени на его изучение: в I-IV классах - на 36,7%, в V-IX классах - на 42,9%, в том числе в V-VII классах - на 50%. Кроме того, в V-IX классах с русского на родной язык переводится преподавание и других предметов. Сокращение времени на изучение и практическое использование русского языка в качестве языка обучения столь значительно, что вызывает серьезные опасения за дальнейшую судьбу выпускников якутских школ, особенно тех, кто намерен продолжать образование, поскольку и впредь наиболее доступным и массовым каналом подготовки кадров всех специальностей для Якутии будут служить русскоязычные вузы» [Самсонов, 183]. Снижение уровня владения русским языком неизбежно при-

ведет к социальной и культурной изоляции национального населения РФ, увеличит среди него доли малообразованных и полужызычных.

Не решены проблемы подготовки педагогических кадров и учебных пособий для национальной школы. За исключением учителей родного языка и литературы большинство учителей по другим школьным дисциплинам в национальной школе готовится в федеральных и республиканских вузах и педучилищах на русском языке. Приступая к работе в национальной школе, эти учителя должны, каждый в меру своих индивидуальных знаний родного языка, излагать на нем учебный материал, освоенный ими самими на русском языке. Особенно при этом страдает обучение нефилологическим дисциплинам на тех национальных языках, на которых слабо развиты или отсутствуют соответствующие терминологические системы, учебный стиль или учебные пособия. В целях повышения качества среднего образования на национальных языках необходимо постепенное расширение круга педагогических специальностей, получаемых в вузах на этих языках.

Учебные пособия для национальной школы могут быть подразделены на две группы: переводные (преимущественно с русского языка) и оригинальные (подготовленные на тех или иных национальных языках). И те, и другие обладают определенными достоинствами и недостатками. К достоинствам переводных учебников следует отнести их более высокую содержательность, новизну и методическое совершенство, позволяющие сохранять определенный стандарт среднего образования как на русском, так и на национальных языках. Переводные учебники содействуют пополнению терминологии и совершенствованию учебного стиля языков перевода. Однако язык этих учебников часто содержит интерференцию, окказиональные заимствования, терминологические синонимы и пуризмы. Оригинальные учебники на национальных языках, большинство которых посвящено гуманитарным дисциплинам, более совершенны по языку изложения, но уступают переводным учебникам по новизне содержания и методике.

Современная национальная школа в РФ ориентирована прежде всего на формирование у молодежи национального самосознания и на освоение ею родных языков и культур. При этом она не должна замыкаться в своих национальных рамках, если ставит задачей также обеспечение своей молодежи международного стандарта образования и равного образовательного уровня и социального статуса с русскоязычной молодежью. Эту задачу можно решить только с применением в национальной школе наряду с родными языками также русского и иностранных языков, положение с которыми в системе народного образования в РФ носит критический характер и требует серьезного комплексного изучения как специалистами по педагогике и методике, так и социолингвистами.

ЛИТЕРАТУРА

Кузьмин - Кузьмин МН Национальная школа России. традиции и современность в контексте модернизации // Труды Института национальных проблем образования Вып 1 М, 1993. Стр. 5-19.

НХ - Народное хозяйство РСФСР в 1990 г М, 1991.

Программа - Программа «Национальные (нерусские) учебные заведения РСФСР (1990-1995 гг)» М., 1990.

Самсонов - Самсонов НГ Языковая ситуация в республике Саха // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М, 1994. Стр. 180-185.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Доли городских и сельских детей дошкольного и школьного возраста тюркоязычных национальностей в РФ, считающих родными языки своих национальностей и русский язык в %. (Из кн.: Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Российской Федерации по данным переписи населения 1989 г. М., 1992. Стр. 40-158).

национальн.	город						сельская местность					
	считают родным язык своей нац			считают родным русский язык			считают родным язык своей нац.			считают родным русский язык		
лет:	0-6	7-10	11-15	0-6	7-10	11-15	0-6	7-10	11-15	0-6	7-10	11-15
татары	72	67	69	28	33	30	90	90	92	8	9	7
чуваши	30	27	32	70	73	68	84	85	87	16	15	13
башкиры	60	55	56	29	34	31	78	77	81	6	6	5
якуты	75	66	70	25	34	30	98	95	97	2	5	3
кумыки	95	97	91	5	3	9	98	98	99	2	2	1
тувинцы	97	98	95	3	2	5	99	99	99	1	1	1
карачевцы	93	92	93	7	8	7	98	99	99	2	1	1
балкарцы	90	90	91	10	10	9	98	97	96	2	3	4
хакасы	54	49	60	46	50	40	80	78	80	20	22	20
алтайцы	51	44	53	49	56	47	87	86	87	13	14	13
казахи	69	66	71	31	34	29	87	82	89	13	12	10
долганы	32	43	41	68	57	59	87	87	89	13	13	11

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДИВАНА «БАКЫРГАН КИТАБЫ»

Известно, рукописи не горят и тьме никогда не объять света. Вот и последние годы возвращают тюркским народам их драгоценное духовное наследие, лишь на время утраченное в водовороте XX века. Понемногу начинается духовное возрождение.

Возрождение подразумевает оживление традиции. Традиция зиждется на авторитетах. Не будет ошибочным утверждать, что для всех тюрков-мусульман, от Великой Китайской стены до Поволжья и Босфора, после Пророка Мухаммада и его ближайших сподвижников нет фигуры более значительной, чем Ахмад Ясави – великий тюркский шейх. Ему, его мистическому пути и тарикатам, так или иначе связанным с традицией ясавийа, следует приписать не только решающую роль в обращении тюркских народов в ислам, но и поставить в заслугу создание самобытной школы тюркоязычной проповеднической поэзии.

Поэзия эта представляется весьма доступной и поэтому истинно народной по форме. Поэты-ясавиты и писали, в основном, народными метрами, которые в XV-XVI вв. стал теснить, но так и не вытеснил окончательно арабо-персидский аруз. По содержанию это проповеднические стихи и поэмы, толкующие об основах ислама, о его героях и подвижниках, порой просто популярное изложение коранических легенд, а также наставления в посте, молитве, общих правилах поведения добродетельного мусульманина, в началах Пути. Ясавийской поэзии чужда трехслойная головоломная персидская образность. Поэты-ясавиты писали не для избранных и не ради красного словца. Их аудиторией были широкие народные массы. Их задачей было обращение этих масс в новую веру, укоренение этой веры в обратившихся, привлечение уже крепких в вере к мистическому Пути поиска Истины. Отсюда явность выражения, прозрачность смысла, отсутствие перегруженности метафорами.

Представляется, что задачу свою поэты-проповедники выполнили. Стихи Ахмада Ясави, Сулеймана Бақыргани и других ясавитов стали достоянием феодальной аристократии и ремесленников-горожан, крестьян и кочевников на огромной территории. В отдельных областях суфизм, легко вбиравший и перерабатывавший в исламском духе местные земледельческие и кочевнические культы, был единственной формой ислама, известной народу. География славы и почитания шейхов, ведущих свои силсила от Ахмада Ясави, была преимущественно и географией распространения ясавийской поэзии. Таким образом, верно будет сказать, что поэзия эта имела и имеет общетюркское значение. Можно говорить о ее происхождении, но, кажется, мало смысла имеет привязывать ее к какой-либо узконациональной литературной традиции.

Несомненно, исследования ясавийской поэтической традиции под любым углом зрения важны сегодня. В нашем востоковедении определенный интерес к этому вопросу существовал и языковедческий и литературоведческий и культурологический. Отдельные работы Ахмаду Ясави, Сулейману Бақыргани посвятили К.Г. Залемани, В.А. Гордлевский, А.К. Боровков. Статья последнего «Определение языка хикматов Ахмада Ясави», опубликованная в 1949 г., поставила перед дальнейшими исследователями серьезную и трудноразрешимую проблему сконцентрированную в следующих словах: «Сейчас очень трудно установить с большой точностью какие именно хикматы принадлежат самому Ясави. Легче пожалуй доказать обратное, что Ахмаду Ясави не принадлежит ни одного из известных нам стихов, и что все приписано ему позднее. Данные языка, в частности, также не дают нам точки опоры»¹. Только кропотливые лингвистические литературоведческие источниковедческие изыскания, считает Боровков, способны приблизить нас к разрешению вопросов о языке ясавийской традиции и эволюции этого языка от XII в. (согласно преданиям, Ахмад Ясави скончался в 1166 году, прожив удвоенное число лет жизни Пророка, т.е. два раза по 63 года; дата кончины же Сулеймана Бақыргани – 1186 год) и до XVIII-XIX и даже XX веков, когда традиция эта, конечно, сильно законсервированная, так или иначе продолжала жить.

Определенным этапом в этой работе, видимо может стать прояснение вопроса о времени и цели создания «Диван-и хикмет» и «Бақырган китабы» – двух центральных книг ясавийской традиции, на сегодняшний день известных нам. Первая считается диваном Ахмада Ясави, вторая – диваном Сулеймана Бақыргани. Однако, если в «Диван-и хикмет» стихи Ахмада Ясави, в т.ч., возможно, приписанные ему, составляют приблизительно две трети сборника, а остальные принадлежат другим авторам, то в «Бақырган китабы» перу Сулеймана Бақыргани принадлежит лишь чуть больше трети стихов, помещенных в сборник (44 стиха из 124 плюс две либо три поэмы из восьми).

В статье Боровкова приводятся и сличаются списки авторов «Диван-и хикмет» и «Бақырган китабы». Многие из этих поэтов присутствуют в обоих сборниках. Часть имен пока что абсолютно ничего нам не говорит. Некоторые авторы, видимо, идентичны героям преданий, связанных с Ахмадом Ясави и Сулейманом Бақыргани: например, Баба Мачин – первоначально противник, а затем мюрид Ахмада Ясави, или Хубби-ходжа – третий сын Хакимата (прозвище Сулеймана Бақыргани, данное ему Хызром), по легенде превзошедший своей духовной мощью отца и изгнанный им. О некоторых поэтах имеются достоверные исторические свидетельства. Это шейх Кемаледдин Икани, шейх Худайдад, шейх Касым. Под тахаллусом Убайди, возможно, скрывается шей-

¹ Боровков А.К. Очерки по истории узбекского языка (Определение языка хикматов Ахмада Ясави) // Советское востоковедение, V, 1949, стр. 246.

банид Убайдулла-хан. Отрывочные сведения имеются о Мискин Гарибе, Сайфаддине, Кул Шарифе. А о Насими и Нашрабе - поэтах весьма схожих судеб - известно достаточно много.

Между Ахмадом Ясави, окончательно оставившим этот мир в 1166 и Дивана-и Машрабом, казненным в 1711 году - почти шесть столетии. Что же объединило их и всех находящихся между ними по времени поэтов в рамках дивана «Бакырган китабы»? Можно ответить: литературная традиция. И это будет справедливо. С XII по XVIII вв. почти не меняется круг тем и сюжетов, мало изменяется образность, так же как и лексика, грамматика, стихотворная техника. Такое впечатление, думается, нельзя объяснить лишь работой переписчиков, приближавших старые образцы к новым, более удобопонимаемым современным читателем. Вероятно и обратное: высокая образцовость первых авторов - Ахмада Ясави и Сулеймана Бакыргани - оказывала сильное консервирующее воздействие на становление и развитие всей школы. Они были эталоном и каноном.

Объединяло всех поэтов, представленных в сборниках «Диван-и хикмет» и «Бакырган китабы» и внелитературное, а именно то обстоятельство, что все они, так или иначе, были суфиями, причем в основном двух тарикатов: ясавийа и накшбандийа. Фактически, оба братства восходят к личности Юсуфа Хамадани, чьими ближайшими учениками в пору его деятельности в Бухаре были Ахмад Ясави - основатель ясавийа и Абдульхалик Гидждувани - основатель братства ходжагон (впоследствии накшбандийа). Все упоминавшиеся выше исторические и легендарные персонажи связаны либо с ясавийа, либо с накшбандийа. Только Насими - хуруфит - здесь смотрится несколько инородно. Нет больших сомнений в том, что к названным братствам принадлежат и поэты сборника, о которых нам ничего, кроме их имен не известно. Считается, что к XVI-XVII вв. ясавийа в основном слилась или, лучше сказать, составила единый комплекс с накшбандийа. С этого времени о ясавийа в чистом виде нет каких-либо сведений, кроме сообщений об отдельных бродячих проповедниках, относивших себя к ясавийа, да о родах, ведущих свое прямое происхождение и семейную мистическую традицию от самого Ахмада Ясави. Большая их часть жила еще в XX в. в Туркестане близ мазара шейха и в окрестных селениях. С самых истоков накшбанди и ясави идейно очень многое связывало. Различия заметны лишь во внешней обрядности: громкий зикр (джахр) - знаменитый «зикр пилы» у ясавитов и тихий зикр (хафи) у накшбанди. Накшбанди - тарикат, в общем-то, персидского происхождения, имевший поначалу влияние лишь в городах. По мере роста своего влияния он начинает обращаться и к тюркскому населению, при этом активно осваивая и используя потенциал и авторитет, накопленный ясавийа. Эмир Тимур, основатель великой державы, в которой накшбанди, особенно со времен Ходжа Ахрара, играли очень важную роль, как известно, возвел величественный мавзо-

лей Ахмаду Ясави Хикматы Ахмада Ясави и Сулеймана Бақыргани – идейное оружие, с которым идеино единое накшбандиия-ясавиия двинулось осваивать северные от Мавераннахра земли, сплошь заселенные тюркским населением.

По мнению Боровкова, начало формирования «Диван-и хикмет» относится к рубежу XV–XVI вв.¹, когда с одной стороны тюркский фактор в Средней Азии резко усиливается (основание династии Шейбанидов), а с другой стороны накшбандиия, несмотря на крушение тимуридов, не утрачивает, а наращивает свое влияние и распространяется уже и за пределы Мавераннахра. Собрание хикматов бытовавших разрозненно до той поры, именно в эту эпоху, видимо, следует связать не только и не столько с литературным признанием, сколько с практической необходимостью: с расширением влияния и проповеднической деятельности накшбандиия-ясавиия среди тюркских народов.

«Бақырган китабы» – книга, очень похожая на «Диван-и хикмет» и по содержанию, и по строению, и по списку авторов.

Нет сомнения, что и создавалась она, подобно «Диван-и хикмет» не столько с отвлеченно-литературными, сколько с практическими нуждами. Конечно, это антология ясавийских и накшбандийских, писавших в духе Ахмада Ясави, поэтов, но это и пособие для воспитания мюридов. В сборнике есть много примеров не просто общенаставительных стихотворений, обращенных, в принципе, к любому мусульманину, но и стихов, обращенных именно к неофитам-суфиям.

В смысле практического применения интересен факт, засвидетельствованный Н.Ф.Катановым в конце прошлого века в Восточном Туркестане, куда дошла «Книга Бақыргана»². По словам Катанова, в некоторых мусульманских общинах там принято после нескольких предупреждений наказывать нерадивого молельщика, точнее, немолельщика («бинамаз»), сороками или чуть менее ударами арапника. Во время исполнения наказания в назидание немолельщику читаются стихи, прямо взятые или написанные в подражание стихам «Бақырган китабы».

Имеющиеся у нас на сегодня данные позволяют предположить, что сборник «Бақырган китабы» как таковой был собран не ранее середины XVIII в. Об этом говорят как известные автору данной статьи рукописные списки «Бақырган китабы», так и хотя бы то обстоятельство, что в этих рукописных списках наличествуют стихи Машраба. Интересен, кстати, тот факт, что несмотря на неоднократное издание сборника в Казани, начиная с 1846 г., рукописные списки, в том числе и с печатных книг, продолжали делаться уже в XX веке.

¹ Там же.

² Катанов Н.Ф. О наказании ленивых богомольцев у татар Китайского Туркестана // Известия Общества истории, археологии и этнографии при Императорском Казанском Университете, т. XII, в. 6. Казань, 1895. Стр. 578–593.

Количество рукописей в Казани (в библиотеках Казани имеются списки, собранные на обширной территории центром которой является Казань) - несравненно большее в сравнении со Средней Азией, а также большая популярность книги, да и имени Сулеймана Бакыргани, несмотря на его связь с Сырдарьей, именно в Поволжье дает основание предполагать, что составили этот сборник в середине XVIII в. именно в Казани. На это указывает и наличие в сборнике стихов Кул Шарифа - казанского поэта, и Факири (таким тахаллусом иногда подписывался казанский поэт Мухамедйар) Быть может, есть казанцы и среди тех авторов, о которых нам ничего, кроме имен, не известно. Косвенно подтвердить это предположение может и следующее. В.А Гордлевский в статье, посвященной истории накшбанди⁴, указывает, что ислам и мусульманская грамотность пришли в Казань через Бухару и Хорезм. Академик задается риторическим вопросом: были ли среди этих проповедников накшбанди? По его сведениям, в XVII в. в Казани было лишь два дервишеских текке неизвестной принадлежности. В XVIII в. Казань и все Поволжье наводнены ишанами, источник которых, в основном, Бухара. В подавляющем большинстве - это накшбандийские учителя. Таким образом, мы можем не сомневаться, что сборник «Бакырган китабы» создавали именно они в качестве хрестоматии, пособия для проповеднической работы, как в создававшихся новых текке, так и среди масс населения.

На вопрос о происхождении «Бакырган китабы» сделаем такой основной вывод-ответ: создание «Бакырган китабы» - плод усиления влияния братства накшбанди, вобравшего в себя многие традиции ясави, в Казани и Поволжье в середине XVIII в. Отсюда эта книга пришла в Среднюю Азию в XIX в. уже в печатном виде, хотя большинство поэтов сборника - среднеазиатские.

Рискнем предположить, что считать «Бакырган китабы» диваном Сулеймана Бакыргани, может быть, не совсем верно. Дело в том, что первое стихотворение сборника, написанное Сулейманом Бакыргани, начинается строкой:

Бакыргандин сефер кылсам тавваф кылгалы ка' абени

'Если совершу я путь из Бакыргана, чтобы сделать тавваф вокруг Каабы...'

Первое слово могло дать название и всему сборнику.

Так как сборник создавался для местных условий, стихи среднеазиатских поэтов, к тому же столь удаленных по времени, могли испытывать определенную обработку составителей в кыпчакском духе. Но этого могло и не быть, так как составители могли быть выходцами из Средней Азии.

⁴ Гордлевский В.А. Бахауддин Накшбанд Бухарский. Собр. соч., т. III, стр. 369-387.

ЦВЕТОВЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА

У монголов существует не только своя собственная символика, связанная с тем или иным цветом, что было бы вполне естественно, но и оригинальная система цветообозначения и их иерархическое распределение. Прежде всего, особая двоякая классификация. монголы объединяют *солонгын долоон өнгө* 'семь цветов радуги' понятием *эцэг өнгө* «отцовские цвета», а белый цвет считают материнским – *эх өнгө*. Второе. переходные между основными цветами радуги цветовые обозначения также подразделяются на два класса: *хүү өнгө* «сыновние цвета» (смешанные, оттеночные) и *туслах (боол) өнгө* «цвета прислуги (рабы)» к которым относят черный и серый цвета и их оттенки. Третья специфическая черта цветообозначения и их систематизации в монгольском языковом сознании состоит в том, что среди семи основных цветов спектра у монголов отсутствует фиолетовый, который отнесен к «сыновним» (переходным) цветам; вместо него в основные («отцовские») цвета попал коричневый, для «русского спектра» – переходный между фиолетовым и красным. В целом, *цэцгийн эрхи*, букв. «четки цветов», «монгольский спектр» представлен следующим составом цветов, причем их традиционная для монголов последовательность тоже несколько иная, чем принято в научной раскладке спектра: *хөх* 'синий', *цэнхэр* 'голубой', *ногоон* 'зеленый', (*шунхан*) *улаан* '(ярко-)красный', *хүрэн* 'коричневый', *улбар шар* (*хондон улаан*) 'оранжевый', *шар* 'желтый'.

Цветовая символика в монгольском языке связана с основными – «отцовскими» и «материнскими» – цветами. Она реализуется в системе устойчивых метафорических словосочетаний, которые путем точного или приблизительного «цитирования» служат созданию образной речи. Синий цвет *хөх өнгө* – цвет неба; небо для монголов на протяжении всей их истории – задолго до принятия буддизма, а также после его принятия, – это верховное Небо-Божество, Небо как высшая Сила, которая вечна, т. е. не исчезает и не возникает – *мөнх тэнгэр* Вечное Небо, и которая управляет земным миром, предопределяя поступки и всю жизнь людей (и всех живых существ). Поэтому синий цвет в монгольском языке символизирует вечность, а в пределах человеческой жизни – верность: *хөх тэнгэр* 'Вечное Небо', *хөх монгол* 'Вечная Монголия', *хөх дэвтэр* 'Вечные тетради' (т. е. ведшиеся испокон веков родословные монгольских ханов), *хөх хадаг* синий хадаг, подносится в знак верности, уважения (хадаг – кусок длиной, до 1,6 м, и узкой, от 20 до 60 см, шелковистой ткани; складывается по ширине в 2–3 раза и подносится обеими руками в полную длину).

Словом *хөх* обозначается также цвет свежей, молодой растительности, например: *хөх ногоо* 'свежая, молодая трава', букв. «синяя зелень», *хөх өвс* 'све-

же, свежескошенное сено'. По отношению к кожаным изделиям *хөх* - цвет свежей плесени, в отличие от *ногоон* - цвета застарелой плесени: *хөх хаг* 'только что появившаяся плесень', *хөх сарьс* 'сыромятная кожа с выступившей плесенью'. Эпитет *хөх* по отношению к коже человека передает отрицательную характеристику болезненной смуглости «с синим отливом» или посинелости от холода: *хөх царай* 'болезненно-смуглое лицо; лицо, посинелое от холода', *цэлдэн хөх* 'иссиня-смуглый'. По отношению к мышцам эпитет *хөх* означает мускулистость, жилистость: *хөх булчин нь зангирсан* 'с развитыми (букв. «священными») сильными мышцами' (напр., о культуристах). Со словом *инээд* 'смех' *хөх* означает 'холодный, надменный', что употребляется как негативная характеристика: *хөх инээд хүрээ* 'вызывать (у говорящего) неодобрительный смех'.

Голубой цвет *цэнхэр* не обладает какой-либо своей символикой, нельзя использовать это слово вместо *хөх*; *цэнхэр тэнгэр* означает просто 'голубое небо', а *цэнхэр хадаг* 'голубого цвета хадаг'.

Красный цвет *улаан өнгө* как цвет огня олицетворяет интенсивность, силу, мощь, здоровье, величие, из чувств - радость, счастье: *улаан нар* 'красное (знойное) солнце', *мандах улаан нар* 'восходящее красное (предвещающее жару) солнце', *бадрах улаан гал* 'пылающий, сильный (красный) огонь'. Понятие *улаан залаатай монгол хун* 'монгол с красной кисточкой (на шапке)' отражает самостоятельность, независимый дух монголов и сложилось исторически, в процессе борьбы против подчинения свободного населения догматам буддийской религии (красная кисточка как символ независимости, личной свободы и процветания). *Гурван настай гунаан улаан баатар* 'сильный (красный), как трехлетний бык, богатырь', *тунамал улаан хацар* 'прозрачные сияющие (красные) щеки'. Известна такая триада: *жаргах тэнгэрийн хаяа нэг улаан, жалганд ургасан сухай нэг улаан, жаргалтай хатны хацар нэг улаан* 'красен горизонт неба, когда солнце садится, красен тамариск, растущий в овраге, красны щеки у счастливой княгини'. В монгольских поэтических триадах содержатся философские заключения о свойствах вещей и причинах явлений. Основной (глубинный) смысл формируется метафорическими значениями и фоновым знанием, ключом к которому является аналогия: красное солнце - сильное солнце, оно передаст свою силу следующему дню, который будет либо жарким (летом), либо очень морозным (зимой); образ тамариска, растущего в овраге, содержит неодобрительную характеристику, с цветом тамариска сравнивают красный цвет лица пьяниц и людей, разморившихся от сна в летнюю жару.

Свою жизнь и органы тела монголы ассоциируют с красным цветом: *улаан амь* 'живая жизнь', букв. «красная жизнь», *улаан гараараа* 'голыми руками', букв. «красными руками», *улаан нүүрээрээ* 'лицом к лицу', букв. «красными лицами», *улаан нуцгэн* 'голый (красного цвета), бедный (кроме себя ничего не

имеет), *улаан нялзрай* 'только что родившийся', букв. «(еще) голый (красного цвета) новорожденный».

Неодобрительная характеристика красного цвета проявляется в сочетании слов *мөнгө цагаан*, *нүд улаан*, в котором сравниваются белые (серебряные) деньги с красными от алчности глазами. В словосочетании *улаан цайн* 'наглый, бессовестный' красный цвет имеет в прямом и переносном смысле отрицательное значение.

Белый цвет *цагаан өнгө* для монголов соотносится прежде всего с молоком и молочными продуктами олицетворяет чистоту, свежесть, доброту, святость, например: *цагаан цайлган сэтгэл* 'незлобивость, чистосердечность', *эхийн цагаан сүү* 'материнское, святое (белое) молоко', *цагаан идээ* '(белые) молочные продукты', *цагаан бурхан* (белый, безобидный, добрый бог) 'оспа', *цагаан хаан* (белый, великодушный, добрый) 'русский царь', *арван цагаан буян* 'десять благих (белых) заповедей (деяний) : не убивать, не красть, не развратничать, не лгать, не ябедничать, не болтать, не ссориться, не завидовать, не причинять вреда, не выступать с лжеучениями', *Цагаан сар* 'наступление первого весеннего месяца года (по монгольскому календарю - начало года, Праздник нового года', букв. «Белый месяц». Смысл данного названия понятен лишь в общем контексте жизненной ситуации. От рубежа нового года начинается весна, которая монголами считается скудным временем даже по сравнению с зимой. Зимой человек (и животные) живут осенними запасами, меньше двигаются. С приходом весны прибывает день, движение становится интенсивнее, поэтому и больше требуется энергии. Чтобы скрасить скудные дни, монголы достают хранившиеся (экономно потреблявшиеся) молочные припасы и Новый год встречают обильным «белым» столом (откуда и название праздника). Этим, несомненно, стремятся вызвать будущее изобилие молочных продуктов, поскольку именно с этого времени начинается приплод скота.

Белый цвет также олицетворяет легкость, простоту: *цагаан ханиад* 'легкий (белый) грипп', *цагаан бичиг* '(белое, легкое) простое письмо', *цагаан толгой* 'алфавит', букв. «простое, легкое (белое) начало», *цагаан зам* 'хорошая (гладкая, без препятствий, белая) дорога', *хөнгөн цагаан* 'алюминий', букв. «легкованный белый металл». В триаде *өсөхөд шүд цагаан*, *өтлөхөд үс цагаан*, *үхэхэд яс цагаан* 'на молодости зубы белы, на старости волосы белы, на смерти кости белы' обнаруживается смысл естественного человеческого цикла жизни.

Желтый цвет *шар өнгө* по аналогии с цветом солнца и золота (*алтан шар нар* 'золотисто-желтое (осеннее) солнце', *намрын шар нар* 'бабье лето', букв. 'осеннее (не очень жаркое) желтое солнце', *алтан шар өнгө* 'золотистый цвет') олицетворяет духовность, почет и уважение. Например: *шар өргөмжлөл* 'указ, почетная грамота, написанные на желтой бумаге или шелке', букв. «жел-

тое преподношение», *шарын шашин* желтая религия', *хар шар феодал* светские и духовные феодалы букв «черные и желтые феодалы».

Зеленый цвет *ногоон өн ө* для монголов соотносится с растительностью, родной землей, олицетворяет рост, умножение а также свежесть и молодость: *ногоон арц* '(вечно)зеленый можжевельник', *нялх ногоо* 'молодая (зеле ая) трава', *Ногоон дар эх* 'Зеленая Тара (богиня - покровительница материнства т. е. прироста людей)'. Зеленый цвет больше других цветов имеет отрицательные коннотации передает ощущение неприятного предмета (слизь, плесень и т. п.): *ногоорох* 'появляться плесени, в переносном смысле «зеленеть» от сна или похмелья (в летний день).

Черный цвет *хар өнгө* означает опасность, беду зло *хөвшиг хар дотортой* 'коварный', букв. «с черным как сажа желудком (животом)», *хар элэгтэй* 'чужой', букв. «с черной печенью», *хар амиа бодох* 'идти своей дорогой', букв. «думать (только) о своей черной душе», *хар хэл ам* 'неприятные (букв. «черный язык») разговоры (способные навести порчу)', *хар тамхи* 'опиум', букв. «черный табак», *хар чийг* 'вредная роса', букв. «черная влага (вечерняя роса, способная вызвать простуду)», *хар хөлс* 'обильный (черный) пот', *хар салхи* 'сильный (черный) ветер', *хар дарах* 'видеть кошмары во сне', букв. «давить (ужасные, неприятные) черные (сны)», *хар сүлд* 'черное (боевое) знамя (из конской гривы и хвоста)'. Черный цвет также означает назойливость и надоедливость. *хар ялаа* 'комнатная (букв. «черная, назойливая) муха', *хар өглөөгүүр* 'рано (букв. «черным») утром', *хар үүрээр* 'на (букв. «черном») рассвете', *хар борооноор* 'во время (букв. «черного») дождя'.

Однако черный цвет вовсе не означает одно плохое. Он означает силу: *хар архи* 'крепкая (черная) водка', *хар тэнхээ* 'во всю силу', букв. «черная сила». Нередко черный цвет имеет положительное значение: *хар нүдээ цавчилгүй* 'не смыкая (букв. «черные, верные, бдительные») глаза', *хар булган дахаа өргөх* 'преподносить черную (ценную) соболью доху'. Слово *хар* также означает 'мирской', да еще 'светский', а также 'простой'. Например: *хар болох* 'стать мирянином', *хар хүн* 'муж' (разг., т. е. светский человек, имеющий право жениться), *хар ажил* 'простая (черная) работа', *хар дом* 'простая (черная) магия'.

Кроме цвета «отца» и «матери», используются и другие цвета, в т. ч. производные, которые образуют сочетание слов с названиями внутренностей: *элгэн хүрэн* 'коричневый как печень' (любимый цвет монголов; большим спросом пользуется материя такого цвета на верхнюю одежду); печеночно-коричневый цвет называют *нүдэнд дулаан өнгө* 'приятный (букв. «теплый на глаза») цвет'; печень - орган, по монгольским понятиям более близкий к жизни человека, чем сердце (которое предпочитают европейцы), родство по материнской линии считается наиболее близким, родственным и кровным, *цусан улаан* 'крово-красный', *уушгин ягаан* 'розовый как легкие' (последние два цвета не

являются широко употребительными), с названиями растений: *хулсан шарга* 'соловый', букв. «желтый как тростник (бамбук)» *зандан хүрэн* 'коричневый как сандал', *цагаан зандан* 'белый как сандал', *сухай улаан* багровый, букв. «красный как тамариск (обычно употребляется для характеристики цвета лица при опьянении), *нил я аан* 'фиолетовый', *суман хүрэн* темно-коричневый', букв. «коричневый как эбеновое дерево», с названиями животных: *ангир шар* 'красно-желтый', букв. «желтый как турпан» (любимый цвет монголов; нередко материнское молоко сравнивают с красновато-желтым цветом турпана), *ангир шар уураг* букв. «красно-желтый белок», *хун цагаан* 'белый как лебедь', *чандаган цагаан* 'белый как кролик', *барс цоохор* 'полосатый', букв. «пестрый как тигр», *тоодог саарал* 'грязно-серый', букв. «серый как дрофа»; с названиями камней. *судан цагаан* 'жемчужно-белый', *танан цагаан* 'матовый', букв. «белый как перламутр», *шүрэн улаан* кораллово-красный', *ээсэн улаан* 'медно-красный', *номин хөх* 'лазурный', букв. «голубой как лазурит», *мөнгөн цагаан* 'белый как (чистое) серебро', *хаш цагаан* 'яшмово-белый'; с названиями природных явлений: *цасан цагаан* 'снежно-белый', *усан хар* 'прозрачный (букв. «черный как вода）」', *үүлэн бор* 'серый как облако', *үүлэн хөх* 'синеватый как облако', с названиями быта: *гал улаан* 'огненно-красный', *үнэсэн саарал* 'пепельно-серый', *үнэсэн хөх* 'серый', букв. «синеватый как пепел», *өөхөн цагаан* 'белый как жир', *сүүн цагаан* 'молочно-белый', *хөө хар* 'черный как сажа', *хилэн хар* 'черный как бархат'.

ПРИМЕТЫ РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА И ИХ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ В «БАБУР-НАМЕ»

Консервативная синтаксическая схема литературного чагатайского языка, как она представлена в «лучшем образце чагатайской прозы» [1, 15] - «Бабурнаме», традиционно уже описана - монографически [2], также она освещалась фрагментарно в синтаксических очерках К.Брокельмана, А.М.Щербака, Я.Экмана.

Наблюдения над синтаксическими особенностями языка «Бабурнаме» (далее - БН) допускают возможность иного подхода, с позиций «филологии «синкретической», предписывающей учитывать «все те конструктивно-языковые элементы, которые заложены в словесной композиции новеллы» [3, 44]. К числу таких конструктивно-языковых элементов, бесспорно, относятся многочисленные отражения черт разговорного синтаксиса в исследуемом средневековом сочинении (рубеж XV-XVI вв.) [см. 4, 379-380]. С позиций филологии «синкретической» «смещение синтаксических схем книжной и разговорной речи» оценивается В.В.Виноградовым как «момент свободной словесной игры», призванный оживить изложение [3, 52].

Рассмотрим некоторые приметы разговорного синтаксиса в БН, а именно: 1) неполные простые предложения (три типа), которые в современном русском языке, где они впервые были описаны, характеризуются как «свойственные разговорной речи» [5, 89]; 2) явление парцелляции. Ф.С.Сафиулина, которая описала это явление в современном татарском языке, рассматривает парцелляцию как «специфическую речевую особенность» [6, 4 и сл., 8-9; 7, 102]. О сходности с неполными предложениями присоединительных конструкций см [5, 112], о совпадении по форме таких конструкций с неполными предложениями см. [6, 7].

1. В языке БН нам удалось наблюдать следующие типы неполных предложений (они вычлняются нами в соответствии с классификацией неполных предложений, осуществленной в [5, 89-90, 120]): А. неполные предложения, представляющие собой взаимосвязанные реплики диалога; Б. неполные предложения, входящие в состав сложных предложений; В. предложения, включающие в свой состав неполные формы слов или неполные словосочетания.

А. Диалогическая речь, генетически восходящая к устно-разговорной сфере, унаследовала от этой последней принцип экономии средств словесного выражения [8, 135]. Поэтому структура предложений-реплик диалога имеет свою специфику. «В той или иной реплике диалога, представляющей собой звено в цепи сменяющих друг друга реплик, употребляются преимущественно только

те члены предложения, которые прибавляют что-то новое к развертываемой в диалоге теме и обычно не повторяются члены предложения, уже названные говорящим или его собеседником. Каждая последующая реплика, таким образом, в смысловом и в формальном отношении тесно связана с предшествующей репликой ...» [5, 90].

В диалогах, которые встречаются в БН, структурно неполными являются предложения-ответы. Например: *dedim / kelig aytug kim tegri rast keltursa samarqandny qacan alyajbyz // bā'zi dedular kim / jazya alyajbyz // ol mähäl keč küz edi // bā'zi / bir aj qutq kün // bā'zi / jügmä kün / dedular* БН 102, ВН 83а-б 'Я молвил: «А ну-ка, скажите, если Бог поможет, когда мы возьмем Самарканд?». Некоторые сказали: «К лету наверное, возьмем» (в то время была поздняя осень), некоторые: «В течение месяца - сорока дней», некоторые: «В течение двадцати дней», - сказали'. В ответе первого собеседника, как видим, наличествуют сказуемое (оно повторяется) и обстоятельство времени, содержащее суть ответа, - при отсутствии прямого дополнения; в каждой из двух последующих реплик налицо только обстоятельство времени при неповторении сказуемого с дополнением. Налицо известный синтаксический параллелизм в вопросе говорящего и ответах собеседников на него.

В нижеследующем примере ответом на просьбу говорящего является вопрос: он состоит из того же прямого дополнения (что и в просьбе говорящего), которое снабжено вопросительным местоимением *qajsy* 'какой', - при отсутствии подлежащего и сказуемого: *dedi kim bu sözlarni unutuq mirza fi+hal ajitti kim qajsy sözlarni* БН516 ВН41а 'Молвил он [Алишер бек, сказавший Мирзе на ухо много тайных слов]: «Забудьте эти слова!». Мирза тотчас же сказал: «Какие слова?»'.

Б. В авторском повествовании достаточно часто употребляются сложносочиненные или бессоюзные сложные предложения, во второй части которых «обычно не повторяется член предложения (или ряд членов предложения), имеющийся в другой части того же предложения и являющийся общим членом по отношению к обеим этим частям. Такое сложное предложение представляет собой единую синтаксическую конструкцию, не распадающуюся на самостоятельные и независимые друг от друга предложения; эта конструкция состоит из структурно взаимообусловленных частей. Самый факт неповторения слова (или ряда слов), выполняющего функцию общего члена для двух или нескольких частей сложного предложения, является показателем их структурного объединения» [5, 111]. Примеры: *iki qatlä mäsaqq uruštı / här iki qatlä sultan husäjn mirza bilä* БН 33, ВН 26а 'Он сражался в битвах два раза / оба раза - с Султан Хусейн мирзою'; *sāmārqānd mujāssār bolsa birimiz sāmārqāndta* (БН 7010 *sāmārqānd*) *olturyaj / jinä birimiz hisarda* БН 7010-11, ВН 56б1 'Коли Бог дарует [нам] Самарканд, один из нас пусть сядет [государем] в Самаркан-

де / а другой из нас - в Хисаре'; *bā'zi māzł da qazi iħti ar joqqary o turur // bā'zi māzłısa bu* БН 225, ВН 179а 'На некоторых собраниях высоко сидел Кази Ихтияр, на некоторых собраниях - этот [Мухаммед Юсуф]; см также БН 9, ВН 7б; БН 17, ВН 13б; БН 87, ВН 70б, БН 93, ВН 76а; БН 225 ВН 179а, БН 290, ВН 226б, БН 356, ВН 245а; БН 389, ВН 300а, БН 473, ВН 365а, БН 476, ВН 376б. Во второй части каждого из приведенных примеров отсутствует сказуемое, являющееся общим членом по отношению к обеим частям каждого примера. Здесь также возможен синтаксический параллелизм.

В сложном предложении с сочинительно-противительным союзом *ne ... ne* 'ни ... ни' вторая часть также может быть представлена неполным предложением, в котором отсутствует сказуемое, общее для обеих частей этого сложного предложения: *bular ne qyşlaqlıq jerni saman beradur / ne samanlıq jerdə qyşlaq* БН 242, ВН 192а 'Они не готовят для них удобного места для зимних жилищ, ни зимних жилищ в удобном месте'.

В. В тексте БН в описаниях географического характера (например, описания Ферганы, Хиндустана), в описаниях специфических фауны и флоры Хиндустана особенно многочисленны предложения, именные сказуемые которых отмечены формантной неполнотой, т.е. не имеют в своем составе ни глагольных связок (настоящего и прошедшего времени), ни служебного глагола *bol-* в соответствующей глагольной форме. Мы не имеем в виду того обычного для тюркских языков «вынесения за скобки» общей для нескольких именных сказуемых глагольной связки или глагола *bol-* в форме того или иного времени: при этом именные компоненты таких сказуемых предшествуют грамматически оформленному сказуемому (см. *aşly wafir / mewāsi fārawan // qawun üzumi jaħşy bolur* БН 2, ВН 2а '[В Андижане] хлеба много / плоды там изобильны // дыни и виноград там хороши').

Речь идет о формантно неполных именных предложениях, которые следуют после предложения с грамматически оформленным сказуемым. В этом случае выражение предикативности путем простого противопоставления подлежащего и именной части составного сказуемого представлено не в отдельных предложениях (хотя примеры, приводимые вне контекста в синтаксических очерках чагатайского языка, могут создать впечатление об автономном, не связанном функционировании таких предложений), но именно в сверхфразовых единствах; здесь сказуемое предшествующего предложения регулярно имеет соответствующий формант предикативности. Более того: формантная неполнота именно сказуемого последующей части как раз и вызвана тем, что значения времени и наклонения неполного предложения этого типа совпадают с формантно выраженными значениями времени и наклонения предшествующего предложения [см. 5, 120]. Вместе с тем, факт неповторения в последующих предложениях форманта (или служебного глагола), общего для сказуе-

мых всего сверхфраз всего единства уже сам по себе является показателем структурного объединения предшествующей и последующих частей связанных меж собой и семантически

В функции именованного сказуемого (без глагольной связки) в последующем неполном предложении в БН могут выступать существительные в основном (а) или местном (б) падежах, а особенно часто - прилагательные (в). Примечательно что неполные предложения этих разновидностей в БН могут нанизываться одно на другое составляя целую цепочку см нижеследующие примеры в (а, в)

а) *sultan husā n mir'adin qatyan wā bu mirzalar bilā bolyan beklar juylyb ittfaq qylyb bādi az-zaman mirza bilā muzāffār husājn mirzani hiri tāhtida šārikāt padišah qyldylar // bādi' az-zaman mirza ešigida sahib iħtyar zun-n-nun bek / muzāffār husājn mirza ešigida sahib iħtyar muhāmmad burunduq bek / bādi' az zāman mirza žanibidin šāhār daruvasi šājh 'āli tāya'i / muzāffār mirza tarāfidin jusuf 'āli kukaltaš // bu yarib amiri edi* БН 230–231, ВН 183а 'Беки, те, которые остались после [смерти] Султан Хусейн мирзы, и те, которые были с мирзами [его сыновьями], собравшись, объединились и сделали Бади'аз-Заман мирзу и Музаффар Хусейн мирзу, обоих вместе, государями на престоле Герата [стал] При дворе Бади'аз-Заман мирзы полновластным [беком] [стал] Зун-н-нун бек / При дворе Музаффар Хусейн мирзы полновластным [беком] [стал] Мухаммед Бурундук бек / Со стороны Бади'аз-Заман мирзы даругой в городе [был] Шейх Али Тагайи / Со стороны Музаффар мирзы - Йусуф Али Кукельташ // Чудно было это их правление'. См. также БН 2, ВН 2а; БН 4, ВН 3б; БН 286, ВН 223б; БН 476, ВН 376б; б) *bu hužrā bişar jaħşyraq waqi' bolubtur // tātam šāhār wā māhāllat ajaq astyda* БН 3, ВН 2б '[Из двух худжре, построенных на горе,] эта худжре расположена гораздо лучше // весь город и предместья [букв.: кварталы] - под ногами'. См. также ВН 113а9-10; в) *lāmtyanatta murūi žāhāl derlar // başy wā kōksi qara / qāna'atlary wā qujıncı quzylyraq / kōzları qur quzyı* БН 36418, ВН 281а8-9 'В Ламганате [эту птицу] называют «лесной птицей» // головка и грудка у нее черные / крылья и хвост у нее красноватые / глаза у нее ярко-красные'. См. также БН 3, ВН 2б; БН 3, ВН 3а; БН 316, ВН 245а; БН 360, ВН 278а; БН 36415-16, ВН 281а5-6; БН 367, ВН 283б.

Как можно видеть из примеров группы (в), средствами связности внутри сверхфразовых единств являются, помимо формантной неполноты именных сказуемых последующих частей, еще и аффиксы принадлежности, с помощью которых подлежащее предшествующего предложения соотносится с подлежащими последующих частей.

Особую подгруппу составляют те формантно неполные предложения, где сказуемые должны быть представлены аналитическими глаголами («арабское причастие» + служебный глагол: *qu-* 'делать' или *bol-* 'стать, становиться'). Та-

кой же глагол выступает и в качестве сказуемого предшествующего предложения, но если здесь он оформлен по всем правилам тюркской грамматики, то сказуемые последних двух неполных предложений – в целях неповторения совпадающих служебных глаголов – сохранились в виде двух разных арабских причастий (возможность такой окказиональной трансформации аналитического глагола в БН – еще одно свидетельство незавершенности становления аналитического глаголообразования в тюркском средневековье [см. 4, 384]). Примеры: *burunraqdyn* (БН 273¹: *mundan ilgāri*) *dur* (БН 2731: *duz*) *andišlyq qylmajdur edi* (БН 2732: *qylmaj hiç jerdā jurt fikri qylynmab edi*) // *ne barmaqqa jeri* (БН 2732: *barurça žaj*) *muqārrār / ne turmaqqa jurti* (БН 2732–3: *turarga mānzili mu'ājjān*) // БН 2731–3, ВН 214а9–10 ‘Не проявив дальновидности, заранее (не подумали совершенно о месте для лагеря) // ни место, куда идти, не было установлено / ни лагерь для стояния не был назначен’. См. также БН3, ВН 2b; ВН 20221, ВН 163а5; БН287, ВН 224а.

В приведенном выше примере оба неполных предложения последующей части соединены между собой повторяющимся сочинительно-противительным союзом *ne...ne* ‘ни...ни’. Бывают случаи, когда подобные предложения соединены подчинительными союзами: *bāhasi uluqluγuγa jaraša dur qarylab satarlar* // *hār nečā uluqraq / bāhasi köprak* БН356, ВН275 ‘Стоимость [слона] сообразна его величине, продают [его] по аршинам [смерив величину]: чем [слон] больше, цена выше’.

Встретился также случай, когда формантно неполные предложения использованы в сложноподчиненном предложении и подчинены главному предложению посредством подчинительного союза: *iš tädbirdin ötub edi* // *nečük kim iki üč miñ jaraqlyq kiši arktā / bir jüz iki jüz kiši taš qurγanda* // ВН 113а9–10 (БН 1383 – пропуск текста) ‘Не получилось [так, как] было предусмотрено // поскольку в арке [было] две-три тысячи вооруженных людей / во внешних укреплениях – сотня – две сотни [наших] людей’.

Проведенные наблюдения позволяют сформулировать правило функционирования в данном сочинении формантно неполных предложений – с именными сказуемыми без глагольных связей. Если полные предложения с именными сказуемыми, имеющими глагольные связи, с одинаковой регулярностью могут использоваться как самостоятельно, так и в составе сверхфразовых единств, то формантно неполные именные предложения без глагольных связей регулярно наблюдаются именно в составе сверхфразовых единств (например, даже в прямой речи, в наибольшей степени имитирующей разговорный синтаксис, не допускается пропуска глагольной связи: *bular qajsy sultan dur* БН127, ВН103b ‘Они какой султан будут?’).

Как видно из приведенных примеров, для разных типов неполных предложений, реализуемых в диалоге и авторском повествовании, возможен синтак-

сический параллелизм. либо между предшествующим полным предложением и последующим неполным либо между двумя (или более) неполными предложениями

2. Парцелляция определяется как «способ речевого представления единой синтаксической структуры – предложения несколькими коммуникативно самостоятельными единицами – фразами» [8, 369] Ф.С.Сафиуллиной удалось зафиксировать лишь «единичные случаи парцелляции в старотатарском языке» [6, 8] Что же касается языка БН, то здесь это явление достаточно распространенное и разветвленное, см. встречающиеся здесь разновидности присоединительных конструкции

1) присоединяются определения и приложения (разграничить их трудно, поскольку явные, казалось бы, приложения-существительные в обоих приводимых ниже примерах получают заключающее их перечень слово *altyq* 'под названием'). ...*bir tay tuşub tur munuğul atlyq* БН4, ВН4а '...расположена одна гора, под названием Мунууул'. Нижеследующий пример представляет собой сверхфразовое единство, включающее помимо предшествующего полного предложения два формантно неполных (*hāmsā žāwabida; jinā biri māntiq ut-tājr wāznida*); к последнему из них присоединяется определение *lisan ut-tājr atlyq*. Тематически и конструктивно к этому сверхфразовому единству примыкает полное предложение с четырехчленной присоединительной конструкцией-определением: *alty māsnāwi kitab nāzm qylib tur / hāmsā žāwabida / jinā biri māntiq ut-tājr wāznida / lisan ut-tājr atlyq tort // yāzālijat diwani tārtub qylyb tur / yārajib us-suyar nāwadir uş-sābab bādajı ul-wāsāt fāwajıd ul-kibār atlyq //* БН213, ВН170b 'Навои| сочинил шесть книг месневи / [пять] из них – в ответ на «Пятерицу» / еще одна из них, в размере «Язык птиц» / [тоже] под названием «Язык птиц» // Он составил четыре дивана газелей / под названием «Диковины детства», «Редкости юного возраста», «Чудеса средней поры жизни», «Полезные поучения старости» //'. См. пример однородных определений, находящихся в необычной (с точки зрения консервативного синтаксиса) постпозиции не только к определяемому – даже к тому предложению, в составе которого это определяемое находится: *jinā bir nāw' tuti bolur // hoş rāñ qur qyzył* БН360, ВН278a 'Есть еще один вид попугаев, красиво окрашенные, ярко-красные'. Примеры, свидетельствующие о сходности с неполными предложениями присоединительных конструкций, см.: БН287, ВН224а;

2) присоединяется синтагма дополнения, косвенного или прямого, например: *bu hābārni hām oşbu paçi kelturdi* БН448, ВН346а 'Тот самый скороход принес также известие, что у Хумаюна [, говорят,] родился сын от дочери Ядгар Тагая'; см. также БН372, ВН287а-b;

3) присоединяются:

а) обстоятельства места и времени: *ucmaqla zabun žihat din ja tağda bolur / ja jāğālda* БН359, БН277b 'из-за того что [павлин] слаб в полете, он или в горах живет / или в лесу'; *qylyçyny hārgiz ð..idin ajrmas edi / ja belida edi / ja eligida* БН127, БН103а-б 'Он никогда не расставался со своей саблей она у него или на поясе была / или в руке'. В обоих примерах парцеллируемое обстоятельство и соответствующий член предложения в составе предшествующего ему предложения связаны посредством разделительного союза *ja ja* 'или или'. См. присоединение нескольких обстоятельств времени одновременно БН17, БН13b, б) обстоятельство сравнения. *bijr nāw'i boladur / husājni uzūm andamida* БН368, БН284а 'Есть сорт бийра, вроде винограда хусанин'; в) деэпричастные обстоятельства цели (*jinā kōp kiši jibarib tur / sizni tutqaly* БН144, БН119а 'Теперь он послал еще много людей, чтобы Вас схватить') и меры и степени (*bu kōlniç içida kiçik kinā kemālar bar / üç tört kiši syqqunça* БН430, БН332b 'На этом озере имеются маленькие лодочки, вмещением на три-четыре человека').

Количественные методы обычно не применяются к исследованиям синтаксиса. Все же мы обследовали две небольших текстовых выборки (каждая – примерно по пять страниц наборного текста) с целью получить хотя бы приблизительное представление о частотности изучаемых синтаксических явлений в стилистически нейтральных фрагментах БН. Фрагменты эти представляют собой описание Ферганы (БН2, БН1b – БН7, БН5b) и описание птиц, которые водятся в завоеванном Хиндустане (БН359, БН277а – БН364, БН281а). В описании Ферганы находим пять случаев парцелляции (среди присоединенных конструкций большая часть – определительные синтагмы) и пять случаев использования неполных предложений, в том числе – цепочек из нескольких неполных предложений (т.е. всего здесь представлено восемь неполных предложений, преимущественно это формантно неполные предложения – с именными сказуемыми без глагольных связок).

В орнитологическом описании представлено девять случаев употребления неполных предложений разных типов (но чаще других – формантно неполных предложений) или цепочек таких предложений (т.е. всего здесь насчитывается тринадцать неполных предложений).

Возникает вопрос: почему даже в стилистически нейтральных фрагментах БН приметы разговорного синтаксиса имеют достаточно высокую частотность? С позиций традиционного описательного синтаксиса эти явления оставались за пределами внимания синтаксиста (хотя иногда и приводились в числе примеров, иллюстрирующих, скажем, средства выражения именных сказуемых [2, 31]) или же констатировались без какого-либо комментария [2, 40].

Ответ на этот вопрос можно найти только при учете многочленной языковой ситуации «автор – читатель – коммуникативная установка – текст» [см. 4, 48–65]. Автор новаторски для своего времени видит своего адресата в сред-

нем, рядовом читателе и, стремясь к диалогу с ним пишет, как говорит – правдиво и доходчиво. Поэтому даже при создании текста географического описания автор имитирует разговорный синтаксис, отступая от «логической скованности письменного синтаксиса» [3, 48], сплетает книжные формы с отражениями живого говорения [3, 52] с тем чтобы оживить довольно однообразное изложение. А поскольку средневековый письменный текст часто читался вслух, для слушающих его возникала иллюзия звучащей речи (Б М Эйхенбаум иногда «письменная речь строится по законам устной, сохраняя голос и интонацию»).

К уже описанному нами языковому выражению коммуникативной установки Бабур, отношения «автор – читатель» в БН [4, 68 и сл], следует добавить и этот гениально найденный писателем синтаксический прием, который самой иллюзией звучащей речи облегчал восприятие этого объемистого сочинения, своей обращенностью к адресату помогал удержать внимание читающего и слушающего. В заключение приведем слова Н.К Дмитриева: Бабур «умел излагать события обстоятельно, умел не только хвалить себя, но изображать и свои неудачи, умел говорить с читателем правдиво и достаточно объективно. В самом деле: не в этом ли состоит секрет его исторического бессмертия, секрет того, что люди понимают его творения уже в течение 400 лет после того, как они были написаны?» [9].

Литература

1. *Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.*
2. *Назарова Х. Особенности синтаксического строя узбекского литературного языка конца XV – начала XVI в. Ташкент, 1979.*
3. *Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980.*
4. *Благова Г.Ф. «Бабур-наме»: язык, прагматика текста, стиль. К истории чагатайского литературного языка. М., 1954.*
5. *Грамматика русского языка. Т. II – Синтаксис. Ч. 2. М., 1954.*
6. *Сафиуллина Ф.С. Явление парцелляции в современном татарском языке // Сов. тюркология, 1974, № 4.*
7. *Сафиуллина Ф.С. Синтаксис татарской разговорной речи. Изд-во Казанского ун-та. 1978.*
8. *Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.*
9. *Дмитриев Н.К. Официальный отзыв на канд. дис. [10].*
10. *Благова Г.Ф. Характеристика грамматического строя (морфологии) староузбекского литературного языка конца XV века по «Бабур-наме». Канд.дис. М., 1954.*

К ВОПРОСУ О ПОСЕССИВНОЙ ПАРАДИГМЕ СПРЯЖЕНИЯ

Вопрос о том, существовало ли в истории тюркских языков посессивное спряжение о котором, казалось бы, свидетельствуют форманты претерита *-di* решен не в пользу такого предположения¹. В свое время эта проблема получила детальную разработку в одной из работ Н.А.Баскакова², где было предложено разграничение единого типа лично-местоименных аффиксов на два подтипа – полных и усеченных. Указанная работа ученого подробно освещает такое разграничение по разным группам тюркских языков и по типу словоформ

Фонетическим условием появления кратких (усеченных) форм чаще всего выступает падение сонорных в категориальной основе типа шорского *мен полган-м* (полган-ым) 'я был'. Общая тенденция этого процесса сводится к созданию гласного ауслата категориальной основы и минимизации слоговой структуры словоформы (присоединение аффикса лица происходит по типу аффикса принадлежности). Ср. в среднечулымском: из исходного *парып йатады* 'он идет' > *па:р йэд'и* > *па:р йэ* (соответственно в 1 л. *па:р йэд'им* / *па:р йэм*)³. Следует отметить, что чаще краткие формы отмечены в 1 л. ед. и мн.ч. Краткие формы могут быть в таких случаях единственными, например, в огузских языках в современном и исторически засвидетельствованном состоянии. В чулымском они «вытеснили полностью полные в 1 л. ед. ч. в нижнечулымском»⁴. В современных языках краткие формы являются больше достоянием диалектов или мало стандартизированных языков. Вместе с тем по своему грамматическому содержанию эти формы не отличаются от полных, если они существуют параллельно.

Интерпретации кратких форм как усеченных серьезно мешают якутские формы. С одной стороны, в этом языке равноправно представлены обе парадигмы, ср. *сылдыбыттаах этим* / *сылдыбыттаагым* 'было однажды, я ходил' – давнопрошедшее эпизодическое время⁵. Категориальная основа может выступать только с аффиксами принадлежности, ср. *бардагым* 'значит, я пошел', *бардагың* 'ты пошел', *бардага* 'он пошел' и т.д.⁶ Показательно, что обе парадиг-

¹ Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб, 1994. Стр. 91.

² Баскаков Н.А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. II. Морфология. М., 1956.

³ Дульзон А.П. Лично-временные формы глагола чулымско-тюркского языка // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ, вып. VIII, Абакан, 1960. Стр. 105.

⁴ Дульзон А.П. Указ. раб., стр. 103.

⁵ Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М., 1982. Стр. 318.

⁶ Указ. раб., стр. 341.

мы сохраняются в отрицательной конструкции, всегда отмеченной некими архаичными чертами Ср *барыа* (< *барыах*) *суохпун / барыам суох* 'очевидно, я не пойду'⁷. Кроме того значимый характер имеет противопоставление двух парадигм на основе *-быт* прошедшее результирующее *барбын-пын* 'оказывается, я ушел' и преждепрошедшее повествовательное *барбын-ым* 'я ушел'⁸. Интерес представляют две парадигмы прошедшего незаконченного *барар этим* и *барарым* (в 3 л. *барара*) 'я ходил'⁹. Напомним в этой связи еще один феномен якутского языка в конструкции с *баар/суох* 'имеется / не имеется' возможность использовать лично-местоименные и лично-притяжательные аффиксы обусловлена функционально: *мин баарбын* 'я есмь, я существую', *мин баарым* 'я был'¹⁰. Все это позволяет предположить, что так называемые усеченные показатели имели функциональную основу и поставить вопрос, не имеем ли мы здесь рефлексы более раннего состояния. Однако прежде следует выяснить отношение к указанной «усеченной» парадигме показателя *-In*, зафиксированного как в форме желательного наклонения 1 л. типа *алай-ын* 'возьму-ка', так и в формах изъявительного наклонения в языках юго-западной группы. Так, в турецких памятниках XIV-XVI вв. показатель *-In* устойчиво противопоставляется литературной форме *-Am/ -Um* < *wAm*, не подчиняясь тенденции закрепления лабиального варианта *-Um* как нормы. Очевидно изолированное положение этой формы в парадигме и постепенное отторжение ее из литературного языка. Достаточно устойчиво этот показатель сохраняется в турецких диалектах (румелийских, юго-запада Анатолии, Катамону и др.), в туркменском языке и его диалектах.

Предположению о том, что *-In* сформировался в результате падения консонантного начала в огузских языках в *bān* (через *b- > w-*), мешает, как уже указывалось выше, его принадлежность к нелабиальному типу аффиксов (ср. неизменную нелабиальную форму при лабиальной категориальной основе типа *alurin* 'я беру', *gelürin* 'я иду' при литературном *alurut, gelürüt*). Возможно, как рефлекс огузо-кыпчакского состояния эта форма сохранилась в воористе *alman* 'не беру' при литературном *almazut*. В дальнейшем под влиянием литературных норм и давлением *-m* в 1 л. вышли на первый план формы *almam* 'я не возьму', *alayim* 'возьму-ка я'. Преимущественно *-m* краткой формы полного аффикса в кыпчакских языках позволяет предположить, что в редких случаях *-n*

⁷ Указ. раб., стр. 327-328.

⁸ Указ. раб., стр. 309-310.

⁹ Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970. Стр.114.

¹⁰ Это явление было отмечено еще О.Бетлингом. Интерпретацию Е.И.Коркиной см. в указ. работе, стр. 120

в такой позиции (типа тат. диал. *тотан* 'я держу'¹¹) не просто фонетическое уподобление.

Исследование общетюркского рефлексивного показателя *-н* позволило высказать гипотезу о его местоименно-дейктическом происхождении и существовании категории инклюзивности/эксклюзивности в субъектно-объектных отношениях предложения, следы которой уходят, по-видимому, в глубочайшую древность¹². Суть гипотезы заключается в том, что **н* как один из системы дейктических показателей выполнял функцию предикативного элемента и субъектно-объектного согласования, но еще не лица, а пространственной включенности объекта в сферу субъекта. По типологическим основаниям можно предположить, что такая система отношений существовала наряду с посессивной связью, отличаясь от нее характером объекта обладания: объект неотчуждаемой собственности («обычные» показатели принадлежности) и объектное действие или его результат в отношении к субъекту. В этом случае **н* выполнял функцию согласования по всей длине конструкции. Возможно, именно так возникли личные местоимения из общебалтийских *b(о)*, *s(о)* (ср. интерпретацию этого *-н* как показателя посессивности)¹³. Включенное в глагол дополнение получало с его помощью своего рода мету определенности, а предикативы такого типа формировали первичные функциональные формы. Утрата функциональной значимости **н* в местоимениях 1-2 л., усиление формобразовательной роли **н* в сказуемом обусловили расширение собственно притяжательной системы и на конструкции с предикативами - глагольными именами.

Все эти процессы должны были протекать в определенных структурно-семантических схемах предложения. Можно допустить существование минимум двух структур: субъектной с группой аористных форм в предикате (*г(о)*, *з(о)*, *с(о)*, *д(о)* и др.)¹⁴, в которых передавалась самая общая связь субъекта и действия и которые содержали различного рода количественные характеристики (ср. их позднейшие словообразовательные филиации *-дА*, *-дА* и др.), а также тип объектной структуры с вычленяемым объектом. Дейктический элемент **н*, возможно, **н(о)*, в силу своей инклюзивности включал в свое поле идею 1-2 л. Разрушение системы дейктического согласования субъектно-объектной структуры предложения и расширение сферы посессивного типа свели возможности **н* только к выражению 1 л. Этот показатель как элемент допосес-

¹¹ Тузушева Д.Г. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977. Стр. 88.

¹² Грунина Э.А. К истории тюркского залога: рефлексив, пассив // Вестник Шелкового Пути. Вопросы тюркской филологии. Вып. II. 1993. Стр. 21.

¹³ Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII - IX вв. Л., 1980. Стр. 164.

¹⁴ Benzing J. Aorist im Türkischen. UAJ XXIV, 3-4, 1952.

сивной системы сохранился по существу как реликт в системе спряжения в маргинальных языках, о чем говорилось выше

Проникновение в объектную структуру предложения показателей посессивности накладывалось на прежнее субъектно-объектное согласование, при этом аффикс принадлежности при объекте выполнял функцию аккузатива. В некоторых языках, сохраняющих много реликтовых черт (типа тувинского) аффикс принадлежности 1-2 л. выступает также в этой функции которую можно определить и как функцию выделения (не только объекта, но это особая тема). Процессы, связанные с формированием оппозиции «неопределенный падеж - аккузатив» сделали посессивные показатели в объекте избыточными, а только согласовательная роль в предикате этих показателей сделала возможным сближение двух структурных схем предложений. Посессивная конструкция имела одну конструктивную особенность: функциональную двойственность формы субъекта, поскольку еще не сформировалась оппозиция «неопределенный падеж - родительный падеж». Поэтому семантически имя в неопределенном падеже выступало как 1) субъект - обладатель реализованного в объекте действия и 2) субъект - агент объектно направленного действия. Это имело результатом и двойную потенцию предиката - глагольного имени: в первом случае он характеризовал объект (= обладание нечто сделанным), во втором - был ориентирован на субъект (некто, что-либо сделавший), что привело к формированию древних перфектов (статива и результатива). В структуре предложения это породило семантический подтип субъектно ориентированной структуры (некто, характеризующийся определенным признаком по выполненному действию), в которой согласование в предикате уже передавалось лично-местоименными показателями. Формирование род.падежа грамматически укрепило посессивную конструкцию, но уже противоречило законам номинативного строя и выводило ее из структурных схем предложения. Посессивное спряжение потеряло опору в конструкции предложения. Показательно, что именно якутский язык с его отсутствием род. падежа сохраняет посессивное спряжение.

Распад двух типов спряжения имел следствием появление посессивной конструкции с *бар/йок*, отрицательный вариант которой представлен во всех тюркских языках. Ср. тат. диал. *мин барганым йук ары* 'я туда ни разу не ходила'¹⁵. В меньшей степени сохранилась конструкция с *бар*. Ср. *минен ишетканем бар* 'мне приходилось слышать (это)'¹⁶.

¹⁵ Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1976. Стр. 149.

¹⁶ Махмутова Л.Т. Указ. раб., стр. 149.

Были ли семантически противопоставлены субъектно и объектно ориентированные схемы предложения? Очевидно, да. Субъектные структуры аористного типа исходно были акциональны по своему содержанию, т.е. передавали само действие. Объектно ориентированные структуры были неакциональны, передавая действие, трансформированное в именную субстанцию или ее признак. Такие предикативные образования – первичные глагольные имена, сохраняющиеся как лексический пласт непродуктивного глагольного словообразования, – в силу своего грамматического синкретизма (субстанция – признак) могли переходить в субъектно ориентированные структуры расширяя сферу лично-местоименного оформления сказуемого. Поссесивное оформление постепенно стало избыточным как маркер семантического типа предложения – эта характеристика перешла в сферу спецификации самих глагольных имен в процессе формирования аспектуально-темпоральной системы. Сам способ поссесивного оформления глагола сохранился лишь в развертывании зависимых предикатов.

Таким образом, как представляется, на ранних этапах пратюркского языка поссесивное спряжение существовало как способ реализации структурных схем предложения и его субъектно-объектных отношений. В современных языках функциональное содержание поссесивного оформления в конструкции простого предложения утрачено, хотя и сохраняется как характеристика функциональной разновидности речи. Лишь в якутском языке в силу внутрисистемных причин и, возможно, влияния языков иной типологии, можно говорить о существовании поссесивной парадигмы спряжения. Вместе с тем характерные для большинства тюркских языков усеченные формы, хотя и обусловлены фонетическими причинами и, как было сказано, не несут значимой нагрузки, тем не менее реализуются с такой степенью сходства и последовательности, что напрашивается вывод об их исконном параллельном существовании с полными формами, лишь скрытом литературной нормой.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Н.А.БАСКАКОВА

Н.А.Баскаков используя свои богатый опыт тюркологических исследований, стал заниматься и социолингвистикой. Деятельность Николая Александровича в области социолингвистики развертывалась с самого начала в двух направлениях: 1) проведение конкретных исследований в области социолингвистики; 2) участие в организации социолингвистических исследований.

Из-за ограниченности объема данной статьи, к сожалению, автор не может охарактеризовать здесь фундаментальные исследования Н.А.Баскакова, посвященные внутривидовому исследованию тюркских языков. Что же касается его трудов по социолингвистике, то они опубликованы в основном в коллективных публикациях.

Труды Николая Александровича по социолингвистике, в которых сочетаются внутривидовый и социолингвистический аспекты, опубликованы во втором томе «Тюркские языки» пятитомника «Языки народов СССР». Ответственным редактором этого тома является Н.А.Баскаков. В нем (в указанном томе) изданы его следующие статьи: «Тюркские языки» (стр. 7-43); «Ногайский язык» (280-300), «Каракалпакский язык» (301-319), «Алтайский язык» (506-522).

Общая характеристика функционального и внутривидового развития узбекского, казахского, азербайджанского, киргизского и туркменского языков принадлежит Н.А.Баскакову. Эта статья была опубликована в коллективном труде «Языковые проблемы развития системы массовой коммуникации в СССР» (Издательство «Наука», М., 1982). Данная статья написана в социолингвистическом аспекте. Н.А.Баскаков уделял значительное внимание вопросам взаимоотношения развития языков и национальных культур. Заслуживает внимания его статья «Отражение социалистической культуры в современном азербайджанском языке», опубликованная в коллективном труде «Взаимоотношение развития национальных языков и национальных культур» (М., 1980).

Издательство «Наука» АН СССР выпустило сборник докладов и сообщений советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. В нем был опубликован текст интересного доклада на указанном конгрессе Н.А.Баскакова «Развитие грамматической структуры языков в связи с расширением их общественных функций (на материале тюркских языков)». В этой статье Н.А.Баскаков отмечал: «Более сложные общественные функции языка стимулируют его развитие на всех уровнях, способствуют его совершенствованию и превращению в высокоразвитый язык с богатой терминологией и гибкой грамматической структурой». (стр. 119).

В книге «Вопросы развития литературных языков народов СССР» (М., 1964) была напечатана статья «О современном состоянии и путях дальнейшего развития литературных языков». В ней дана общая характеристика развития и функционирования литературных языков тюркских народов СССР.

Николай Александрович был одним из авторов коллективного труда «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР» (М., 1968). В этом труде помещена его статья «Структурные и функциональные стилистические модификации в современных тюркских языках». В то время стилистические системы тюркских языков в сравнительном аспекте были еще слабо исследованы. Можно сказать, что Николай Александрович был одним из первых авторов, начавших сравнительное изучение стилистических систем тюркских языков.

Николай Александрович – один из организаторов и руководителей «Всесоюзной конференции по вопросам развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху» (Москва, 1972 г.). Он руководил секцией тюркских языков и подвел итоги ее работы.

Он принимал активное участие в организации социолингвистических исследований в нашей стране, являясь заместителем председателя Научного Совета АН СССР по проблемам развития национальных языков народов Советского Союза. Николай Александрович был членом редакционных коллегий многих трудов по социолингвистике и ответственным редактором коллективных монографий «Языки народов СССР» (в пяти томах), «Внутроструктурное развитие старописьменных языков» (М., 1973) и др.

В коллективном труде «Развитие национально-русского двуязычия» (М., 1976) была помещена его статья «Азербайджанско-русское двуязычие», в которой дается развернутая характеристика социально-экономических, культурно-исторических и этнолингвистических условий его (двуязычия) развития. Автор последовательно прослеживает процесс развития всех рассматриваемых четырех ступеней азербайджанско-русского двуязычия.

Следует отметить, что социолингвистические исследования Н.А.Баскакова отвечают жизненным потребностям многонациональных Российской Федерации (РФ) и Содружества независимых государств (СНГ).

ТУСКА
(ОБ ОДНОМ ГАПАКСЕ НОВГОРОДСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ)

Тюркский лексический вклад в памятниках русской письменности, чем занималось не одно поколение русских востоковедов, в том числе и глубоко уважаемый Николай Александрович Баскаков, пока выяснен далеко не полностью, хотя в целом материал собран довольно значительный, правда, не всегда достаточно критически оцененный, что еще предстоит проделать. Вместе с тем предстоит в массиве русской лексики еще выявить некоторые затерявшиеся тюркизмы.

Примером такого затерявшегося в текстах и непроясненного тюркизма является загадочное слово *туска* из Новгородской первой летописи под 6767 (1259) годом: *и по волости мно² зла оучиниша, бероуче туску оканьнымъ Татаромъ¹*.

В «Материалах для Словаря древнерусского языка» И.И.Срезневского (т. III СПб., 1903, стб. 1039) слово *туска* при этой цитате объяснено как 'особый вид дани', а в «Материалах для терминологического словаря Древней России» Г.Е.Кочина (М.-Л., 1937, стр. 367), как 'подать, дань' с неясным указанием на необходимость сравнить это значение с многозначным словом *тамга* '1) печать, клеймо, 2) подать, 3) торговая пошлина', что сводит на нет толкование, хотя несколько рискованное включение слова *туска* в состав названий 'повинностей в пользу государства' (стр. 457) как бы придает ему статус своеобразного термина (с неясным содержанием!).

Слово *туска*, между тем, не упоминается ни в специальных работах по монгольской налоговой политике XIII в.², ни в исследованиях по тюркизмам (и монголизмам) в древнерусских письменных памятниках монгольского периода³, хотя сам контекст явно указывает на тюркский (или монгольский?) характер слова, что и заставило меня в свое время, когда я работал над выяснением болгарского лексического пласта в славянских языках, предпринять попытку выяснить источник и семантику слова *туска*.

В 1975 году в своей специальной статье «Выходь, туска, хардж и другие термины в языках Среднего Поволжья» («Диалекты и топонимия Поволжья»,

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950, Стр. 82, 310; 639. При слове *туска* в указателе стоит выразительно (?).

² Schurmann H.F. Mongolian Tributary practice of the thirteenth century // Harvard Journal of Asiatic Studies, vol. 18, № 3-4, 1956. P. 304-389.

³ Аракин В.Д. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках. Отв. ред. Н.А.Баскаков. М., 1974. Стр. 112-148.

вып. 3, Чебоксары, 1975 Стр. 42-53) я попытался дать болгарско-чувашскую реконструкцию этимона загадочного слово *туска* Новгородской первой летописи, но для этого следовало бы иметь какие-нибудь сведения об участии волжских булгар в действиях золотоордынской администрации на Руси в XIII в., чего в нашем распоряжении пока нет.

В связи с этим приходится признать справедливым соображение Г. Дерфера⁴, позволившие ему увязать загадочный древнерусский гапакс *туска* со старым персидским словом *تۇزغۇ* *tuzgū* (توزغو ~ تزغو ~ تزغو, часто с ошибочным написанием ر р без точки вместо нужного ز з с точкой) 'подарок правителю как прибывающему гостю' (= перс. ذزل *дузл*), которое Г. Дерфер убедительно выводит из тюркского источника, опираясь на соображения Г.В.Вернадского⁵ и на древнетюркское *tuzγu* 'подношение еды, припасов в дорогу близким или родственникам' из Дивана тюркских языков Махмуда Кашгарского, где это слово встречается дважды (л. 211, 213), а также в составе производного глагола *tuzγulan-* 'преподносить припасы в дорогу' (л. 553) с примером: *tuzγulandī* 'он преподнес мне запасы еды в дорогу'.

Слово *tuzγu* встречается и в стихах, записанных Махмудом Кашгарским:

qarduni yinčü saqinmāŋ
tuzγüni mančü sezinmāŋ
bulmaduq nāŋkâ säwinmāŋ
bilgälär ani yērär

(л. 211)

'Не считай льдинки жемчугом, не полагай набор еды в дорогу платой, не радуйся тому, что не найдено: мудрецы это отвергают'.

В составе фразы *mān ani tüzγürdüm* 'я одарил его' (أهديته) встречается и глагол в передней огласовке *tüzγür-* 'одаривать'⁶, который не попал в «Древнетюркский словарь», на что сетовал К.Г.Менгес, выводя из этого глагола слово *tüz* 'подарок'⁷, которое реально нигде не отмечено.

Несколько раз слово *tuzγu* 'подарок' встречается в поэме золотоордынского поэта XVI в. Кутба «Хосров и Ширин», но исследователи вслед за издавшим ее А.Зайончковским⁸ неправильно читали это слово как *тозгу*, связывая его с

⁴ Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. II. Wiesbaden, 1965. S. 506-508.

⁵ Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven, 1953. P. 220-221.

⁶ Mahmūd al-Kāšgarī. Compendium of Turcic Dialects, part I. Harvard, 1982. P. 318, 321; part II, 1984. P. 52, 253; part III, 1985. P. 203.

⁷ Menges K.H. Aus dem Gebiet der altajischen Suffix-Morphologie: die Verbal-Suffixa // Hungaro-Turcica. Studies in Honour of Julius Németh. Budapest, 1976. S. 106.

⁸ Фазылов Э. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века, т. II, Ташкент 1971. Стр. 398; Zajaczkowski A. Najstarsza wersja turecka *Husrūv u Šīrīn* Qutba, część I. Warszawa, 1958. S. 79, 97, 103; część III. Warszawa, 1961. S. 183.

глаголом *тоз* 'рассеивать, рассыпать, разбрасывать' и определяя его как разбрасывание (*мелких монет*), несмотря на то, что неправомерность такого чтения была справедливо доказана Г.Дерфером, последним же сделано и уточнение семантики в соответствии с указаниями материалов Махмуда Кашгарского.

Э Н Наджип в первой книге своего «Историко-сравнительного словаря тюркских языков XIV века на материале «Хосрау и Ширин» Кутба» (т. 1. М., 1979, стр. 116) отказался от неправдоподобной семантической трактовки слова *توزغۇ* *тузғу* как 'рассеивание (*мелких монет*)', заменив последнее толкованием 'преподношение', но сохранил ошибочную огласовку *тозғу*⁹.

Представляется важным привести все случаи употребления слова *tozғu* в поэме золотоордынского поэта Кутба «Хосрау и Ширин» по изданию А.Зайончковского (с исправлением принятой у него транскрипции *tozғu* и семантики 'подарок' вместо 'rozғucanie (монет drobnych)' - 'разбрасывание (мелких монет)' в переводе). *tutub tozғu tegiñ tertib telim māl* (стр. 79) 'принес много добра в подарок'; *jarašturdy telim šāhāna tozғu* (стр. 79) - 'приготовил обильные подарки, достойные царя'; *ivan utru ėyqyb kältürdi tozғu* (стр. 97) - 'быстро, выйдя навстречу, принес подарок'; *iċib tozғu keċib olturdylar hoş* (стр. 103) - 'удобно сидели, пили вино и перешли к подаркам'.

Выглядит вполне убедительной попытка Г.Дерфера вывести интересующее нас тюркское слово *тузғу* от тюркского именного слова *туз* 'соль' с помощью суффикса *-ғу*, хотя существование переднего варианта в глаголе *tüzgür* 'дарить' в эту схему не вписывается, и он Г.Дерфером учтен не был.

Г.Дерфер приводит значительное число примеров употребления слова *توزغۇ* *тузғу* в старых персидских, арабских, а также армянских источниках (в связи с монголами): Джувейни, Рашид ад-Дин, Вассаф, Низам Шами (точнее его продолжатель Хафиз-и Абру), Тадж (ад-Дин) ас-Салмани, Му'ин ад-Дин Натанзи; Абул-Фарадж; Григор из Аканца и др.

Особо важное значение для этимологизации древнерусского *туска* следует придать монгольскому материалу, который, по справедливому суждению Г.Дерфера, также восходит к тюркскому *тузғу*.

Это прежде всего халх. *тусху* (*touskhou*) 'кубок, кружка для подчевания вином приходящих с поздравлениями к новобрачным', монгол. *DusGu* 'кубок для

⁹ Жаль, что вполне законченный словарь Э.Н.Наджипа остановился на первой книге, и словарная статья в полном виде нам неизвестна, поскольку данные о слове *توزغۇ* *тузғу* 'преподношение' взяты нами из списка производных имен с суффиксом *-ғу* во вводной статье.

угощения приглашенных на свадьбу'; и калм *toγxо* 'чаша для приветствия; напиток для встречи гостей; тост кубок, чаша'¹⁰.

Из монгольского источника, в котором срединное сочетание *-за-* подверглось оглушению, слово попало в маньчжурский язык: *tuskū* 'стол для раздачи вина приходящим гостям' (= монг. *tuskū* = уйгур. *aldīya ciqin ayaq tutadu* 'он пошел навстречу с кубком')¹¹.

Монгольское отражение этого слова *тусху* с оглушением инлаутного сочетания *-за-* в *-ск-* (и дальнейшей закономерной спирантизацией *к* → *х*) оказывается более подходящим источником для древнерусского *туска*, чем тюркское *тузгу*, при переходе которого на славянскую почву не было причин для оглушения *-за-* в *-ск-*. Следовательно, древнерусский гапакс *туска* Новгородской первой летописи приходится рассматривать как монголизм, а не как тюркизм. В связи с этим в суждение Г.Дерфера о тюркском происхождении слова *туска* Новгородской первой летописи необходимо внести небольшое уточнение: *туска* заимствовано не прямо из тюркских языков, а через монгольское посредство.

Вывод исторического содержания из данного этимологического экскурса о слове *туска* должен заключаться в том, что это этнографический термин, а не фискально-экономический.

Этимологические соображения о монгольском источнике слова *туска* позволяют дать утвердительный ответ на осторожно пронизательный вопрос известного русского историка А.Н.Насонова: «(не побор ли это в пользу численников?)» – в его книге «Монголы и Русь» (М.-Л., 1940, стр. 14–5, сноска 5), а также согласиться с его общим пессимистическим выводом: «что такое *туска*, мы не знаем¹²», – и усилить его противопоставление *туска* фискальным терминам *тамга* и *десятина*, как побора в пользу численников и поборов, поступающих в казну.

февраль 1995

¹⁰ Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь, т. III, Казнь, 1849. Стр. 1832; Smedi A. de, Mostaert A. Le dialecte monguor parlé par les Mongols du Kansou Occidental. III partie. Pei-p'ing, 1933. P. 68; Ramstedt G.Y. Kalmückisches Wörterbuch, Helsinki, 1935. S. 403.

¹¹ Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. II. Wiesbaden, 1965, S. 508 со ссылками: Hauer E. Handwörterbuch der Mandschusprache, Bd. I–III, Wiesbaden, 1952–1955, S. 943; Nan-i amha sunja hacin-i hergen kamcjsja manju gisun-i bihe. Peking, 1957, I–III, S. 629.

¹² В указателе к изданной под его редакцией «Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов» (М.-Л., 1950, стр. 639) при слове *туска* стоит выразительный вопросительный знак в скобках: (?).

НАЗВАНИЯ ПОДАРКОВ В ПРА-АЛТАЙСКОМ

В настоящей статье рассматриваются восстанавливаемые для праалтайского лексемы которые объединяет наличие значения дарения хотя бы в одной алтайской группе языков В тех случаях, когда сопоставления нетрадиционны, они частично являются продуктом коллективного творчества Группы Алтайского словаря (С А Старостин, О.А Мудрак, А В.Дыбо), частично лежат на совести лично автора статьи¹.

1. Алт. ***milegu ~ **maligu*

Тюрк. **belek* 'подарок': др.-уйг. *beleg* 'подарок' Hüen ts. (Cl. EDT 338); ср.-уйг. *beleg* 'подарок, который путник привозит соседям, или который посылают из одного места в другое' ['hadiya'] МК; *bölek* Юг 79 (Самарк. список; в других списках на том же месте *belek*, см. ДТС 117,93, Атеб. 79); *beleg* 'подарок' ['al-hadiya'] АФ 082 (так же читает Клосон, а Будагов читает *büleg*), Ibnü Müh. 149 (ошибочно записано как al-hudna *tüleg*, что свидетельствует, скорее всего, в пользу прочтения с *ü* - А.Д.); чагат. *beleg* 'подарок; первые плоды урожая' ['hadiya wa pawbawa'] Sangl 149v3. Сев.-вост. як. *бэлэх* 'подарок; вознаграждение; приношение духу'; тув. *белек* 'подарок'; сюг. *pelek* 'подарок' Малов СЮЯ 90, Тен ССЮЯ 196; ойрот. *белек* 'здаток жениху от невесты, выражающий ее согласие на умыкание'. Юго-вост. уйг. диал.: лобнор. *bələk, bölük, bülək*. Юго-зап. тур. диал. *belek, benek* DS II 609 'дар, свадебный подарок, приглашение на свадьбу, подарок хозяина мастерам, строящим дом, награда на скачках на свадьбе'. Сев.-зап. караим. только *бэлэх* h 'приплод' (ср. чагат. - А.Д.); татар. *буләк* 'дар, подарок, награда, приз'; сиб. (Р - тоб., тара) то же, башкир. *буләк* 'дар, подарок, награда, приз'; киргиз. *белек* 'дар, подарок'. Чуваш. *пил* 'благословение, родительское напутствие, завет; сильное желание, оцениваемое положительно (он хочет учиться), (хороший) характер, ум', *пил-ле* 'благословлять'; Егоров 160 предполагает сокращение из *пехил* 'благословение' (ар.), но это предположение кажется излишним.

Ср. ЭСТЯ 2 112. Сохраняется фактически только в северной зоне, причем в сев.-зап. частично контаминирует с **bölek* 'доля' и 'запеленутое' (ср. народную этимологию у Клосона). Заим. в сев.-монг. **beleg*, из монг. и якут. в ТМ языки - см. ССТМЯ I 124-125. Вопреки Дыбо БСИ, скорее всего, не связан с ТМ, Мо **bele-* 'готовить'.

¹ Расшифровку сокращений источников см.: Э.В.Севортян. Этимологический словарь тюркских языков, т. I. М., 1974, стр. 5-22.

Монг. **milaya-/malıya*: письм. *milaya*; ср.-монг. *malıva* 'жертвовать' SH 106 (Козин 39 читает *mal/riya* 'приносить жертву' 103, 'прислуживать' [но в тексте - 'усердно'] 204). Халха *мялаах* 'угощать, дарить что-л. за обновку' калм. *miläxə*, *miläxə* 'освящать, благословлять ч.-л. новое, поздравлять с обновкой' KWb 262; бур. *milaangud* 'день рождения' (справлялся по достижении ребенком 1 года); ордос. *milä* 'совершать обряд возлияния над обновкой' DO 464.

Займ. в тел. *malıy*, як. *малаасын* 'освящение, возлияние, мир' VEWT 324; як. *малдасын* 'пир' займ. в эвенк. *малдахун* то же ССТМЯ I 523.

ТМ **malu*: эвенк. *малу* 'почетное место в жилище (напротив входа) передний угол, где живет дух-хозяин жилища; икона'; сол. *малуу* 'почетное место в юрте'; эвен. *мал* то же; нег. *малу* то же; уд. *малу/у* то же; ульч. *малу/у* то же; орок. *малу* то же; нан. *малу* то же.

Кор. **miri*, совр. *муль* 'подарок'.

Яп. **tagar*, совр. *морау* 'получать; вспомогательный глагол, выражающий действие в пользу субъекта', др.-яп. 'получать подарки'.

2. Алт. ***an-*

Тю **āncū*: др.-уйг. (гlossa в сакском тексте 925 г.) '*inju* 'главное племя в конфедерации', т.е. 'собственное племя правителя', *inčū* USp. XIV в. 'фамильное или клановое имущество'; чагат. *inčū* 'вассал, добровольно нанявшийся на службу к бегу' Аб. 82, 'слуга, раб', 'земли и рабы, являющиеся собственностью правительства' San.117v15; хорезм. *inčī* 'наследство' Кысса-и Юсуф; ст.-кыпч. Золотоордынское письмо от 1428 г. *inčū* 'феод'; ст.-осм. *inčū* 'вассал' TTS II 541. Сев.-вост. як. *энныэ* 'приданое'; Верб. наследство, приданое; хакас. *инчи* 'приданое'; ойрот. *энчи* 'доля в наследстве, приданое', Баскаков Туба 170: 'доля в наследстве, приданое'. Юго-вост. уйг. *инжи-марук* 'неприглядная женщина', диал. (Аксу) *инца* 'сочувствие, симпатия; усадьба' Малов УНС 113; узб. *инжу* 'личный удел'. Огуз. туркм. *инжи* 'подарок от близких родственников детям'. Сев.-зап. татар. *инче* 'приданое', диал. 'скот, даримый родителями невесты; сундук с вещами, даримый невесте ее родителями' ТДС 146; башкир. *инсе* 'завещанное', диал. 'скот, приводимый невестой, скот обещанный невесте родителями жениха'; кумык. *энчили* 'личный, собственный'; казах. *енші* 'доля в наследстве'; ккал. *енши* 'то же'; киргиз. *энчи* 'то же, вотчина'. См. ЭСТЯ I 361.

Займ. рано в а) ср.-монг. *етси*, *епси*, *уепси* 'верные слуги, подданные; собственный народ' SH 43, 44,170; сев.-монг. письм.-монг. *ōtci*, *ōnci*, халха *өмч* 'личное имущество'; калм. *ōtis* 'наследство, удел' KWb 296; бурят. *үмсэ* 'личная собственность'; ордос. *ōtisi* 'наследство от родителей (добро или скот)' DO 533, заимствовано из тюрк. формы, огласованной *enčū* (т.е., по карлукскому - или архаичному - типу), без озвончения *č*, из монг. - ма. *enči-ken* 'имущество, наследство, средства к жизни; дарование, способность, мастерство', из Ма. за-

им. в ульч., нан *enʒele* 'способность, инициатива' ССТМЯ 2 454. Видимо, монголизмом же является тув *өнчү* 'собственность, имущество';

б) ср.-монг. *inje* 'приданое служанка которая отходит невесте в приданое' SH 82, сев.-монг. письм.-монг. *inje*, халха *инжэ* 'приданое', мал *инжэ* 'скот, данный в приданое', калм. *indzi* 'приданое' KWb 208; бурят. *энжэ* 'приданое', ордос. *ɛndzi, indzi* 'приданое (рабы кони и под.)' DO 239. Заимствовано из формы с озвончением, с разогублением второго гласного, т е в форме, представленной в сибирских и огузских языках: значение 'приданое' представлено в сибирских, поволжско-кыпчакских и огузских языках; с осторожностью, включая историко-культурные соображения, можно предполагать источником заимствования огузскую либо (незафиксированную) тюркютскую форму. Соответственно, для пратюркского можно предполагать общее значение 'имущество, передаваемое старшими родственниками младшим', со специализацией юридических терминов 'личный удел' в Восточном Туркестане и 'приданое (скот)' в Поволжье.

(?) Монг. **eneri-* 'жалеть, сочувствовать, любить': ср.-монг. *eneri-* 'быть сострадательным' MA 160; бур. *enerel* 'сострадание, великодушие', *enerxeg* 'заботливый (об отце)'; ордос. *enerel* 'сочувствие, любовь родителей к детям' DO 240. Видимо, не связано с **eni-* 'страдать' ~ тюрк. *enik* 'жалоба', *entik-* 'страдать' VEWT 44, ТМ *enu-* 'болеть' ССТМЯ II 454-455.

ТМ **ani-* 'дарить, награждать, благодарить': эвенк. *анй, анйвун, анйдан* 'подарок', *анй-* 'дарить, присылать подарки'; эвен. *āni-* 'дарить, награждать', пасс. *āni-m* 'получать подарок, награду', *анйн, анйвун, āniṣd* 'подарок, предназначенный кому-либо', *анймзи, анймда* 'подарок, полученный от кого-либо' ССТМЯ 1 43; *āni* 'радоваться, благодарить' ССТМЯ 1, 45; ороц. *ана* 'праздник' Аврорин - Лебедева 163; нан. *айд* 'праздник' Оненко 43.

Кор. *enuri hada* 'запрашивать цену, называть цену с запросом, давать цену (о покупателе)'. || Г. Рамстедт в SKE 11 предлагает сопоставление с кор. *an-da* 'обнимать' (ср.-кор. *an-da* 'то же'), но семантическая связь здесь нам кажется менее очевидной.

3. Алт ***sapa/i*

Тюрк. **sep-* др.-уйг. *sep-* 'снарядить' (пример: хан сына в дорогу) Cl. EDT 784; МК *sep* 'приданое', *sep-tür-* 'снабжать приданным'. С-В Як. *эн-* 'прибавлять, добавлять'; Ойр. *сен* 'приданое, утварь невесты, украшения'. Ю-В Уз. *сен* 'приданое'. Ю-З Турк. *сен* 'приданое', *сен-ле-* 'соединять'. С-З Кар. т *сен эт-* 'поддерживать, подкреплять'; Тат. сиб. *сил* 'приданое'; Ног. *сен* 'помощь'; Кум. *сен*

² В эвенк. и эвен. основа контаминируется с рефлексам **jan-* 'наряжаться; наряд', ср. эвенк. *hany-* 'дарить', *hanisim, anisim* 'наряд'; эвен. *hāni-lə, āni-lə* 'наряжаться, щеголять' при нег. *hāni-* 'наряжаться, хвастать нарядом' ССТМЯ 2, 314.

'приданое'; Каз *сеп* 'прок, помощь'; Кир. *сеп* 'приданое'³. Чув. *сип* 'польза прок'.

Здесь, очевидно, не относятся тув *сеп-те* 'ремонттировать' уз *сеп-та* 'на-скоро подремонттировать', ккал. *сеп-ле* 'ремонттировать' (и, видимо, вследствие обратного словообразования, первая часть парного слова *сеп жип* 'нитка для починки сети'), чув. *сап-ла* 'починять, лечить', восходящие к Мо *selbe*- (метате-за, возможно, под влиянием Тю *sap* 'починять' VEWT 401-402, ср МК). || ЭСТЯ 6.

Из тюрк. заим. в калм. *себ* 'приданое, мелочи, которые жена приносит из дома к мужу' КВб 320.

ТМ **saw-lt* 'угощать, приносить подарок-угощение': нег. *саали* 'угощать'; ороц. *саали*- 'угощать, приносить подарок-угощение', *сауја* 'угощение, подарок', *сауја*- 'дарить'; ульч. *саули*- 'угощать'; нан. Нх *саоли* 'угощение, пир', *саоли*- 'угощать'; Бк *саоли*- 'угощать; сватать'; ма. *сола*- 'свататься, приходиться за ответом после предложения', *соли*- 'приглашать кого-л. к себе в гости или на должность', *солирэ доро* 'обычай осведомляться о здоровье к-л через посланного с подарками'. ССТМЯ 2, 52.

Яп. *саба*- 'обходиться с кем-либо, улаживать; продавать, сбывать'.

4. Алт **ač'a*

Тю **ačg* 'дар от правителя': только в памятниках, др.-уйг. *ačg* 'дар (по памятникам - дары волхвов, от правителей (бегов))'; ср.-уйг. *ačg* МК 'дар от султана', КБ 'дары (от короля)' СІ. EDT 22.

Мо **ač* 'милость, пожалование': ср.-монг. *hači* 'воздаяние, благодарность, месть' SH 74 (по-видимому, со вторичным *h*-, ср. дагур. форму⁴); письм *ači* 'благодарность, благодеяние', *ačitu* 'благодетельный'; халха *ač* 'услуга, воздаяние, благодеяние', *aчит* 'благодетельный, достойный благодарности'; баринск., харчин. *aчит* 'благодетельный, милостивый', *aчитан* 'благодетель' Некл. Тум.299; ст.-калм. *ač* 'заслуга', *aчта* 'милосердный' (эпитет при бурхане) Тод. Джангар 197; бурят. *аша* 'милость, благодеяние; услуга, заслуга, воздаяние', *ашаг* 'выгода, польза, доход, прибыль'; ордос. *atši* 'благодеяние, подарок в благодарность за что-л.', *atšila*- 'отблагодарить за верную службу' Most. DO 35; дагур. *aчи* 'польза, выгода', *aчил*, *aчилал* 'добро, милость, польза', *aчи-ла*- 'делать добро, благодетельствовать' Тод. Даг. 122.

ТМ **ači*- 'благословить': нан *ачеури* 'благословлять', *ачеурус*-у 'благословляйте' (запись Грубе; приводится форма безличного причастия и императива 2

³ В этнографических источниках, описывающих различные типы приданого у тюрков, *сеп* обычно характеризуется как приданое невесты из вещей: постель, одежда, украшения, а не крупное имущество (скот или земля).

⁴ Ср в средне-монг. еще очевидный случай неорганического *h*:- Ноуа-і 15 *hači*, *ači* 'внук'.

мн., в современной транскрипции формы должны были бы быть записаны как *ачи-ори*, *ачи-ори-су*; дефис после *ачеури* в ССТМЯ проставлен ошибочно), *ачеур'ху* 'благословенный'; чжурчж. *aciбuri* 'благословлять', *aciбuri n'arma* 'святой человек'. ССТМЯ 1 59. Вид основы и образований от нее исключают предположение о заимствовании из монг.

Кор.: ср.-кор. *as kab*, *as-ki*, совр. *аккида* 'испытывать жалость'.

Яп.: др.-яп. *atu kap* 'оказывать честь', совр. *ацукау* 'обращаться, заниматься кем-л.'. В корейско-японской группе – сложная основа, вторая часть – **kaba*- 'покупать, платить, обменивать': ТМ **xab*- 'покупать' ССТМЯ 1 457; кор. *kap*- 'платить', яп. *kap*- 'покупать, обменивать'.

5. Алт. **suj* (при признании ТМ формы – **süjy*).

Тюрк. **sij*: куман. *sj-la*- 'оказывать почет' KW 228; арабо-кыпчак. *sj-la*- 'оказывать почет' Из. дар 343; армяно-кыпчак. *sj-la*- 'уважать, чтить, оказывать почет' Из. Дар 373, Никаг. 40. Сев.-вост. тув. *сы-га*- 'назойливо угощать, потчевать'; хакас *sij*, *sijix* 'подарок; награда, премия; угощение', *sj-la*- 'оказывать кому-л. почет, уважение', *sij-laγ* 'угощение'; сюг. *si-la*- 'поздравлять; потчевать, угощать' ЯЖУ 102; алт. *сий* 'угощение, подношение, чествование, подчевание, уважение; награда, премия; взятка; плата зайсану за судебное разбирательство'. Юго-вост. только узб. диал. *сий* 'уважение, почтение' Иш. КУШ 153 (кыпчакские диалекты!). Огуз. тур. диал. *сул* 'уважаемый' DD 3, 1223, 1224; туркм. *сы-ла*- 'почитать, уважать', туркм. диал. *сий* 'уважение, почет, авторитет' ТДГДС 165, Кур. II 251. Кыпчак. караим. *сий thk* 'почет, уважение, честь', *сий-ла*- 'почитать; угощать'; татар. *сий* 'угощение', диал. *сий* 'угощение, устраиваемое родственниками жениха в честь родителей невесты' ДСТ 378; башк. *һый* 'угощение' *һый-ла*- 'угощать, дарить', диал. *һый тузуу* 'звать гостей' Бһһ II 295; кумык. *сий* 'почет, уважение, авторитет', *сий-ла*- 'почитать, уважать', *сий-лы* 'почтенный; дорогостоящий', диал. *сий id*. Кер. Кайт. 34; кбалк. *сий id*; ног. *сий* 'угощение; почет, уважение; подарок'; каз. *сий* 'подарок; награда, премия', *сийлы* 'уважаемый, почетный'; ккал. *сий* 'подарок; награда, премия', *сийла*- 'дарить; почитать; угощать'; кирг. *сий* 'подарок, награда, премия; уважение; почет', *сий-ла*- 'оказывать почет, уважение; угощать; награждать'. Чув. *сай* 'угощение', *сай-ла*- 'угощать, потчевать; дарить, подносить' (скорее, татаризм – ср. отсутствие перехода *s > š* перед **ʔ*). || Räs. VEWT 415, Räs. TLC 116, ЭСТЯ VI.

Мо **sui* 'калым': письм.-монг. *süi* 'обязательство, помолвка, подарки жениха семье невесты' Less. 741; калм. *сү*, *сi* 'калым, выкуп' KWb 328, 341; халха *суй* 'пошлина; калым', *суй-лэ*- 'облагать пошлиной; сватать'; бур. *һүй-те* 'суженая, нареченная'; ордос. *сui* 'сватовство, обручение' DO 596-597. Фонетический облик слова исключает предположение о заимствовании в тюрк. или из тюрк. Монг. заим. в тув. *суй белек* 'калым, дорогой свадебный подарок; дар, награда'.

(?) ТМ: нан. Нх *сулэн* 'подарок, *сулэ* 'дарить', отыменно глагол однократного вида и отглагольное имя от него ССТМЯ II 118 В бикинском диалекте вариант с частичной ассимиляцией *сулэ*, *сулэ-ку* Сем 185. Возможно, в прочих языках рефлексy контаминировались с рефлексами **sugde* 'жертвоприношение пищи идолам, пар, поднимающийся от пищи' ССТМЯ II 118.

6. ПА *tama-*

ТМ **tama-* 'платить': эвенк. *tama-* 'платить', *taman* 'плата, цена, стоимость; калым'; солон. *тама-* 'заплатить'; эвен. *там-* 'платить', *тамн* 'плата взнос; цена, стоимость, вознаграждение; долг'; нег. *тама-* 'платить, оценивать', *таман* 'плата, цена, стоимость'; ороч. *тама-* 'платить', *тама(н)* 'плата, цена'; уд. *тама-* 'платить; давать выкуп за невесту', *тама(н)* 'плата, цена'; ульч. *тама-* 'платить', *тама(н)* 'плата, цена, стоимость; вознаграждение'; орок. *тама-* 'платить', *тама(н)* 'плата, цена, стоимость'; нан. Нх *тамā* 'плата, цена, стоимость', Бк *тама(н)* 'плата за убийство, вира'. ССТМЯ 2 158-159, Сем 188.

Яп *tatar-* 'жаловать'; Pass. 'быть удостоенным получения'.

7. **t'ojə-*. Тюрк. **toj* 'пир': др.-тюрк. *toj* 'собрание; празднество, свадьба'; др.-уйг. *toj* 'собрание, пиршество; ставка, резиденция'; ср.-уйг. (МК, КБ, АФ, Тефс.) *toj* 'собрание (праздничное); лагерь'; чагат. *toj* 'пир'; хорезм. *toj* 'пир'; куман. *toj* 'пир, свадьба'; араб.-кыпчак. *toj* 'пир'; осман. *toj* 'пир' СЛ EDT 567. Сев.-вост. якут. диал. *той* 'и прочее' ДСЯЯз 241; тув. *doj* 'пиршество, праздник', тоф. *doj* 'то же'; хакас. *той* 'пир, свадьба', *тойлыг* 'беременная'; сюг. *той* 'пир', *той-ла-л* 'собираться тучей (о мошках)' Малов ЯЖУ 120, Тен. ССЮЯ 213; ойрот. туба *той* 'пир, свадьба' Баскаков Туба 155; лебед. *той* то же Баскаков Лебед. 206. Юго-вост. уйг. *той* 'пир, свадьба'; диал. *тойлык* 'калым' (Аксу, Хотан) Мал. УНС 159, *тойлік* 'калым', *тойлук* 'приданое' (Хами) Мал. УЯ 185; узб. *тўй* 'празднество по случаю свадьбы или обрезания; приданое и калым'. Огуз. тур. *toj* 'свадьба, пир'; гаг. *toj* 'пир'; аз. *toj* 'свадьба'; турк. *toj* 'празднество с угощением'; хор. *toj* 'свадьба'. Кыпчак. караим. *той* 'пир, веселье'; татар. *туй* 'свадьба, пир'; бараб. *той* 'свадьба' Дмитр. 188; башк. *туй* 'пир, свадьба'; кумык. *той* 'пир, свадьба'; ног. *той* 'свадьба, пир'; казах. *той* 'пир, празднество'; ккалп. *той* 'пир, празднество, свадьба'; кирг. *той* 'пир, празднество'. Чуваш. *туй* 'пир, свадьба', возможно, татаризм. См. СЛ EDT 566, VEWT 484, 488, Joki /Is 327-328. В VEWT, по-видимому, неправомерно разделяются *toj* 'пир, празднество' и *toj* 'собрание, лагерь'; значение последнего достаточно легко выводимо из первого. Вопреки VEWT, рефлексy корня не обнаруживают следов **ŋ*'.

ТМ **tuju-* 'угощать': эвенк. *туйу-* 'угощать, потчевать', *туйун* 'угощение; гостеприимный'; эвен. *той-* 'угощать, потчевать'; нег. *тойо-* 'угощать, потчевать', *тойо(н)* 'угощение'; ороч. *тойо-* 'угощать', *тойо(н)* 'угощение'; ульч. *туйу-* 'уго-

щать', *тойо(н)* 'угощение'; орок. *тойо* 'угощать', *тойо(н)* 'угощение' нан Нх *туйу* 'угощать', *туйу* 'угощение' ССТМЯ 2 206

Прежде всего отметим, что лексика этой семантической группы относится к разряду культурной и в силу этого легко сменяется с изменением этнографических характеристик. (ср арабо-персидские заимствования в турецкий (и другие языки огузской группы) *hediyе* 'подарок' из араб.; *bagʻzila* 'дарить' из перс. *baxš* – см СІ. EDT 321, в чуваш.: *еткер* 'имущество, наследство' из перс. *yadgar* 'подарок на память' – см. Егоров 62, в монгольские языки из тюрк. и наоборот – ср. выше). Из-за той же "культурности" слово с общим значением подарка легко "конкретизируется" и начинает обозначать какой-то определенный тип подарков. Восстанавливая пра-значения, мы пытаемся выделить более или менее обобщенные признаки, снимая явные случаи адхоковой конкретизации. Оказывается, что семантическая классификация, получаемая в результате, близка к набору признаков, выделенных В.Ю. Розенцвейгом при анализе русской лексики (В Ю.Розенцвейг, Лексика имущественных отношений // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М., 1964), однако, поскольку мы ставим себе преимущественно реконструктивные задачи, а также занимаемся лексикой другого региона и другой эпохи, имеются определенные отличия.

Итак, по нашему материалу подарок – это имущество (по терминологии Розенцвейга, ресурс), передаваемое одним лицом другому (// получаемое одним лицом у другого) добровольно и без формально выраженного намерения что-либо за это получить. По признаку добровольности подарку противопоставлена военная добыча или налог, что касается формально выраженного намерения получить что-то взамен, то взятка еще может расцениваться как подарок (и эвфемистически так называться), плата и вообще ситуация купли-продажи – нет. Внутри понятия подарка возможны различия по следующим признакам:

1. Подарок даваемый vs. подарок получаемый: ср. эвенк. *анивун* vs *анимд-жи*. Различие может быть формально выражено изменением залоговых маркеров. (Соответственно, при реконструкции первичного значения этого признака следует обращать внимание на наличие залоговых показателей в рефлексах; при отсутствии таковых значение диатезы можно считать "защитым" в лексическое значение основы).

2. Соотношение социальных статусов: производится ли переход имущества от высшего к низшему (в рассматриваемой культурной области – от старшего к младшему) или наоборот. Среди статусов может также быть выделен как особый сакрализованный (который обычно является одним из высших). От высшего к низшему переходит пожалование, от низшего к высшему – подно-

шение; аналоги этих типов подарка при наличии сакрального участника – благословение и жертвоприношение. Изменение значений этого признака, по-видимому, может происходить через нейтрализацию статусов в результате, например, грамматикализации категории вежливости; кроме того, также через изменение диатезы (при чем следует искать следы залоговых маркировок). Сакрализованный участник может метафорически заменяться на несакрализованного высшего и наоборот

3. Тип имущества/ресурса: самая грубая классификация для нашего материала – материальный vs. духовный, причем специфицируется особый тип материального ресурса, пища. Виды "духовных" даров: от низшего к высшему – почтительность, от высшего к низшему – забота, родительская любовь (жалость); от сакрального – благословение. Изменение значения признака может происходить метафорически (ср. метафорическое *родительское благословение* в значении 'наследство').

Для приведенных выше пра-алтайских слов первичные значения восстанавливаются следующим образом.

1. В тюркских языках рефлекс **belek* демонстрирует значения, нейтральные (не маркированные) по всем приведенным выше признакам. Только в чувашском специфицирован сакрализованный (или высший) статус источника, но здесь очевидно вторичное развитие – переход нейтрального 'подарок' в высокий архаизированный стиль: 'дар'; место нейтрального слова занято новообразованием по глаголу *нар-* 'давать' – *нарне*. Нейтральное же значение мы видим у корейского и японского рефлексов; в японском, кроме того, пассивное значение 'получать подарки' сопровождается старым залоговым показателем *-р-* (возможно, связанным с общеалтайским показателем пассива). В монгольском общая семантика – передача ресурса сакрализованному получателю, жертвоприношение, но не в качестве просто выражения почтения, а с выраженной целью получения благословения для некоторого другого материального объекта; значение тунгусо-маньчжурского рефлекса явно может быть производным от монгольского, можно предположить, что это – имя по соответствующему глаголу с первичным значением 'благословение', т.е. 'благословенное место в жилище' = место, где обитает дух-хозяин жилища. Географическое соотношение нейтрального значения 'подарок' как периферийного и тунгусо-монгольского как центрального заставляет предполагать в монгольском и тунгусо-маньчжурском вторичное развитие семантики. Тогда для пра-алтайского **mife-* восстанавливается первичное общее значение 'подарок'.

2. Для тюркского рефлекса значения приданого и наследства как личного имущества объединяются в семантике 'получение имущества от старшего младшим'. У монгольского рефлекса просматривается значение 'передача духовного ресурса от старшего к младшему'; у тунгусо-маньчжурского – 'переда-

ча материального или духовного ресурса без различения статуса источника и адресата' Корейский рефлекс, сохраняясь только как часть сложного глагола с активным значением, неясен по диатезе, тип ресурса материальный, общее значение – 'предлагать определенное количество универсальной ценности (денег) как эквивалент определенного материального ресурса' (при возмездных отношениях) Корейское значение, таким образом, значительно отходит от прочих, предполагающих безвозмездные отношения. То, что и тюркский, и монгольский рефлекс при разной диатезе предполагают передачу от высшего к низшему, заставляет полагать, что такое соотношение статусов, скорее, является старым. Таким образом, первичное значение **ani-*, по-видимому, 'дача/получение пожалования', причем, если сопоставить его с значениями следующего слова, скорее 'получение' чем 'дача'.

3. Тюркский рефлекс: 'снабжение, приданое', т.е. 'передача имущества от старшего к младшему'; тунгусо-маньчжурский – 'передача имущества, в частности, еды при нейтральных статусах'; японский – 'передача материального или духовного ресурса, в частности, при возмездных отношениях; в частности, от высшего к низшему'. Первичное значение пра-алт. **sap-*, по-видимому, 'дача пожалования'.

4. Значение тюркского рефлекса – 'дача/получение пожалования', т.е. 'передача/получение материального ресурса от высшего к низшему' плюс стилистическая коннотация возвышенности. Монгольское значение – 'передача ресурса, в основном, духовного, от высшего к низшему', тунгусо-маньчжурское – 'передача духовного (мистического) ресурса от высшего, мыслимого как сакрализованного, источника к низшему'. Корейское и японское значения совпадают, это – 'передача духовного ресурса от высшего к низшему'. Похоже, что первичное значение алтайского прототипа **aci-* – именно 'передача духовного ресурса от высшего/сакрализованного (ср. коннотацию высокого стиля в тюрк.) к низшему', т.е. 'дача благословения'.

5. Набор значений тюркского рефлекса 'почтение/угощение/премия/взятка' предполагает первичную семантику 'передача материального/пищевого/духовного ресурса от низшего к высшему', т.е. 'подношение' в широком смысле. Монгольское значение 'калым' является конкретизацией семантики 'передача ресурса от младшего (жениха) к старшему (родителям невесты)'. Плохо зафиксированный тунгусо-маньчжурский рефлекс имеет общее значение подарка. Как первичное для пра-алт. **sij(y)* восстанавливается, таким образом, значение 'дача подношения'.

6. Значение тунгусо-маньчжурской основы выходит за пределы рассматриваемой группы лексики, относясь к области возмездных отношений ('плата'). Японский рефлекс означает 'передачу ресурса от высшего к низшему'. Нали-

чие слова лишь в двух группах не позволяет сделать вывода о направлении изменения значения.

7. Тюркское значение 'пир, праздничное сборище' и тунгусо-маньчжурское 'угощать, угощение', т.е. 'передача пищевого ресурса (при нейтральном соотношении статусов)' легко выводятся друг из друга; определить направление изменения (по диатезе) не представляется возможным. Общее значение, таким образом, либо 'пир', либо 'угощение'.

Рассмотренный материал слишком невелик, чтобы проследить достоверно какие-либо общие тенденции развития лексической подсистемы в отдельных группах; обращает, однако, на себя внимание отсутствие статусных различий за исключением сакрализованности в тунгусо-маньчжурских значениях.

В соответствии с выводами, настоящая работа в пра-алтайской системе терминов могла бы быть охарактеризована с помощью основы **süj*(*γ*).

К ВОПРОСУ О ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В современных тюркских языках прилагательное как часть речи объединяет слова со значением свойств, признаков и качеств предметов и предметных понятии. Самостоятельно прилагательные могут выступать в предложении только предикативно; в непредикативном употреблении прилагательные выступают в функции определения при имени существительном, являясь его атрибутивным сопроводителем. Исторически так сложилось в тюркских языках, что обе названные функции прилагательного не вызвали к жизни собственных морфологических форм словоизменения. Формой связи прилагательного с существительным в атрибутивном словосочетании является фиксированный порядок слов – примыкающая препозиция. Образующиеся в таком положении во многих языках мира согласовательные формы прилагательного с именем в тюркских языках не возникли.

Что касается выражения синтаксических категорий времени и модальности в предикативной позиции, то тюркское прилагательное не имеет собственных форм, а вместе с существительным и другими частями речи, а также функциональными разрядами слов пользуется общим для них фондом «показателей сказуемости». В настоящем времени реальной модальности в большинстве современных тюркских языков для неглагольных предикатов характерно бессвязочное употребление; предикативная функция реализуется здесь только за счет закрепленной за предикатом конечной позиции в структуре предложения и соответствующих интонационных средств. Для передачи настоящего – прошедшего и будущего – времени и модальных значений при неглагольных частях речи, в том числе прилагательном и наречии, применяется связка в соответствующих модально-временных формах глагола, т.е. используется глагольная по происхождению (но в некоторых языках в ряде отдельных форм оторвавшаяся от актуального глагольного словоизменения) система показателей.

По мнению ряда ученых, предикативная функция прилагательных осуществлялась только при поддержке глагольной связки, при этом многочисленные случаи бессвязочного оформления в самых разных тюркских языках рассматривались ими как элизия связки. На наш взгляд, употребление связки как обязательного компонента соответствующих конструкций сложилось постепенно, по мере усложнения системы временных и модальных значений; необязательность связки в настоящем времени реальной модальности и даже предпочтительность такого построения в обыденной нелитературной речи, по всей вероятности, отражают исконное состояние предикативного употребления прила-

гательных. Грамматическая сторона предикативности в этом случае находила воплощение помимо позиционного и интонационно-логического противостояния с субъектом в особой семантико-грамматической оппозиции внутри прилагательных, выступавшей первоначально как оппозиция морфологического характера. Таким образом, вопросы функционального плана оказываются глубоко связанными с процессами категоризации прилагательных как особого класса слов на уровне праязыка.

Отсутствие форм словоизменения, мотивированное особенностями тюркского синтаксического строя, вместе с тем не ставит под сомнение существование прилагательного как лексико-морфологического разряда слов (части речи) ни в современных тюркских языках, ни в праязыке¹. Как часть речи тюркское прилагательное отличают: а) собственная лексико-грамматическая семантика – это признаковые слова, в которых признак не проявляется во времени (как у причастия и качественных глаголов), а присущ предмету неотъемлемо; б) атрибутивное и квалифицирующе-предикативное синтаксическое употребление; в) отсутствие собственных форм словоизменения при синтаксическом функционировании (в указанном выше смысле для предикативной функции); г) наличие специфической системы средств формообразования – форм субъективной оценки и компаратива; д) наличие собственных средств словообразования; е) активные процессы лексико-семантического перехода (транспозиции).

Атрибутивная функция – не исключительно черта прилагательного; в роли определения в тюркских языках, как и во многих других, может выступать существительное. Эта черта языкового механизма детерминирована таким положением дел в онтологической реальности и результатах ее познания, что предмет или предметное понятие могут характеризоваться не только сами по себе, но и через отношение к другому предмету или понятию. Тюркские языки строят атрибутивную конструкцию из двух имен, обычно называемую *изафетом*, используя два способа морфологической связи между определяемым – примыкание и притяжание, выбор которых мотивируется семантическим типом существительного-определения. В первом случае в роли определения выступают существительные со значением материала (тат. *кун биялай* ‘кожаные рукавицы’, букв.: кожа-рукавицы), родового классификатора – названия профессии, национальности, должности, возраста, пола, родственного отношения, родового определения животных и т.д. – по отношению к конкретному индивиду, виду и т.п. (як. *дьяхтар прокурор* ‘женщина-прокурор’, *муучча киши* ‘русский человек’, *кыыс обо* ‘девочка’, букв.: девушка-ребенок, *кыыл таба* ‘дикий олень’,

¹ Ср., однако: Шербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя).Л., 1977, стр.108.

букв.: зверь-олень). Некоторые грамматисты не относят подобного рода словосочетания к конструкциям изафета.

Во втором случае под морфолого-синтаксическую форму отношений при-
тяжательности подводится выражение самого широкого круга признаков
предмета – по функциональной предназначенности предмета, источнику воз-
никновения его свойств и собственно по принадлежности, включая сюда не
только имущественное владение, но и отношения функциональной соподчи-
ненности (части и целого) и т.д., ср.: тат. *күз булеги* 'глазное отделение' (на-
пример, в поликлинике), тур. *tavuş yumurtası* 'куриное яйцо', *iş günü* 'рабочий
день', *mürekkep şişesi* 'бутылка из-под чернил'², як. *совхоз тракторын үлэтин
хаачыстыбата* 'качество работы совхозного трактора'³.

Использование изафетных конструкций обоих видов восполняет ограни-
ченность в тюркских языках морфологических средств образования относи-
тельных прилагательных и расширяет семантический спектр этих средств⁴.
Широкое применение в тюркских языках имен существительных в адъектив-
ной функции породило в тюркологии теорию синкретизма тюркского имени –
прилагательного и существительного. Подавляющее большинство ученых от-
вергает синкретизм имени для современного состояния тюркских языков, ото-
двигая это явление в историческое и, особенно, доисторическое прошлое, счита-
тая приведенные выше факты реликтами того состояния. Тем не менее, равно
неверными приходится признать оба этих вывода – и в плане современного со-
отношения этих частей речи, и в плане их прошлого.

Считается, что реально существующая в современных тюркских языках ка-
тегориально-семантическая дифференцированность прилагательного и суще-
ствительного не находит выражения в формальных признаках морфологиче-
ского и синтаксического плана⁵. Действительно, если взять, например, морфо-
логические и синтаксические признаки татарских слов *кун* и *күз* в вышеприве-
денных словосочетаниях 'кожаные рукавицы' и 'глазное отделение', то можно
прийти к заключению, что у этих слов равно сосуществуют адъективные и суб-
стантивные значения, как это и дает «Татарско-русский словарь»: 'кожа // ко-
жаний', 'глаз // глазной'. Между тем семантическая сущность слова выявляет-
ся в парадигматической совокупности его свойств, будь то морфологических
или синтаксических. Морфологическим признаком тюркского прилагательно-

² Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956, стр. 411;
подробнее см. также: Майзел С.С. Изафет в турецком языке. М., 1957.

³ Грамматика современного якутского литературного языка. М., 1982, стр. 129.

⁴ Подробнее о них см.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.,
1988, стр. 151–153.

⁵ Кононов А.Н. там же, стр. 135.

го является его способность образовывать формы компаратива и формы усиления/ослабления качества - слова *кун*, *күз* (и другие в аналогичной функции) не образуют таких форм; существительные, в противоположность прилагательным, способны образовывать прилагательные обладания на *liġ ~ li* (и привативные на *-siz*) - рассматриваемые татарские слова образуют формы прилагательных: *күмле* 'с кожей, кожаный обитый кожей', *күзле* 'имеющий глаза с глазами; видящий, зрячий', *күзсез* 'безглазый слепон незрячий'.

Недвусмысленные выводы в отношении этих же слов можно сделать из рассмотрения их возможностей в плане синтаксической парадигматики. Так, если «кистинное» прилагательное совершенно свободно трансформирует атрибутивную синтагму в предикативную (ср.: *яңа биляй / яңа булек* 'новые рукавицы' / 'новое отделение' - *бу биляй / бу булек* - *яңа* 'эти рукавицы - новые' / 'это отделение - новое'), то существительное из адъективной позиции в предикативную (при этом же предметном определяемом) может перейти только при соответствующем морфологическом преобразовании: *бу биляй күнән* 'эти рукавицы - из кожи', *бу булек күз өчен* 'это отделение - для глаз'.

Таким образом, на рассмотренных примерах мы должны признать, что адъективные значения существительных оказываются контекстно обусловленными, не реализующимися вне атрибутивной изафетной синтагмы, не взаимодействующими с характерными для прилагательных морфолого-семантическими категориями, а потому эти значения нельзя включать в лексико-семантическое содержание слова на равных с субстантивными значениями; 'кожаный', 'глазной' - одно из связанных, а потому периферийных значений соответственно слов *кун* и *күз*, тогда как субстантивные их значения свободны, автосемантически. Если адъективные значения не равнозначны по лексико-семантической полноценности субстантивным, то о «синкретизме имени» при подобном положении говорить не приходится.

Иное дело в случаях адъективно-именной омонимии, когда в словарном составе любого современного тюркского языка существует известное количество действительных, полноценных пар омонимов типа *kök I* 'небо', *kök II* 'голубой', *aq I* 'белый', *aq II* 'белок (глаза, яйца)', 'молочные продукты' (башк.), связанных общим происхождением. Здесь совершенно другая ситуация: в единой звуковой оболочке (*kök*, *aq* и аналогичных им слов) скрываются две самостоятельные лексико-семантические сущности, каждая со своей морфологической и синтаксической парадигмой. Однако число таких пар неизмеримо меньше случаев возникновения связанных адъективных значений у существительных, почему на основании этого явления признание синкретизма имени для современного состояния тюркских языков не представляется убедительным. Тем более, что и для омонимичных пар углубленный этимологический анализ открывает возможности для заключений о первичности адъективного либо субстан-

тивного характера семантики исконного слова Рассмотрим это на примере названия «черный».

Общeturкское *qara* 'черный' представлено во всех без исключения современных и древних тюркских языках чаще как *qara* ~ *kara* но также в некоторых закономерных модификациях: аз турк *gara* узб. *qāra*, хак, як. *χara*, чув. *xira* Для современных языков первое значение, с которым ассоциируется данное слово, – это, бесспорно, 'черный' Однако *qara* обладает множеством других значений, среди них не только адъективные, но довольно много и субстантивных. Иногда лексикографы выделяют некоторые такие значения в омонимы, причем показательны расхождения в словарных описаниях близких языков. Так, например, в «Башкирско-русском словаре» (М., 1958) и «Татарско-русском словаре» (М., 1966) под *qara* II дано 'чернила' 'вороной' (башк.), 'чернила' (тат.), тогда как в словарях караимского – значение 'чернила', а также казахского ногайского, киргизского, уйгурского и др. – значение 'вороной' сведены в единую статью с *qara* 'черный'. В «Турецко-русском словаре» (М., 1977) в *kara* II выделено 'суша, земля', каковое в «Азербайджанско-русском словаре» (Баку, 1965) перечислено в составе значений *gara* 'черный'. Все же, за немногими случаями выделения тех или иных значений в омонимы (почти все они приведены выше), общим является признание лексико-семантического единства большого числа разнообразных значений, свойственных этому слову в совокупном лексиконе тюркских языков. Хотя считается, что все эти значения являются различного рода переносными от 'черный' (как это, например, явно выразил Дж. Клосон⁶), целый ряд из них трудно объяснить лишь на основе метафоризации. Приведем сводку значений тюрк. *qara* по современным языкам; некоторые значения извлечены из устойчивых словосочетаний и вне таковых не выступают.

1) черный – все источники; 2) темный; смуглый – тур., гаг., аз., сал., кбалк., кум., тат., башк., ног., ккалп., алт., узб., уйг., тув., як., чув.; 3) ночь, тьма – алт., узб.; 4) вороной – аз., тат., башк., ног., каз., кирг., уйг., хак., тув., чув.; 5) сажа – сал., уйг.; 6) чернила – кар., тат., башк., сюг.; 7) письменность – кирг.; 8) траур – кбалк., кум., тат., ног., ккалп., узб., уйг.; 9) земля, суша, материк – тур., аз., кар.; 10) грязь – чув., грязный, чумазный – тат., башк.; 11) большой, обильный – кбалк.; 12) множество, масса – орх., кирг. (*qara qaŋŋ*); 13) крупный рогатый скот – хрзм.-т., кум., ног., каз., кирг.; поголовье – ккалп., каз.; 14) густой, дремучий (лес) – тат., башк., уйг., як.; 15) кажущаяся величина людей и предметов – турк.; 16) физическая (сила) – кбалк.; 17) крепкий, доброкачественный; лучший – алт.; 18) опора – кирг.; 19) вес, авторитет – чув.; 20) очень, совер-

⁶ Clouston G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972, p. 643.

шенно, совсем, абсолютно – кбалк., хак., тув, як., 21) нечто темное, черное пятно, силуэт, очертания, тень – аз (*garaliti*), турк., тат., башк. (*qarajsiq*), ног., ккалп., каз. (а также: 'призрак'), кирг., узб., уйг.; 22) цель, мишень – уйг., тув.; 23) без примеси влаги, сухой и сильный (мороз) – кум., ккалп., каз., кирг., уйг., сухой и горячий ветер, суховей – аз., ветер без осадков – кирг., дождь без примеси снега – як., бесснежный – тув.; 24) без жира, постный (о мясе) – кум., ног., ккалп., кирг.; 25) сухой хлеб без масла, молока – кирг., незаправленный, незабеленный (похлебка, чай) – кбалк.; 26) проза – ккалп.; 27) простой, обыкновенный; простолюдин, простой народ; необразованный (человек); неквалифицированная, черная (работа) – орх., ен, др.-уйг., крх-уйг., аз., кар., тат., башк., ккалп., каз. (*qarajim*), кирг., алт., тув., як.; 28) мрачный, безотрадный, печальный, суровый – тур., гаг., аз., кум., тат., узб., як., чув.; 29) несчастливый, злосчастный – аз., кар., ккалп., чув.; 30) злой дух – ккалп., кирг., дурной, злой – кар., кум., тат., ног., кирг., алт., узб., як.; жестокий, черствый – каз.; 31) хула, клевета – турк.

Можно определенно сказать, что в большой группе предметных значений - №11, 12, 15-20, 23-26 – отсутствует какая-либо цветовая мотивировка. Все они объединяются исходной семей «множественности, массовидности» с дальнейшим развитием в сторону «крепкости, силы», вплоть до абстрактно-наречного значения «очень» (№20). Цветовая характеристика появляется за счет восприятия, когда масса предметов видится как нечто неопределенное, сливающееся в темное пятно (№21). Сема «неопределенности, приблизительности количества» отчетливо проявляется в туркменском словоупотреблении (см. №15), описанном в словаре как «кажущаяся величина (людей и предметов); величина, определяемая на первый взгляд»: *garasy uly gorumyär* 'на вид довольно большой', *garasy hich zat däl* 'с виду очень маленький' («Туркменско-русский словарь», М., 1968, с. 154-155). Характерно, что здесь, во-первых, совершенно отсутствует признак темного или черного цвета, а во-вторых, «приблизительность» связана с «восприятием на вид», реализуемом в чистом виде во втором примере; глагол «видеть» в первом примере лишь вербализует данную сему слова *gara*. Некоторые устойчивые денотаты восприятия их «темной, чернеющей массой» преобразовали эту характеристику либо в свое нарицательное название (№9 – «земля, суша, материк», видимая, очевидно, с моря; №13 – видимый издали как сплошная масса скот, откуда «поголовье» или «крупный рогатый скот»), либо в эпитет – «темный, густой, дремучий (лес)» (№14), причем в «густой, дремучий» сема величины, интенсивности явно присутствует.

Устоявшееся как термин в тюркской топонимике словосочетание *qara su* связано не с цветом, а с землей. В части языков это означает 'родник' – алт., тув., т.е. воду, выходящую из земли (а не стекающую с гор); родниковая вода.

в отличие от талой горной воды, – незамутненная, прозрачная, отсюда ккалп 'прозрачная вода'. В других языках «вода земли» – это 'стоячая вода, пруд' – каз, 'медленно текущая вода – тур, или, с присоединением отрицательной оценки нез оровая болотная вода' – аз

Если значения земля – лес – скот' сохраняют возможность семантической импликации «(неопределенно) большое – (видимое как) темное», то в других сочетаниях вырабатывалась собственная (вне восприятия) качественная характеристика либо конкретная, либо более абстрактная, которая лексикализовалась как в именные, так и в адъективные значения: 'большой обильный' (№11) – кбалк, множество, масса' (№12) – кирг., 'крепкий' (№17) – алт., 'опора' (№18) – кирг., вес, авторитет' (№19) – чув., а также обобщенно-адвербиальное 'очень, совершенно, совсем' (№20) – кбалк., хак., тув. Другая семантическая линия развития такой же качественной определенности объясняется пониманием «множества, массы» как совокупности одинаковых предметов, чего-то однородного, без примеси 'постный, без жира (о мясе)' (№24) – кум., ног., ккалп., кирг., незаправленный (чем-л. о еде)' (№25) – кбалк., кирг.; об атмосфере и климате (№23). 'сухой, без осадков, влаги (мороз)' – ккалп., каз., кирг., 'сухой, горячий (ветер)' – аз., 'бесснежный' (о зиме) – тув., як. Широко известное топонимическое сочетание *qara qum* не означает, как часто переводят, «черные пески», даже в метафорическом смысле «мрачные», «суровые», но передает понятие «сплошные, без какой-либо растительности».

Массовидный, однородный предмет обобщается также в понятие 'простой, обыкновенный (т.е. встречающийся в массе)' – аз., кар., тат., ккалп., кирг., алт., 'простая (не стихотворная) речь, проза' – ккалп., 'простолюдин, простой (народ)' – др.-уйг., карах.-уйг. (№27). В средневековых литературных текстах («Кутадгу билиг» и др.) явственно ощущается социальное снижение термина *qara bodun* до чернь, низшее сословие', в чем можно усмотреть семантическую контаминацию значения 'простой (народ, человек)' с 'черный', тогда как в более ранних, орхоно-енисейских надписях этого еще нельзя отметить. Например, в обоих случаях фиксации термина (БК₄₁ и Е-10-) контекст определенно указывает на вполне уважительное отношение мемориантов надписей к народу, поэтому *qara bodun* здесь – 'простой народ' (а именно, народ за минусом аристократии – беков и, возможно, дружинников).

Группа значений №28–31 близка между собой отрицательно-оценочной семантикой. «Мрачный» может рассматриваться как метафора от «темный»: с тенью озабоченности на лице. Однако «злой дух» вряд ли метафорически выводится из «черный», «темный» или «мрачный», скорее, это метонимический перенос со значения «земля»: «земля как место обитания и владения злого духа, подземное царство злого духа» → «злой дух». Значения «злой, жестокий», «злосчастный, несчастливый», «хула, клевета» следует, вероятно, интерпрети-

ровать как признаки и деяния злого духа того что им или с его помощью насылается на человека - характер судьба или оговор Если связь «земля» - «злой дух» верна то распространенность по тюркским языкам значений рассматриваемой группы, которые можно предполагать как семантически производные (переносные) от «злой дух», указывает на общетюркский и следовательно, очень древний домусульманский и добулдиинский, характер представления о злом духе

Целая группа значений базируется на значениях «черными» «вороной» (№4) - это тоже черного цвета, но о масти лошади; предметы характерного черного цвета - «сажа» (№5), делавшиеся из сажи «чернила» (№6) переносное от последнего - «письменность» (№7) и «траур» (№8), символизировавшийся черным цветом. «Ночь» (№3) соотносится не с «черными», а с «темными» (№2).

Автором этих строк на основании анализа значений типа «многочисленный; многочисленность, множественность» у рассматриваемого слова давно уже выдвинуто предположение о том, что тюркское *qara* этимологически принадлежит корню **qa* со значением 'действия, направленного на достижение какой-либо совокупности предметов'⁷. К этому корню относятся глаголы *qa-* и *qala-* 'класть, складывать', *qat-* 'складывать, прибавлять, добавлять', *qar-* 'примешивать, смешивать', а также адъективы и имена *qalın* 'многочисленный // множество; толстый, густой', *qat* 'слой, ряд' и нек. др.⁸ Формант *-ra*, образовавший *qara* ныне в тюркских языках отражается в трех самостоятельных показателях: → глаголообразующий, → каузативный и → причастия настоящего. В целом, слово *qara* можно представить как образование на *-ra* со значением накопления качества: «сложенное, соединенное во множество, массу, многочисленное, крупное, большое». Такое или подобное значение для *qara* видится исходным даже вне предлагаемого этимологического решения, на основании приведенного выше анализа схемы развития семантики по доминантам, или семантическим линиям, в комплексе значений этого слова по всем, древним и современным, тюркским языкам.

Каждая такая семантическая линия образуется в результате экспликации той или иной семы, т.е. путем оязыковления, включения в семантическое содержание слова того или иного признака, обстоятельства, типа объекта или действующего лица, потенциально допустимых (имплицитно существующих) в недетализированной исходной семантике слова. Можно констатировать, что к исходному значению I «множество, масса» оказалось возможным приращение семы 'восприятие множества целиком как чего-то темнеющего': II множе-

⁷ Кормушин И.В. Лексико-семантическое развитие корня **qa* в алтайских языках // Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971, стр.16.

⁸ Там же, стр.17-20.

ство, видимое как нечто темное – при денотативной определенности лексикализуется как «земля, скот, лес». Другая семантическая линия возникает в результате качественной интерпретации III множество, масса являются вместе «большим, крепким». Еще одна линия – это интерпретация не совокупности предметов, как в (III), а каждого предмета из этой совокупности по отношению друг к другу IV встречающимися во множестве, массовидный – «однородный, без примеси добавок». Во всех семантических линиях возникали вторичные и последующие значения на основе лексикализации (в данном случае, через закрепление за набором сем конкретных денотатов), а также путем различного рода метафорических переносов, например: «земля» → метонимия «злой дух» → метафора «злосчастный» и др.; «что-либо темное» → адекватив «темный»; «большое» → «сила, опора, авторитет» → «очень, весьма»; «однородный» → «простой» и т.д., см. подробнее выше.

В контексте излагаемого представления об историческом развитии единой и целостной структуры значений тюркского *qara* становится ясно, что значение «черный» находит свое место в этой системе как одно из вторичных. Очевидно, «черный» как цвет вполне определенный, для которого не характерно ослабление интенсивности, мог развиться из «темный», допускающего разброс реализаций от тусклого до черного, но не наоборот. И оба этих адеквативных значения – «темный» и «черный», как и нецветовые адеквативные «большой», «крепкий», отпочковались от именных значений *qara*. Образование адеквативных значений, в том числе «черный», как и всей структуры основных «семантических линий», судя по наличию их во всех без исключения тюркских языках (хотя бы, часто, и дисперсно, лишь в составе устойчивых сочетаний) произошло еще до распада праязыка. В таком случае, образование исходного отглагольно-именного **qara* должно относиться к дальнему состоянию праязыка. Хронологизация этапов развития *qara* так или иначе соприкасается с проблемой «алтайского статуса» этого слова.

В монгольских языках слово *qara* (бур. *xara*, калм. *xar* (*xarʷ*), монг. *xar*) обладает весьма разветвленной семантикой, вполне сравнимой с объемом значений этого слова в тюркских языках: а) черный [№1]⁹ – бур., монг., калм.; б) темный [№2] – бур., монг., калм.; в) грязь (в сочетании: *xar(a) balox* 'становится грязным') [№10] – бур., монг.; г) темный, дремучий (лес) [№14] – бур.; д) бесснежная (земля) [№23] – бур., монг., калм.; бесснежный (ветер), сухой [№23] – бур., калм.; е) чистый, без примесей [№23] – бур., калм.; ж) постный, без жира (о мясе) [№24] – бур., монг., калм.; з) незабеленный (чай) [№25] – бур., монг., калм.; и) простой, простонародный [№27] – бур.,

⁹ Здесь и далее после монгольских значений приводится номер аналогичного тюркского значения.

калм.; просторечный [№26] - бур. монг., калм.; к) невежественный, темный [№27] - бур.; л) светский, мирской, недуховный - монг. калм.; м) простой, физический (труд) [№27] - бур., монг., калм.; н) физическая (сила) [№16] - бур., монг., калм.; о) обильный (пот) - монг.; п) разгар (холодов), сильный (дождь) [№11] - бур., калм.; р) самый, один только, лишь, исключительно, совсем [№20] - бур., монг., калм.; очень, слишком [№20] - бур., калм.; с) собственный, свой - бур., монг.; т) лишний, излишний - монг.; у) дурной, скверный, злой, вредный, зловредный, коварный, порочный, преступный [№30] - бур., монг., калм.; злодеяние, преступление - бур., калм.; ф) тягостный, мучительный, неприятный (разговор) [№28] - монг., кошмарный (сон) - бур., монг.; х) ревность, зависть - монг.; ц) злая (ложь), сплетня [№31] - бур.; ч) тень - калм. В этой сводке представлены все семантические линии и практически все значения, зафиксированные выше для тюркского *qara*. Стоит отметить отсутствие значений 'поголовье, крупный рогатый скот', 'земля, суша' и 'злой дух', хотя хорошо представлены основанные на последнем, как мы предполагаем, значения (у), (ф), (х), (ц). Эти значения вместе с прямыми значениями (а), (б), (в), (г) - «темный», «черный» и др., составляют семантическую линию (II); значения (о), (п), (р) представляют линию (III), но шире набор значений по линии (IV): (д), (е), (ж), (з), (и), (к), (л), (м). Самое же главное, что в монгольских языках слово *qara* обладает семантикой, которая согласно приведенным выше семасиологическим выкладкам и этимологическим построениям составляет ядро, или исходную семантическую линию (I). Ввиду синтаксических отличий словари выделяют данную семантему в особое (омонимичное) слово: в бурятском «*хара II в положении после слова выражает неопределенное обобщение, собирательность или множественность: гэр харала хаража бай смотри за домом и тем, что в нем есть, присматривай за хозяйством*»¹⁰; аналогично функционирует производная форма на *-тай*: «*харатай II если стоит после слова, то выражает обобщение, собирательность и неопределенное количество и прочее, и тому подобное юумэ харатайгаа ошоо уехал со (всеми) своими вещами*»¹¹. В тех же словах, что и бур. *хара*, описывается калм. *харан*¹²; у монг. *хар III* те же примеры словоупотребления¹³.

Из приведенных описаний ясно, что в монгольском слове определено наличие семы: а) множественности, причем не просто множественности, но собирательности, т.е. множественности, достигнутой в результате действия (складывания, собирания, в том числе мысленного причисления к совокупно-

¹⁰ Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М., 1973, с. 548.

¹¹ Там же, с. 552.

¹² Кальдишко-русский словарь. М., 1977, с. 578.

¹³ Монгольско-русский словарь. М., 1957, с. 513.

сти) б) неопределенного количества. Обе эти семы как исходные в лексической семантике слова практически равные его внутренней форме, очевидны и на тюркском материале но монгольские языки добавляют важную семантико-грамматическую деталь на которую указывает синтаксис. Постпозиция собирательно-обобщающих слов - черта древнего языка, так же, например, употреблялись в древнетюркских памятниках местоимения *qamï*, *barca*, *alqu* 'весь, все'. Данная особенность синтаксического употребления указанных слов может свидетельствовать об их отглагольном происхождении. В современных языках все эти слова переместились в препозицию, на положение прилагательного. Монгольское *qara* в своих постпозиционных употреблениях, отделяемых словарями от обычного препозиционно-адъективного, в отличие от тюркского *qara*, сохраняет указанную древнюю черту. Поэтому традиционное для многих тюрко-монгольских лексических параллелей решение о заимствовании монголами тюркского слова в древнетюркскую, или еще ранее - в гуннскую, эпоху в случае с *qara* отпадает. В крайнем случае, речь может идти о заимствовании на уровне тюркского и монгольского праязыков, из одного из них в другой (но из какого в какой?), однако теоретически праязыковые заимствования невозможно отличить от гениинных слов или первичного общего лексического достояния. Оценить вероятность того или иного решения практически помогает углубленный анализ корнеслова; тот, который предпринят в опытно порядке в цитированной выше статье о корне **qa*, позволяет считать достаточно вероятным схождение между монгольским и тюркским по целому ряду производных от корня *qa* «баз»: *qam-*, *qat~qad-*, *qal-*, *qap~qab-* и более всего по *qar-*, т.е., в частности по *qara*. Схождения тунгусо-маньчжурского с тюркским и монгольским по имеющимся материалам менее очевидны, но что особенно проблематично, так это статус тунгусского *qara*, ибо *qara* со значением 'черный', представленное в маньчжурском и солонском, - заимствовано из монгольского, в эвенкийском - из якутского, а вероятно гениинное *qara* в эвенкийском, эвенском, негидальском, орокском¹⁴ имеет значение 'серый', что, впрочем, не исключает восхождения его к рассматриваемому слову по схеме: «сливающийся издали в массу и видимый, воспринимаемый не как темное (как в тюркском и монгольском), но как серое». Однако в тунгусо-маньчжурских языках, в отличие от тюркских и монгольских, отсутствует (не сохранилась? не развилась?) разветвленная система значений, которая помогла бы обосновать те или иные семантические переходы.

¹⁴ См. подробнее: Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. Л., 1975, с. 379.

ГЕРОДОТ О МИФАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Отец истории Геродот приводит некоторые сведения об обитателях Центральноазиатского региона, которые представляют для нас большой интерес. Это аргипеи, исседоны, аримаспы и гипербореи.

Аргипеев историки (С.Я.Лурье) отождествляют с аборигенами нынешнего Башкортостана. Геродот о них пишет: «Все они, как мужчины, так и женщины, лысые от рождения, плосконосые и с широкими подбородками. Говорят они на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами. Имя дерева, плоды которого они употребляют в пищу, понтик. Величиной это дерево почти что со смоковницу, плод его похож на бобовый, но с косточкой внутри. Спелый плод выжимают через ткань, и из него вытекает черный сок под названием «асхи». Сок этот они лижут и пьют, смешивая с молоком. Из гущи асхи они готовят в пищу лепешки.» Далее историк продолжает:

«Итак, области до этих лысых людей нам еще знакомы, о том же, что выше их, никто с точностью сказать не может. Эти страны отделяют высокие, недоступные горы, и никто их еще не переходил. По словам лысых, на горах обитают... козлоногие люди, а за этими горами – другие люди, которые спят шесть месяцев в году.» Области к востоку от лысых достоверно известны: там живут исседоны, а выше них, по их собственным рассказам, жили одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Скифы передают об этом со слов исседонов, а мы, прочие, узнаем от скифов и зовем их по-скифски аримаспами: «арима» у скифов значит «единица», а «спу» – «глаз».

В сообщениях Геродота есть, безусловно, много исторически достоверного. Так, говоря об аргипеях, историк указывает: «Они имеют плоские лица и большие подбородки». Это явно напоминает монголоидные типы юга Сибири и Центральной Азии. Историк Г.А.Стратановский же предполагает, что дерево «понтик» это «*Rubus radush*» (подорожник). По его словам, джунгары в Северном Китае и теперь еще едят с молоком плоды этого дерева. А историк С.Я.Лурье «асхи» называет «ачи» и сравнивает с древнетюркским «ачуг» (горький). «У современных башкир, – пишет он, – есть кушанье «ахша». Аналогичное толкование дает и А.Б.Дитмар, считающий, что «понтик» – это черешня, которую до сих пор башкиры и казахи высушивают и варят с молоком или же пьют ее сок. казанские татары называют сок черешни «аша», а осетины, непосредственные потомки скифов, называют черешню «аш».

Исседонов, соседей аргипеев по Геродоту, И.Забелин локализует на Урале, считая, что название уральской реки Исети восходит к исседонам. За исседонами Геродот располагает одноглазых аримаспов и их соседей грифов, «стерегущих золото». Историки склонны находить и в этих легендарных сообщениях долю истины. Одни считают, что местом обитания аримаспов был Урал (И.Забелин), другие думают, что племена аримаспов кочевали в Северном Казахстане – приблизительно в районе современного города Степняк, где находились золотые рудники. Есть и историки, переносящие аримаспов на Алтай (А.Б.Дитмар).

Древние греки хорошо знали скифов Причерноморья. О скифах же Средней и Центральной Азии (саках и др.) они знали через персов, но менее опре-

деленно и с меньшими подробностями. О тех же, кто жил к северу и к востоку от саков сведения греческих историков фантастичны: по их представлениям там жили лесные аргопее, мифические аримаспы, сказочные гипербореи и стерегущие золото грифы. Часть сведений, быть может, совпадала с легендами об этих народах или даже с их мифами. Так, интересно связать древнегреческое сказание о Полифеме с мифом об одноглазых аримаспах, которые, по мнению Геродота могли принести с собой скифы, переселившиеся на Юг в VIII в. до н.э. В самом деле, миф о киклопе Полифеме, сыне Посидона, вошедший в «Одиссею» Гомера обнаруживается у многих народов Востока, в частности, аналогичный миф с теми же сюжетными деталями дважды письменно зафиксирован в XIV и XV вв. у тюрков-огузов, а также у казахов, в этногенезе которых большая доля отводится скифам. Об этих версиях существует большая литература [3, 5].

Станным, однако, кажется то, что аримаспы, по сведениям того же Геродота, были знакомы грекам еще до появления скифов на границах Греции. Вот что пишет историк об этом по поводу: «Аристей, сын Каистриобия из Проконнеса в своей эпической поэме (имеется в виду его «Эпос об аримаспах» - Х.К.) сообщает, как он, одержимый Фебом прибыл к исседонам. По его рассказам за исседонами обитают аримаспы - одноглазые люди; за аримаспами - стерегущие золото грифы, а еще выше за ними - гипербореи на границе с морем». Здесь Геродот вступает в противоречие со своим прежним высказыванием о том, что об аримаспах греки узнали со слов скифов. Еще более странным кажется автор «Эпоса об Аримаспах» Аристей который совершил путешествие, якобы, в дальние края, страны аргопеев, исседонов, грифов и даже гипербореев, которых комментаторы Геродота называют мифической народностью, область обитания которых следует искать в Центральной Азии. Результатом этого и было появление первой поэмы на греческом языке об аримаспах Центральной Азии.

С именем Аристея из Проконнеса связаны и мифологические сведения об обитателях Крайнего Севера гипербореев. Кто такой Аристей? Геродот говорит о нем: «Аристей был родом из самых знатных граждан Проконнеса. Однажды он пришел в сукновальную мастерскую и там умер». Однако дальнейшие сообщения историка полны мистики: смерть Аристея стал отрицать некий из города Артаки, который, якобы, говорил с ним после распространения молвы о его смерти. Еще более странным было то, что когда родственники усопшего, не поверив словам человека из города Артаки, отправились в сукновальную мастерскую со всем необходимым для погребения, они не обнаружили Аристея ни живого, ни мертвого. Однако через семь лет Аристей появился в Проконнесе, где он и сложил свою эпическую поэму об аримаспах, но сочинив ее, он исчез вторично. Миф из жизни Аристея историк завершает тем, что якобы 240 лет спустя после вторичного исчезновения Аристея произошло нечто странное. Аристей явился в Метапонтий и повелел воздвигнуть алтарь Аполлону и возле него поставить статую с именем Аристея из Проконнеса. Ведь Аполлон пришел, говорил он, из всех италиотов только к ним одним (в их город Метапонтий), а в свите бога прибыл также и он сам - ныне Аристей. А прежде, как спутник Аполлона, он был вороном.

Таким образом, Аристей не только автор мифологического эпоса об одноглазых аримаспах Центральной Азии, но он связан также с мифом об Аполло-

не и гиперборейях. Так, гиперборей греческой мифологии многим связаны с Крайним Севером, скорее всего с Сибирью и зауральскими областями. А.Ф.Лосев дает следующую им характеристику, исходя из данных греческой мифологии. «Гиперборей, народ, живущий на краинем севере, «за бореем» и особенно любимый Аполлоном... Согласно Диодору Сициллианскому, гиперборей в гимнах непрестанно воспевают Аполлона, когда он является к ним через каждые 19 лет». Вот еще одна любопытная информация по утверждению Геродота, «...мудрецы и служители Аполлона Абарис и Аристей обучавшие греков, считались выходцами из страны гипербореев». В этой связи немаловажно примечание Г.А.Страдановского к своему переводу «Истории» Геродота. Он пишет: «Абарис связывается с апарнами (кочевое племя на Алтае, впоследствии называвшееся аvaraми)». Последнее, как известно, одно из могущественнейших племен гуннского объединения.

Миф о гиперборейях был связан у греков с культом Аполлона. Мать Аполлона и Артемиды, Лето (Латона) родилась в земле гипербореев и жила там до переселения на остров Делос. До своего переселения в Дельфы Аполлон некоторое время жил среди гипербореев и позже, как отметил А.Ф.Лосев, периодически возвращался в их страну. У гипербореев Аполлон хранил смертоносные стрелы, которыми перебил киклопов. Более того, греки считали, что многие предметы, связанные с культом Аполлона, были доставлены на остров Делос из страны гипербореев. Считалось также, что Дельфийский оракул Аполлона основан гиперборейями.

Греческая мифология представляет страну гипербореев как край «блаженных», где климат исключительно благоприятен: солнце там заходит только один раз в год, земля ежегодно дает по два урожая, жители отличаются необыкновенным долголетием, живут в постоянном мире среди лугов и рощ. В этой идеальной стране люди, так же как Аполлон, художественно одарены, блаженная жизнь сопровождается у гипербореев песнями, танцами. Не этот ли миф о стране блаженных вызвал идею поиска идеальной страны и идеального образа жизни на том же крайнем севере у классика мировой литературы, азербайджанского поэта XIII века Низами Гянджеви, который великолепно знал греческую культуру и неоднократно пользовался ею в своем творчестве? [6] Эту мысль неоднократно подчеркивает и крупнейший исследователь его творчества Е.Э.Бертельс, говоря о знакомстве Низами «с античными теориями». В своей двухтомной эпопее «Искендер-наме» (Повесть об Александре Македонском) поэт приводит своего героя в северные пределы, т.е. в места обитания гипербореев по Геродоту и греческой мифологии, где он обнаруживает то же обстановку, ту же «блаженную жизнь». Подобное сопоставление делает возможным и то, что открывателем этого сказочного мира у Низами является великий Македонец. Вот что пишет об этом поэт:

В барабан громкой славы забил он, вступая
В дальний Северный край из Восточного края...
И увидел он город прекрасного края,
Изобильный, красивый – подобие рая.
К въезду в город приблизился царь. Никаких
Не нашел он ворот, даже признака их...
Он увидел нарядные лавки; замков

Не висело на них. знать, обычай таков!
Горожане любезно с улыбкой привета
Чинно вышли навстречу Властителю света.
И введен был скиталец, носивший венец,
В необъятный, как небо, лазурный дворец.
Пышный стол горожане накрыли и встали
Пред столом, на котором сосуды блистали.
Угощали они Искендера с мольбой,
Чтоб от них он требовал снеди любой.

Разумеется все сказанное лишь первая попытка связать сообщения Геродота с древностью Центральной Азии. Для окончательных выводов потребуются новые данные о древней культуре региона.

Литература

1. *Геродот*. История, кн. IV, М., 1972.
2. *Дитмар А.Б.* От Скифии до Элефантины, М., 1961.
3. *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос, М., 1974.
4. *Забелин И.* История русской жизни, т. 1, М., 1876.
5. *Короглы Х.* Огузский героический эпос, М., 1976.
6. *Короглы Х.* Низами Гянджеви, М., 1991.
7. *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии, М., 1957.
8. *Лурье С.Я.* Геродот, М.-Л., 1947.
9. Мифы народов мира, т. 1-2, М., 1980-1982.
10. *Остроумов Н.* Новые варианты сюжета о Полифеме (одноглазе) – киргизские рассказы // Этнографическое обозрение, 1891, № 2.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЮРКСКОГО АФФИКСА *LEYN*
(и его предполагаемых связей с аффиксами *-dak -da /la*, *lab* и с другими морфемами, содержащими «элемент *l*»)

Еще в середине XIX века один из исследователей тюркских языков - С.Н.Бетлингк - назвал пять тюркских аффиксов, в которых «das *l* eine Verbindung oder eine Vereinigung ausdrückt» (обозначено некое объединение или соединение) [1, стр. 329] Этими аффиксами были: *-lar-* (показатель множественного числа), *-la-* (глаголообразующий деноминатив), *-li(g)* и *-lik* (форманты possessивного и релятивного адъектива), а также показатель комитатива (якут. *-лын*, тур. *-ile*) [1, стр. 329, 330, 2, стр. 157, 159, 163] Предположение об общем происхождении трех последних показателей в начале текущего столетия высказал и Ж.Дени [3, стр. 328, 924, сн. 2], а В.Л.Котвич допускал родство аффиксов *-lar*, *-lig* и *-lin* (или *-lan*) [4, стр. 37]

Об «элементе *l*» как таковом впервые заговорил по-видимому Б.А.Серебрянников, который в статье 1972 года идентифицировал суффиксы *-la-* и *-ala-*, объединяя их под названием «многократный суффикс *-la*» [5], хотя *-ala-* - это отглагольный суффикс со значением многократности, интенсивности действия, а *-la-* - отыменной (деноминативный/деноминальный) суффикс без этого значения (напр.: тур. *mih-la-mak* 'пригвоздить', *baş-la-mak* 'начинать(ся)' и т.п.). По словам автора «факт низкой частотности суффикса *-la...* свидетельствует о том, что деноминативный суффикс *-la* действительно восходит к многократному суффиксу *-la*» [5, стр. 67].

Вывод, безусловно, спорный. Хотя и можно допустить, что «чем больше точек приложения у форматива, тем больше он утрачивает некогда присущее ему специфическое значение...» (выделено автором) [5, стр. 66], но отсюда вовсе не следует, что, если данный форматив почти не выступает в каком-то специфическом значении, то именно оно и было изначально ему присуще. Во всяком случае, для деноминального форматива *-la-* (в отличие от deverбального аффикса *-ala-*) значение многократности в целом не характерно (см., например, [6, стр. 94,121; 7, стр. 247,248])¹. Следовательно, вполне вероятно, что каждый из этих двух аффиксов «сам по себе», независим от другого. В таких условиях весьма шаткой оказывается постулируемая автором статьи связь аффикса *-la* с аффиксом множественного числа *-lar*, о которой можно вести речь, лишь

¹ Глаголы «количественное значение учащательности» придает не односложный аффикс *-la-* (ср. [8, стр. 90]), а двусложные аффиксы *-ala*, *-gala-*, *-agla-*, *-ikla* и т.п. (см. [8, стр. 346 сл.]).

предполагая историческое единство аффикса *-la-* с выражающим интенсивность, многократность действия аффиксом *-ala-*

В 1976 г. в связи с обсуждением проблемы происхождения аффикса страдательного залога $\{-l / \{-l\}$ [9] Б.А. Серебренников вернулся к «элементу *l*» (тут он впервые его так называет). Отмечая, что аффиксы содержащие элемент *l*, «могут выражать многократное действие» [9 стр. 29] автор далее пишет: «ослабление активности субъекта действия при многократном действии создало условие для возникновения у фреквентативного суффикса залогового значения в данном случае значения страдательного залога» [9, стр. 31] (см. еще [10, стр. 32]).

Этому заключению может быть, и можно было бы поверить, если бы автор привел хотя бы один конкретный пример показывающий, как с ослаблением значения фреквентативности (частотности) возникает залоговое значение. Однако вся конкретика свелась у автора к утверждению, что аффикс, содержащий элемент *l*, прибавлялся к прилагательному, обозначающему какое-либо качество [например, азерб. *азалмаг* 'уменьшаться' от *аз* 'малый' и т.п.]. Нетрудно заметить, писал Б.А. Серебренников, что «субъект действия фактически является пассивным ср. русск. *Человек худеет*» [9, стр. 32].

Приведенный пример явно недоказателен. Морфема *-al-*, упомянутая автором, является деноминальным аффиксом и не имеет никакого отношения к чисто глагольному форманту *-il-*, то есть показателю страдательного залога (кстати, и в словоформе *худеет* нет залогового значения). Если бы гласный деноминального аффикса мог быть не только широким, но и узким (**-il-*), или гласный залогового аффикса мог менять свое качество (*-il- ~ *-al-*), то для утверждения о родстве этих аффиксов, возможно, имелись бы определенные основания. Но такого рода примеров ни Б.А. Серебренников, ни другие авторы не приводят.

Таким образом, следует думать, что, хотя идея, декларирующая наличие в тюркских языках «элемента *l*», давно носилась в воздухе и наконец была реализована (в статьях Серебренникова), самого этого «элемента» в реальной действительности нет, а присутствие фонемы *l* в аффиксах *-al-*, *-il-*, *-la-*, *-ala-* и некоторых других объясняется тем достаточно случайным фактом, что данная фонема входит в состав глаголов, явившихся этимонами указанных аффиксов: *kal-* 'оставаться' (> *-al-*) [11, стр. 86; 12, стр. 56], *kil-* 'делать' (> *-il-*) [11, стр. 86, 87], *ayla-/eyle-* 'делать' (> *-la-/le-*) [13, стр. 68]², *ekle-* 'прилагать усилия' [14, стр. 168, 180] (> *-ele-/ala-*). Помимо перечисленных можно было бы назвать также вклю-

² Согласно А.Н. Кононову, «это предположение ничего не объясняет, так как само *айла* < *ай* + *ла*» [7, стр. 246]. Но что это за имя (глагол)? *ай*, присоединением к которому аффикса *-ла* образован глагол со значением 'делать'?

чаемые в состав /-группы такие морфологические показатели как аффикс множественного числа *-lar* и адъективный аффикс *li ğ* хотя этимоны этих аффиксов – соответственно глаголы *sa* 'считать' [15, стр. 95–96] и *siġ* 'вмещаться' [12, стр. 49], с фонемой / никак не соприкасаются. В целом «группа» из семи аффиксов, в которые входит названная фонема – *-lar*, *-la*, *-ala*, *-al*, *-il*, *-li*, *-lik*, распадается, следовательно, на семь (а если подключить к ним послелог *ile*, готовый получить статус двухвариантного аффикса совместного падежа *-la/-le*, то на восемь) отдельных аффиксов, совершенно не связанных друг с другом.

Не имеет к ним никакого отношения и рассматриваемый в настоящей статье адвербиальный аффикс *-leyin/-layin* (напр.: тур. *sabaleyin* 'утром'), хотя не раз предпринимались попытки объединить его (в плане происхождения) с некоторыми формантами из числа перечисленных выше. Так, О.Н.Бетлингк видел в *-layin* деноминативный аффикс *-la* (в свою очередь связанный с комитативом *ile ~ -lin*) + окончание татарского герундия (*y*) + генетив (*-in*) [2, стр. 162–163]. Почти то же самое говорят Банг [16, стр. 95] и М.Эргин [17, § 225]: *-la- + -u/i* (деепричастие) + *-n* (Instrumental-Adverbial).

Дени выдвинул два предположения. Оба они, по-видимому, навеяны якутской грамматикой Бетлингка. Согласно первому аффикс *-leyin* должен быть подразделен на *ile (-le)* 'вместе (с)' и *-yin* (наречие времени, ср. тур. *uzun* 'летом') [3, стр. 262]. Вторая гипотеза предполагает глагольное происхождение аффикса *-leyin*, слагающегося из древнего деепричастия на *-yin*, присоединенного к отыменному глаголообразующему аффиксу *-la/-le* [3, стр. 598]. Аналогична точка зрения по этому вопросу Кононова [18, стр. 284]. По сути дела, взгляд Бетлингка (не упоминая этого имени) разделили, если не говорить о некоторых мелочах, все ученые, касавшиеся данной темы: Банг, Дени, Кононов, Эргин, Щербак [19, стр. 27], а также Заиончковский [20, стр. 44], Котвич [4, стр. 85]³, Рясенен [21, стр. 188] и другие.

Оценивая предложенные гипотезы, следует прежде всего отклонить предположение Дени о связи аффикса *-leyin* с послелогом *ile (> -la/-le)*. Если бы такая связь существовала, то гласный *i* этого послелога, который и в современном языке не всегда устраняется, обязательно выявился бы во многих рукописях, то есть аффикс нередко представлял бы нам в форме *-ileyi(n)/-ilayı(n)*. Однако такая форма для аффикса *-leyin* как раз нехарактерна.

С другой стороны, следует, безусловно, поддержать предположение чуть ли не всех упомянутых выше ученых, касающееся того, что в состав аффикса

³ Котвич говорил, правда, о формосочетании *-jıla*, (например *bunĵilajın, anĵilajın*), которое, по его мнению, включает элементы *-sa* (эквиватив, сравнительных падеж) и тот же глагольный суффикс *-la* [4, стр. 85].

-leyin/-layın входит древнее деепричастие на *-(y)ı* *-(v)ı* или на *-(y)ın/-(y)ün*, причем конечное *n* можно воспринимать и как наречный показатель, и скорее всего, просто в качестве эпентезы (по типу тур. разг. *tiramvaynan* из *tramvayla* 'трамваем' или *yavayn* из *yava* 'пешком'). Не случайно старые памятники фиксируют интересующий нас аффикс и без конечного *n*. *ançulayı* 'öylece' 'так' [17, § 225]⁴.

К чему, однако присоединяется названное выше деепричастие? Взгляд Бетлингга, согласно которому оно присоединяется к глаголообразующему аффиксу *-la/-le-*, хотя его опять-таки разделяют практически все исследователи, представляется весьма сомнительным. В подтверждение наших сомнений коснемся значений обследуемого аффикса.

Как уже говорилось выше, в современном турецком языке (а также некоторых других крымско-татарском, гагаузском, караимском...; впрочем, и в старокыпчакском [19, стр. 27]) аффикс *-leyin* имеет в основном наречно-временное значение: *sabahleyin* 'утром', *ağşamleyin* 'вечером' и т.п. В этом значении аффикс *-leyin/-layın* был впервые отмечен, если не ошибаемся, М.Вигье в 1790 г.: *ağşamleyin* [24, стр. 195]. Впрочем, первое упоминание об аффиксе *-leyin* (а также *-ileyin*) находим в грамматике М.Менинского на 110 лет раньше; правда, он употреблялся в то время в сравнительно-уподобительном значении ('как', 'наподобие'). Например: *ancıleyin* 'как он', 'наподобие этого' [25, стр. 132, 133]. Как выясняется, именно это значение было основным в течение нескольких столетий в ряде тюркских языков, в первую очередь – старых (турецком, кыпчакском, узбекском...), о чем можно судить по примерам, приводимым в грамматиках Гиганова [26, стр. 182], Дени, Эргина, Генджана [27, стр. 272], в работах Вамбери [24, 8. 13-14], Заиончковского, Рясенена, Щербака и других авторов. Примеры показывают, что аффикс *-leyi(n)/-layı(n)* свободно присоединялся к таким, например, словам, как *deniz* 'море', *güvercin* 'голубь', *kendi* 'сам', *erkeğin* 'твой муж(чина)', *gökteki* 'находящийся в небе' и т.п., ср. *güvercinleyin* 'сопше ип pigeon' 'как голубь'. Однако можно не сомневаться, что в тюркских языках никогда не было таких глаголов (образованных посредством аффикса *-le/-la-*), как **denizlemek*, **güvercinlemek*, **kendilemek*, **erkeğınlemek*, **göktekilemek* и им подобных; словари их, естественно, не фиксируют. Каким же образом деепричастный аффикс присоединился к глагольным основам, которых никогда не существовало?

⁴ Рамстедт и вслед за ним Банг видели в древней словоформе *ançu-lajın* два деепричастных аффикса (!); деноминальный аффикс *-la-* оказывается присоединенным к деепричастию на *-ı* от глагола *anç* 'так делать': *anç-u-lajın* 'so machend' ('так делаю') [22, стр. 82; 23, стр. 45]. Это апзевосходное разъяснение (richtige Erklärung) Рамстедта теперь представляется несколько странным.

Правда, от таких имен, как тур. *sabah* 'утро' *akşam* 'вечер', *gece* 'ночь', *su* 'вода' и некоторых других глаголы присоединением аффикса *la-/le-* образуются (например, *sabahlamak* 'оставаться до утра', *akşamlamak* 'пробыть до вечера', *sulamak* 'поливать водой'), но старая деепричастная форма от таких глаголов должна была бы означать: *sabahla-yi(n)* 'оставаясь до утра', *akşamla yi(n)* 'пробывая до вечера' *sula yi(n)* 'поливая водой' и т.п. Между тем формы *sabahleyin* (не *sabahlayin!*), *akşamleyin*, *geceleyin* имеют чисто наречное значение ('утром', 'вечером', 'ночью') – без всяких следов глагольности. Форма *sula-yi(n)* имела в прошлом значение 'как вода' [17, § 225]. Как такое значение могла получить деепричастная форма глагола *поливать?*..

Итак, в одних случаях мы получаем деепричастную форму от «глаголов», которые вообще не существовали и не существуют, в других – эта форма имеет совсем не то значение, которое присуще аффиксу *-leyin/-layin(n)*. Это ясно говорит о том, что компонент *-le/-la* (аффикса *-leyin/-layin*) не является глаголообразующим аффиксом, как полагали Бетлингк, Рамстедт, Банг, Дени, Зайончковский, Котвич, Кононов, Рясенен, Эргин и Шербак. Каково же в таком случае происхождение элемента *-le/-la?*

Дени приводит в числе других пример, заимствованный из «Словаря российско-татарского» [29, стр. 389], который дает нам ключ к решению задачи: *ḥatun-layin* ou *ḥatun-dayin* 'comme une femme' [3, стр. 597] (у Гиганова 'по-бабы'). Кстати говоря, в грамматике Гиганова (а позже и у Бетлингга) интересующий нас аффикс выступает в форме *لاين* (*odet*) *داين*, то есть *-layin* (или) *-dayin* [26, стр. 182; 2, стр. 162]. Становится очевидно, что аффикс *-leyin* является ни чем иным, как глаголом *te-/de-* 'сказать' в форме древнего деепричастия на *-yü(n)/-yü(n)*, то есть словоформой *te-yü/te-yin/de-yin* 'говоря' с последующей заменой – в целях расподобления – начального согласного: *de-yin* → *-leyin*. Эта гипотеза направляет нас в русло теории агглютинации [30, стр. 335], которой – в большинстве своем непредумышленно – предпочли непродуктивную теорию «фузионных сращений» [31; 32] (ср. [33, стр. 53; 34, стр. 56, 57]) все исследователи, пытавшиеся определить происхождение аффикса *-leyin*.

Словоформа *teyü/teyin/deyin* 'говоря', как и ее современный вариант *diye*, издавна помимо прямого имела и служебное значение: 'как', 'в качестве' (как раз то самое, в котором чаще всего выступал аффикс *-leyin!*). Так, в «Древнетюркском словаре» в гнезде глагола *te-* 'говорить' находим такой пример: *köni tejiü bilsün xalajıq seni* 'пусть люди знают тебя как [человека] справедливого' [14, стр. 545 (выделено мной. – П.К.)]. Ср. в современном турецком языке: *İstanbul...su sikintisi çeken bir şehir diye* (= *gibi, olarak*) *tanınmıştır* (газ.) 'Стамбул известен как город, испытывающий нужду в воде'; *içeride de «bey» diye yaşıyor* (*S.Üstüngel. Savaş yolu*) '...и в тюрьме он живет как бай'; *...gösteriş meraklisi bir*

ukala diye şöhret almıştı (S.Ali. Cankurtaran) '...он получил известность как «умник», любитель показухи'.

Таким образом словоформы типа *denizleysin sulayın guvercinleysin, erkeğinleysin* и т.п. представляют собой развитие словосочетания *deniz deyin (teyin)* 'как море', *su deyin* 'как вода', *guvercin deyin* 'как голубь', *erkeğin deyin* 'как твой муж(чина)'. Можно «реконструировать» такую, например, фразу: **Erkeğinleysin* (< *erkeğin deyin* досл. 'говоря твой муж') *kabul kıldım* 'Я принял (его) как/в качестве твоего мужа'. Приведем пример И.Гиганова: *سو ده کارلاین کیننا دی* 'по-купечески одевается' [26 стр. 182]. Это *sevdagarlayın* 'по-купечески', 'как купец' в современном турецком языке соответствует словосочетаниям *tüccar (bezirgân)* или *diye tüccar (bezirgan) gibi (olarak)*. Как мы видим, аффикс *-leyin/-layın* в значении 'как', 'в качестве' в турецком языке не удержал своих позиций, уступив место старому служебному словечку (в новом фонетическом обличе) *diye*, а также новообразованиям *gibi* 'как' и *olarak* 'в качестве'.

Достаточно прозрачна механика возникновения временного значения, которое является основным у современного аффикса *-leyin*: **akşam deyin gitti* 'он ушел, говоря: вечер' → *akşam-leyin gitti* 'он ушел вечером'.

Тем не менее, к настоящему времени прояснились не все вопросы, связанные с аффиксом *-leyin/-layın*, а также с другими аффиксами, которые могут иметь отношение к обследуемой форме.

В известной мере загадочной представляется сложная аффиксальная конструкция *-alayın/-cileyin*, обнаруживаемая в некоторых рукописях и упоминаемая М.Менинским (даже и в современном языке не полностью вышли из употребления словоформы типа *bencileyin* 'как я', 'по-моему' [27, стр. 272]. Бетлингк, говоря об аффиксах *جه* (-се (?)) – П.К.) и *لین*, заметил, что *-leyin* здесь, пожалуй, «eine Art von Deminutiven bildet» [2, стр. 162]. Действительно, аффикс *-ci* скорее всего восходит к деминутивному аффиксу *-cik*: *bencileyin* < **bencik-leyin* 'как я (грешный)'.

Если *-leyin/-layın* < *de-yin*, то аффикс *-lep/-lap*, известный в татарском, узбекском и других языках, казалось бы, представляет собой другое деепричастие (соединительное, на *-p*) от того же глагола *te/-de* 'сказать'. Однако приводимые в разных работах примеры употребления этой формы – *yüzleb* 'сотнями', *puđlab* 'пудами', [29, стр. 14; 3, стр. 599], *арава-лаб* 'арбами', *челак-лаб* 'ведрами', *кечалаб* 'по ночам', *ой-лаб* 'месяцами' [7, стр. 286] и др. – заставляют предполагать, что три фонемы, составляющие аффикс *-lap*, скрывают за собой деепричастие на *-b/-p* не от глагола *te/-de* (и, конечно, не деепричастие, присоединяемое к странному производным глагольным основам типа **puđ-la-* (?), **челак-ла-* (?), **ой-ла-* (?)) и им подобным), а от глагола *sa-* 'считать', передающего идею счета, то есть множественности, и, как отмечено выше, являющегося этимологом аффикса множественного числа *-lar*. Обратим внимание и на то, что в современ-

ном литературном узбекском языке аффикс *-lab* (как и *-lar*) имеет лишь один, заднерядный вариант; если бы одновариантный аффикс восходил к глаголу *te/de-*, он был бы, безусловно, переднерядным как аффикс *-leyin* в турецком литературном языке.

Происхождение таких кратких формантов, как *lay* или *-dav* кажется ясным, поскольку аффикс *-layin/-dayin* представляется «простым усилением (аффикса) *-lay*» [2, стр. 162] (или, может быть, наоборот: аффикс *-lav* являет собой ослабление более протяженной морфологической структуры). Этот аффикс, согласно формулировке Гиганова, «придается к творительному падежу, обозначающему количество» [26, стр. 180]: *akşalay* 'деньгами', *közley* (*közlay?*) 'зернами'. Впрочем, этимологом аффикса *-lay*, когда он несет количественный оттенок значения, вполне может быть упомянутый выше глагол *sa-* 'считать'; ср. известный со времен древнетюркских памятников послелог *sayin*: *kün sayın sizgä kilātin* 'каждый день к вам хожу' [26, стр. 182].

Самые серьезные интерпретационные трудности связаны с тем, что параллелизм в передаваемых значениях наблюдается во многих тюркских языках не только между формантами *-deyin/-dayin* ~ *-leyin/-layin* и *-dey/-day* ~ *-lev/-lay*, но и между *-dey/-ley* с одной стороны, и *-tek/-teg/-deg*, а также *-degin* - с другой. Например: *bulaj* 'так', *sulaj* 'как вода' [35, стр. 224], *mändäi* 'как я', *aidai*, *kündäi* 'похожий на месяц/день' [36, стр. 171], *рус-дай* 'как русский', *болалардай* 'как дети', *шун-дайин/ шун-дай/ шун-доқ/ шун-доғ* 'так', *сиз-дек* 'как вы' *аскар-дек* 'как солдат' [7, стр. 285-86], *mundaq* 'так', *otdaq* 'как огонь', *arlandāgin* 'подобно льву' [36, стр. 171], *sen tek* 'как ты', *tānri tāg* 'подобный Божеству', *mundaq, mundaq, andaq, andaq* 'так, таким образом' [3, стр. 594-595] и т.д., и т.п.

Р.Шоу связывал аффикс *-dek* через *-dik* с глаголом *demek* 'сказать', что вызвало определенные сомнения у М.Хартманна [36, стр. 182, сн.]. Приемлемым следует признать взгляд Дени, который считал, что некоторые из аффиксов (или послелогов) с конечным *k* или *g* восходят к глаголу *tāg-māk* (осм. *dey-mek*) [3, стр. 614], другие происходят от имени *deñ* (*tek, tay*) в значении 'количество' [3, стр. 614, 647], причем, как он замечает, сходство между *tek* (из *deñ*) и глагольным корнем *tāg-* могло явиться причиной путаницы для самих турок [стр. 614]. Следует различать *deyin* (т.е. *degin* - П.К.) и *-deyin/-dayin*, вариант суффикса *-layin/-leyin* 'как' [3, стр. 648, сн. 1].

Конечно, когда речь заходит о послелоге *-tek/-teg* 'как, словно, будто, подобно' [14, стр. 546], который предположительно восходит к существительному *teñ*, нас должно интересовать не столько значение 'количество, мера' этого имени, сколько его русские соответствия типа 'одинаковый/-о, равный/-о; соответствующий' [14, стр. 551], в свою очередь своим возникновением обязанные, по-видимому, такому древнему значению слова *teñ/deñ* (*дэнгэ*), как 'кипа, тюк товаров, тяжесть, полагаемая для равновесия'; отсюда *дэнгэ дэнгэ* 'тюк в

тук, равномерный по весу' [38, стр. 567] и далее *ten/den* 'равный по весу' и просто 'равный', 'подобный'. Все перечисленные значения (кроме 'количество, мера') слово *denk* сохраняет, в частности, в современном турецком языке [39, стр. 220] То, что в древнетюркском наряду с именем *ten* выступил послелог *tek/teg* не является свидетельством в пользу зависимости второго от первого, так как послелог в силу частого употребления был, безусловно, предрасположен к упрощению, к синкопе и, тем самым, к расподоблению со своим этимоном Э В.Севортян также не исключал, «что *dek ~ teg ~ tek* и т.д. генетически едино с *тең ~ тенг*, среди значений которого распространено 'подобный, похожий' [40, стр. 184] В свою очередь послелог *tegi* 'до, вплоть до' [14, стр. 547] не имеет прямых связей ни с именем *ten*, ни с послелогом *tek/deg* а восходит (в соответствии с точкой зрения Дени) к глаголу *teg-* 'доходить, достигать' [14, стр. 546; 40, стр. 183], являясь по своей сути деепричастием этого глагола.

Поскольку превращение *l* в *γ* (через *g*) - явление достаточно частое, должно быть принято во внимание мнение Н К.Дмитриева, возводившего башкирские наречия с аффиксом *-дай/-дэй//тай/-тэй //зай/-зэй //лай/-лэй* (ср. *кош-тай* 'по-птичьему = как птица', *бала-лай* 'по-детски = как дитя' и т.д.) «к форме *dek*, восходящей к глагольной основе со значением 'трогать, касаться'. Из *dek* получилось *-дэй* и далее все звуковые варианты. первоначальное значение было, очевидно 'до, вплоть до' и далее, сравнение по количеству (ср. *таузай* 'с горы'), а потом уже идея сравнения и всякого сходства вообще» [14, стр. 115]. Впрочем, здесь несомненно, необходимо иметь в виду возможную связь названного аффикса с послелогом *dek*, о чем говорилось несколько выше (см еще: [7, стр. 285]), а также с деепричастной формой глагола *de-* 'говорить'. Во всяком случае в приводившихся ранее примерах типа *...köni tejü bilsün* 'пусть знают как/в качестве [человека] справедливого', *hatundayin* 'по-бабы', *sevdayarlayin* 'по-купецки', 'как купец', *erkeginleyin* 'как твой муж(чина)', *akşamleyin* 'вечером' и т.п. - явное предпочтение (в качестве претендента на роль этимона аффикса *-deyin/-leyin*) должно быть отдано деепричастной форме глагола *te/de-* 'сказать', а не имени *ten* (*dek, tav*) 'равный (по весу)' и не глаголу *tek/dek- ~ teg/deg-* 'трогать, касаться; достигать', ибо послелог *tak/teg/dek/deg* 'подобно' не должен получать никаких наращений; показательно и то, что ни один источник не фиксирует наряду с формой *-leyin/-layin* аффикса **legin/-lagin* (так же как не фиксируют и аффикса **leg/-lag* наряду с *-tek/-dag*), который должен был бы сохраниться в отдельных рукописях, если бы аффикс *-leyin/-lavin* восходил к деепричастной форме глагола *tek/dek- ~ teg/deg-* или к превратившемуся в послелог существительному *denk* (→ *dek/deg*).

Тем не менее не приходится отрицать определенной связи аффикса *-leyin/-layin* как с послелогом *tek, dek* (< *den*), так и с деепричастной формой глагола *teg/deg-*. «Путаница», о которой писал Дени [3, стр. 614], распространяется,

по-видимому, не на два, а на три и, пожалуй, на четыре лексических элемента: глаголы *tek-/deg-* 'достигать; касаться', *te-/de-* 'сказать', *sa-* 'считать', а также имя *ten/dek* 'равный'. Так, в приводимых Вамбери [28 стр. 14] и Дени [3, стр. 1014-15, 1069-70] примерах, в которых «послелог» *leyin* следует за именем действия на *-dik* и *-acak* (с аффиксами принадлежности и без них), то есть в значении более поздних форм *-diği/-acağı veçhile* (или *gibi*), элемент *-leyin* (или *-layin*) скорее сопоставим с древним послелогом *tek/teg* 'как, подобно' или с послелогом *tegi* 'до' (букв. 'достигнув'), чем со служебным словом *teyin* (→ *dive*) 'как, в качестве'. Приведем два примера: *كافر لر بو بلر ن سودكلمين مو منلر دخي الله تعالى* 'les croyants aiment Dieu, tout comme les infideles aiment leurs idoles' [3, стр. 1014] 'равно как неверные любят (*sevd(ü)kinleyin*) свои идолы, так мусульмане любят Всевышнего'; *أجدُ غنلين بو اين چغدى* 'Dès qu'il l'eut ouvert (*aç-dug-ı-n-layin*), se verse se presenta à ses yeux' [3, стр. 1014] 'Как [только] он [его (Коран)] открыл, (= *aç-tiği gibi*) [ему] предстал такой стих'.

Можно предположить, что значение служебного слова *tek/deg* 'как (= равный, подобный)' и его «расширенного» варианта *degin* (ср. *arslandegin* 'подобно льву') индуктивным путем (без возникновения формы *-legin*) перешло на «смежный» по значению и по звучанию аффикс *-leyin* 'как (= в качестве)', что и сделало возможным появление конструкций типа *-diği/-acağı leyin*. В других случаях на аффикс *-leyin* перешло значение послелoga *tegi* (т.е. слитного деепричастия от глагола *teg-/deg-* 'достигать'). Ср. второй из приведенных примеров: *aç-dug-ı-n-layin* 'как [только] открыл...', то есть букв. 'достигнув// как [только] достиг (действия/того, что) открыл...'.

Таким образом, форма *-deyin/-leyin* представляет собой древнее деепричастие на *-(y)i(n)* от глагола *te-/de-* 'сказать' (*te-yin/de-yin/le-yin* 'говоря'; 'в качестве, как'). Но поскольку звук *y* часто возникает в результате утраты смычности согласным *g* (*tek/dek* → *teg-/deg-* → *tey-/dey-*), аффикс *-deyin// -leyin* мог включать в свой семантический континуум и те значения, которые изначально были присути (позже получившим в отдельных языках статус морфем) послелогу *tek/dek* ~ *teg-/deg-* ~ *tey-/dey-* 'равно, подобно, как', а также глаголу *teg-/deg-* 'достигать' в деепричастной форме: *tegi(n)/degi(n)* → *teyi/deyi* 'достигнув', то есть 'когда или как [только] достиг'. Однако в любом случае форманты *-deyin// -leyin* и другие не имеют никакого отношения ни к глаголообразующему аффиксу *-la/-le-*, ни к бывшему объектом нескольких разысканий, но оказавшемуся фикцией «элементу *h*».

Литература

1. *Boehlingk O. Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasembek's Türkisch-tatarischer Grammatik // Bulletin de la classe historico-philologique de*

l'Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg. T. V. St.-Petersbourg - Leipzig, 1848.

2. *Boehlingk O* Über die Sprache der Jakuten. St.-Petersbourg, 1851 (Besonderer Abdruck des Dritten Bands von Middendorff's Reise.).

3. *Deny J* Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli) Paris 1921

4. *Котвич ВЛ* Местоимения в алтайских языках (Перев. с франц. яз.) // Исследования по монгольской филологии. М., 1978.

5. *Серебренников БА* К истории суффиксов деноминативных глаголов *-la* в тюркских языках // Советская тюркология (далее - СТ), 1972, №5. Баку.

6. *Харитонов ЛН* Типы глагольной основы в якутском языке. М.-Л., 1954.

7. *Кононов АН* Грамматика современного литературного узбекского языка М.-Л., 1960.

8. *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.

9. *Серебренников БА* К проблеме происхождения аффиксов страдательного залога *-l*, *-yl/-il*, *-n*, *-yn/-in* в тюркских языках // СТ, 1976, №2.

10. *Грунина Э.А.* к истории тюркского залога: рефлексив, пассив // Вестник шелкового пути. Вопросы тюркской филологии. Вып. II. М., 1993.

11. *Кузнецов П.И.* Инвариантные значения и происхождение тюркских залоговых форм // Тюркология, 1992, №2, Баку.

12. *Кузнецов П.И.* Этимология семи тюркских именных словообразовательных аффиксов (*-жу*, *-жүг*, *-за*, *-лв*, *-луг*, *-суз*, *-унзу*) // Вестник шелкового пути. Вопросы тюркской филологии. Вып. II. М., 1993.

13. *Остроумов Н.* Этимология сартовского языка. Ташкент, 1910.

15. *Кузнецов П.И.* О происхождении тюркских аффиксов *-sa(r)*, *-(š)ar*, *-lar* // СТ, 1990, №4.

16. *Bang W.* Zu den türkischen Zeitbestimmungen // *Türan*, 1-2 sz., Budapest, 1918.

17. *Ergin M.* Türk Dil Bilgisi. İstanbul, 1962 (Sofia, 1967).

18. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, М.-Л., 1956.

19. *Щербак Ю.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Л., 1987.

20. *Zajaczkowski A.* Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodniokaraïmskiem. Krakow, 1932.

21. *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957.

22. *Ramstedt G.J.* Zur mongolischen-türkischen Lautgeschichte // *Keleti Szemle*, XVI, Budapeste, 1916.

23. *Bang W.* Vom Köktürkischen zum Osmanischen. I // Preussische Akademie der Wissenschaften. Abhandlungen... Berlin, 1917.
24. *Viguiet M.* Elément(s) de la langue turque...Constantinople 1790.
25. *Meninski M.* Linguarum orientalium tircica... seu grammatica tircica. Viennae, 1680.
26. *Гиганов И.* Грамматика татарского языка. СПб., 1801
27. *Gencap T.N.* Dilbilgisi. İstanbul, 1966.
28. *Vambery H.* Altosmanische Sprachstudien. Leiden, 1901.
29. *Гиганов И.* Словарь российско-татарский. СПб., 1804.
30. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
31. *Кононов А.Н.* О фузии в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. М., 1971.
32. *Кононов А.Н.* О природе тюркской агглютинации // Вопросы языкознания (далее - ВЯ), 1976, №4.
33. *Баскаков Н.А.* Механизм агглютинации и процессы грамматикализации самостоятельных слов в тюркских языках // ВЯ, 1976, №6.
34. *Кузнецов П.И.* Глагол *тур- (тар-)* и понудительный залог // СТ, 1985, №6.
35. *Pröhle W.* Karatschaische Studien // Keleti Szemle, X. 1909.
36. *Brockelmann C.* Osttürkischen Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Dritte Lieferung. Leiden, 1952.
37. *Hartmann M.* Ein türkischer Text aus Kaşgar. II // Keleti Szemle, V, 1904.
38. *Будагов Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1869.
39. Турецко-русский словарь. М., 1977.
40. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980.
41. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948.

ХАНЫ МАМАЕВОЙ ОРДЫ

В русских источниках, содержащих описание Куликовской битвы, имя главного противника Дмитрия Донского Мамай нередко сопровождается титулом «царь». В самом популярном в древнерусской литературе произведении о Донской победе – Сказании о Мамаевом побоище, в различных его редакциях Мамай назван царем. В Основной редакции Сказания в грамоте, будто бы отправленной рязанским князем Олегом Мамаю, последний титулуется очень пышно: *«Въсточному великому и волному царь царю Мамаю - радоватися, нынѣ же, господине всесвѣтлый царю, прислѣ твое врѣмя, «Меня же раба твоего, Олга Рязанского, дрѣжава твоя пощадитъ, царю» и т.п.*¹ Можно думать, что в сочиненном для остроты сюжета послании Олега ордынскому предводителю автор Сказания умышленно прибег к высокой титулатуре Мамай, чтобы таким образом оттенить раболепие рязанского князя перед Ордой и его враждебное отношение к Москве.

Однако и в другом, тоже придуманном автором Сказания, послании Олега Рязанского к Ольгерду Литовскому Мамай продолжал титуловаться царем: *«Нынѣ же, княже, прислѣ врѣмя наше, яко великий царь Мамай грядетъ на него и на землю его. Нынѣ же, княже, мы оба приложимся къ царю Мамаю, въм бо, яко царь дастъ тебѣ градъ Москву, да и иные грады...»*². Назван царем Мамай и в обращении к нему Ольгерда Литовского: *«Въсточному великому царю Мамаю!» «Господине царю вольный Мамаю! Да приидетъ дрѣжава твоего царства нынѣ до нашихъ мѣст...»*³. Впрочем, не только в различных грамотах, речах послов и военачальников, диалогах, которыми обмениваются между собой герои Сказания, Мамай титулуется царем. В многочисленных фрагментах авторского повествовательного текста Мамай – тоже царь: *«Слышавъ же то князь великий Дмитрий Ивановичъ, яко грядетъ на него безбожный царь Мамай...»*⁴, Дмитрий Иванович шлет к Мамаю Захария Тютчева *«и посылаетъ с ним много злата к несчастному царю Мамаю»*⁵, *«Безбожный же царь Мамай, выхавъ на високо мѣсто с трема князи, зряи челоуечьскаго кровопролитца»*⁶. Поскольку все приведенные случаи титулования Мамай царем в Основной редакции Сказания о Мамаевом побоище есть в Летописной и распространенной редакциях памят-

¹ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982, стр. 26.

² Там же.

³ Там же, стр. 27.

⁴ Там же, стр. 28.

⁵ Там же, стр. 29.

⁶ Там же, стр. 43.

ника⁷, правда, иногда в перифразированном виде, очевидно, что такое определение Мамаю восходит к авторскому тексту Сказания. А так как в Сказании царем назван и Батый⁸, ясно, что в глазах автора Сказания о Мамаевом побоище ордынский правитель XIV в. представляется ханом. Следует заметить, что автор памятника не был современником описываемых им событий, он работал в начале XVI в.⁹, и его характеристика Мамаю как хана могла быть неточна.

В большинстве списков более раннего произведения Куликовского цикла - Задонщины - Мамаю также титулуется царем. «царь Мамаю пришел на Рускую землю»¹⁰, «Мамаю царь на реки на Мечи»¹¹, «И ты пришел на рускую землю, царь Мамаю, со многими силами...»¹². Однако в списке Историческом I Задонщины, а главное, в самом старшем списке памятника - Кирилло-Белозерском 80-90-х гг. XV в. - титул «царь» к имени Мамаю не прилагается¹³.

Если обратиться к самым ранним летописным описаниям Куликовской битвы, то в летописных памятниках Северо-Восточной Руси Мамаю прямо назван князем: «безбожный злочестивый ордынский князь Мамаю поганый»¹⁴, в дальнейшем рассказе он никогда не титулуется царем. В новгородском же летописании под 1380 г. дается прямое пояснение, кто такой был Мамаю: «Нъкоему убо у них худу цесарююще, а все дѣюще у них князь Мамаю...»¹⁵, т.е. Мамаю был фактическим правителем Орды, ханом же было другое лицо. Об отсутствии у Мамаю ханского титула говорят и более ранние свидетельства русских летописей, а также восточных, главным образом, арабских источников.

Согласно «Книге назидательных примеров» ибн-Хальдуна, умершего в 1406 г., т.е. современника Мамаю, последний был одним из старших монгольских эмиров. Он управлял всеми делами при хане Бердибеке (1357-1359 гг.), на дочери которого был женат¹⁶. В.Л.Егоров высказал мысль, что Мамаю занимал при дворе Бердибека самую высшую должность - беклярибека, которому подчинялись верховный суд, армия, внешнеполитическое ведомство, самые

⁷ Повести о Куликовской битве. М., 1959, стр. 80, 81, 83, 84, 101; Сказания и повести..., стр. 74, 75, 77, 78, 98.

⁸ Сказания и повести..., стр. 25, 73; Повести..., стр. 79. В Распространенной и Летописной редакциях Сказания Батый назван «первым», т.е. первым царем, предшественником Мамаю.

⁹ Кумкин В.А. О роли Сергея Радонежского в подготовке Куликовской битвы. // Вопросы изучения атеизма. Вып. 37. М., 1988, стр. 109-110.

¹⁰ «Слово о полку Игореве» и памятники куликовского цикла. М.; Л., 1966, стр. 535, 547, 550 (перифраз).

¹¹ Там же, стр. 536, 551.

¹² Там же, стр. 540, 555.

¹³ Там же, стр. 541-546, 548-550.

¹⁴ ПРСЛ. Пт., 1922, т. XV, вып. I, стб. 139; СПб., 1913, т. XVIII, стр. 129.

¹⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950, стр. 376.

¹⁶ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, т. I, стр. 389.

крупные наместники в Орде¹⁷. Точка зрения В.Л. Егорова была принята в научной литературе¹⁸. Однако арабские авторы нигде Мамаю беклярибеком не называют. Согласно эль-Мухибби, жившему в конце XVI в., послания египетского султана Мамаю заканчивались аламой «родитель его», в то время как подобные послания одному из четырех улусбеков завершались аламой «брат его»¹⁹, что говорит о более высоком положении улусбека по сравнению с положением Мамаю. На это обстоятельство обратил внимание в своем примечании к сочинению эль-Мухибби секретарь каирского султана эль-Калькашанди, который отметил, что Мамаю не мог быть старшим эмиром хана, потому что ему «писали с меньшим почетом, чем улусным эмиром»²⁰. В одной из арабских рукописей указывалось, что Мамаю «был (сначала) обыкновенным эмиром, но (потом) усилился и сделался могущественным каном»²¹. Очевидно, Мамаю был не беклярибеком, а одним из знатных монгольских эмиров, благодаря личным качествам и родственным связям сумевшим возглавить одно из государств, на которые распалась Орда в 1361 г. Поскольку Мамаю не был чингизидом, он не имел права занимать ханский стол. Кто же в таком случае был ханом в Мамаювой орде?

Историю Мамаю достаточно подробно излагает ибн-Хальдун. По его словам, Мамаю после смерти Бердибека в принадлежавшем ему Крыму возвел на ханский престол маленького сына хана узбека Абдуллаха и вместе с ним двинулся на Сарай, которым и завладел. Вскоре его изгнал из Сарая правивший в астраханских пределах Хаджи-Черкес (Сали-Черкес). Мамаю ушел в Крым, но за ним остались земли «между Крымом и Сараем». В Крыму Мамаю и пребывал, пока на него не напал Тохтамыш, взявший перед этим Сарай. Мамаю бежал от Тохтамыша и вскоре погиб²². Ибн-Хальдун ничего не сообщает о судьбе возведенного Мамаю на ханский престол Абдуллаха. Из его рассказа можно понять, что Абдуллах оставался с Мамаю вплоть до смерти последнего. Однако эль-Мухибби вспоминал, что в начале сентября 1374 г. ему было поручено написать письмо хану Мухаммеду, правившему в бывших владениях хана Узбека²³. Далее эль-Мухибби отметил, что Мамаю «при кане Мухаммеде, о котором было упомянуто выше», занимал весьма высокое положение²⁴. Хотя писавший после эль-Мухибби эль-Калькашанди и сомневался в достоверности

¹⁷ Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980, с. 176, 185.

¹⁸ Сказания и повести..., стр. 380.

¹⁹ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч., т. I, стр. 350, ср. стр. 348.

²⁰ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч., т. I, стр. 350, ср. стр. 348.

²¹ Там же, стр. 408, примеч. I (текст на стр. 409).

²² Там же, стр. 389-391.

²³ Там же, стр. 343-344.

²⁴ Там же, стр. 350.

сообщения своего предшественника относительно хана Мухаммеда²⁵, тем не менее известие эль-Мухибби как непосредственного составителя султанского послания к ордынскому правителю нельзя заподозрить в недостоверности. Из приведенных свидетельств его и ибн-Хальдуна следует, что у Мамаю было по меньшей мере два хана: один Абдуллах, посаженный на ханский стол вскоре после смерти Бердибека (1359 г.), другой – Мухаммед, занимавший этот стол около 1374 г. Данные двух египетских историков получают подтверждение и уточнение в русских летописях.

Под 6869 годом в Рогожском летописце сообщается, что *«Мамай князь Ординский и осилъ съ другую сторону Волги, царь бѣ у него именем Авдула...»*²⁶. 6869 год летописи – мартовский²⁷. Следовательно, посажение Мамаем Абдулаха имело место между 1 марта 1361 года и 28 февраля 1362 года. Хан Авдуля (Абдуллах) упоминается в летописи и далее. В 1363 г. от его имени московскому князю Дмитрию был привезен ярлык на великое княжение Владимирское²⁸. Далее под 6878 годом в Рогожском летописце помещено известие, согласно которому *«Мамай у себе в Ордь посадил царя другаго Мамать Солтанъ»*²⁹. Это первая запись указанной годовой статьи, датированной по мартовскому летоисчислению. Следовательно, смена Мамаем хана произошла около 1 марта 1370 года. Очевидно, что Мамат-салтан русского источника – это хан Мухаммед, которому в сентябре 1374 г. составлял послание Эль-Мухибби.

Сделанные на основании письменных источников заключения конкретизируются нумизматическим материалом.

Известны монеты с надписью «Хан Абдулла» или «Султан-Абдуллах хан»³⁰, чеканенные в 762 году хиджры в Сарай ал-Джедид³¹, в 764 г.х. там же³² и в Азаке³³, в 765 г.х. в Азаке³⁴ и Янги Шехр³⁵, в 766 г.х. в Азаке³⁶ и Шехр ал-Дже

²⁵ Там же, стр. 406–407.

²⁶ ПРСЛ, т. XV, вып. I, стб. 70.

²⁷ Это определяется по изложению событий в смежных статьях Рогожского летописца, к сожалению, не имеющих полных дат.

²⁸ ПРСЛ, т. XV, вып. I, стб. 74.

²⁹ Там же, стб. 92.

³⁰ Савельев П. С. Монеты джучидский, джлагтийские, джелтиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. СПб., 1858, ч. 3, стр. 239, 244.

³¹ Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика, т. I. М., 1960, стр. 147, № 95.

³² Там же, стр. 136, № 35, стр. 142, № 72.

³³ Там же, стр. 149, № 101; Федоров-Давыдов Г. А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика, т. IV. М., 1964, стр. 211, № 580.

³⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Клады..., стр. 142, № 72; он же. Находки..., стр. 149, № 448.

³⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Клады..., стр. 151, № 120; стр. 156, № 138.

³⁶ Федоров-Давыдов Г. А. Находки..., стр. 203, № 474.

дид³⁷ в 767 г.х. в Орде³⁸, в 767 г.х. в Сарасе³⁹ и Азаке⁴⁰, в 769 г.х. в Азаке⁴¹ и Орде⁴², в 770 г.х. также в Азаке⁴³ и Орде⁴⁴, в 771 г.х. в Орде⁴⁵. Начало чеканки монет Абдуллахом – 762 г.х., т.е. 11 ноября 1360 г. – 30 октября 1361 г. – в принципе совпадает с датой его посажения на ханский стол, указанной в Рогожском летописце. между 1 марта 1361 г. и 28 февраля 1362 г. Комбинируя свидетельства монет и письменного источника, можно заключить, что Абдуллах сел на ханский стол в марте – октябре 1361 г. А.П.Григорьев то уверенно, то предположительно временем возведения Абдуллаха на ханский престол считает август 1361 г., не приводя никаких доказательств в пользу того, что данное событие произошло именно в августе⁴⁶. Утверждение А.П.Григорьева вызывает сомнение и потому, что едва ли за 2-3 месяца пребывания в Сарасе Абдуллах мог наладить там собственный чекан монет с датой 762 г.х. Достоверными являются широкие хронологические рамки провозглашения Абдуллаха ханом: март – октябрь 1361 г. Продержался Абдуллах на ханском троне, судя по чеканке монет с его именем, до 771 г.х., т.е. до времени между 5 августа 1369 г. – 25 июля 1370 г. Эта дата также совпадает с датой Рогожского летописца, по свидетельству которого Абдуллах оставил свой стол около 1 марта 1370 г.⁴⁷

Многочисленны и монеты с именем хана Мухаммеда: «Султан правосудный Гаяс-Эддунья в-Эддин Мухаммед-хан»⁴⁸ или «Гаяс Эддин Мухаммед Булак хан»⁴⁹. Они чеканились в 763 и 767 г.х. в Сарасе ал-Джедид⁵⁰, в 780 г.х. в Орде⁵¹, в 782 г.х. в Хаджи-тархане⁵². Находки таких монет единичны. Несколько боль-

³⁷ Федоров-Давыдов Г.А. Клады..., стр. 144 № 137.

³⁸ Там же, стр. 146, № 91; стр. 156, № 138; он же. Находки..., стр. 200, № 449.

³⁹ Федоров-Давыдов Г.А. Клады..., стр. 156, № 138; стр. 162, № 158а.

⁴⁰ Там же, стр. 144, № 77а.

⁴¹ Там же.

⁴² Федоров-Давыдов Г.А. Находки..., стр. 204, № 495.

⁴³ Федоров-Давыдов Г.А. Клады..., стр. 161, № 155; стр. 164, № 172; он же. Находки..., стр. 216, № 138.

⁴⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Клады..., стр. 144, № 77а; стр. 151, № 120; стр. 156, № 138; стр. 161, № 155; стр. 164, № 172; он же. Находки..., стр. 215, № 112а; стр. 216, № 138.

⁴⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Клады..., стр. 151, № 120.

⁴⁶ Григорьев А.П. Золотоордынские заны 60–70-х гг. XIV в.: хронология правлений // Историкография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1983, вып. 7, стр. 32, 37. Ср. стр. 54.

⁴⁷ Это уточняет предложенную А.П.Григорьевым дату: не позднее июня 1370 г. – Григорьев А.П. Указ. соч., стр. 38, 54.

⁴⁸ Савельев П.С. Указ. соч., стр. 252. известны также монеты с подписью: «Султан правосудный Гаяс Эддин в-Эддунья Булак-хан» – там же, стр. 255.

⁴⁹ Френ Х.М. Монеты ханов улуса Джучиева, или Золотой Орды. СПб., 1832, стр. 21.

⁵⁰ Федоров-Давыдов Г.А. Находки..., стр. 191, № 379.

⁵¹ Федоров-Давыдов Г.А. Клады..., стр. 156, № 138.

⁵² Там же, стр. 155, № 137.

ше монет 770 г х, чеканенных в Орде⁵³. Основная же масса монет с именем Мухаммед-Булака чеканилась в Орде в 771-775 и 777 г х⁵⁴ причем в 774 г х выпускались монеты этого хана еще и в Маджаре ал-Джедид⁵, т. е. в городе Маджаре, самом крупном золотоордынском центре на Северном Кавказе⁵⁶. Начальная дата массового выпуска монет Мухаммед Булака – 771 г х, т. е. период с 5 августа 1369 г. по 25 июля 1370 г – согласуется с уже приводившимся известием Рогожского летописца о возведении Мамаем около 1 марта 1370 г. на престол нового хана – Мамат-салтана. Конечная дата массовой чеканки монет Мухаммед-Булака может свидетельствовать о том, что после 777 г х (2 июня 1375 г. – 20 мая 1376 г.) Мухаммед-Булак уже не занимал ханского стола, хотя отсутствие массового выпуска монет с именем этого хана в 76 г х. следует объяснять иными причинами. Дело в том, что летом 1374 г. московский князь Дмитрий Иванович разорвал отношения с Мамаем⁵⁷. Следствием этого был отказ от уплаты дани Орде⁵⁸. Скорее всего, прекращение поступления русского серебра в Орду и объясняет отсутствие там массовой чеканки монет в период с 12 июня 1374 по 1 июня 1375 г.

Причина утраты Мухаммед-Булаком ханского стола выясняется из анализа сообщений русских летописных источников. Отметив под 1370 г. посажение Мамаем нового хана, Рогожский летописец почти сразу же сообщает, что летом того же года *«посол царева именем Ачихожа»* вместе с полками нижегородских князей предпринял поход на болгарского князя Осана (Хасана)⁵⁹. Хасан без боя покорился Ачихоже и русским князьям, которые *«на княжении посадиша Салтанъ Бакова сына»*⁶⁰. Ачихожа служил Мамаю⁶¹, следовательно, вся операция 1370 г. против болгарского князя Хасана была делом рук Мамаея. Посаженный в Булгаре ставленник Мамаея, судя по его имени, был или сыном Мухаммед-Булака (*«посадиша Салтанъ Булакова сына»*), или сам Мухаммед-Булак, если некий [А]бак был его отцом. Как бы там ни было, Булгар с 1370 г. стал частью владений Мамаея. Но когда в 1374 г. отношения русских князей с Мамаем резко обострились, угроза нападения на Русь Мамаевой орды не толь-

⁵³ Там же, стр. 151, № 120; он же. Находки..., стр. 211, № 580.

⁵⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Клады..., стр. 146, № 91; стр. 151, № 120; стр. 155, № 137.

⁵⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Клады..., стр. 146, № 91; стр. 151, № 120; стр. 155, № 137; стр. 156, № 138, он же. Находки..., стр. 190, № 379; стр. 198, № 445; стр. 200, № 449; стр. 203, № 479; стр. 209, № 561; стр. 217, № 186а.

⁵⁶ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985, стр. 122.

⁵⁷ ПРСЛ, т. XV, вып. I, стб. 106.

⁵⁸ Кучкин В.А. Русские земли и княжества перед Куликовской битвой // Куликовская битва М., 1980, стр. 96, 102-103.

⁵⁹ ПРСЛ, т. XV, вып. I, стб. 92.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, стб. 110.

ко с юга но и с юго-востока, со средней Волги стала весьма реальной. Поэтому в начале 1377 г московский великий князь послал свою рать под командованием Д М Боброка Волынского, к которой присоединились нижегородские князья на Булгар 16 марта 1377 г. русские осадили город. Осада была успешной «И высла изъ орода князь Болгарьскый Осанъ и Махмать Солтанъ и добыста челоуь князь великому и другому 2000 рублевъ, а воеводамъ и ратемъ 3000 рублевъ»⁴² Взяв контрибуцию и оставив в Булгаре свою администрацию, московские и нижегородские полки ушли домой. Показательно свидетельство русской летописи о лицах, правивших в Булгаре в начале 1377 г. Это уже знакомы нам по известию 1370 г. князь Хасан, а также «Махмать Солтанъ», под которым следует разумеать хана Мухаммед-Булака. Описанные русским летописцем события 1377 года поясняют почему Мухаммед Булак лишился ханского трона. Очевидно, Мамай сместил его за капитуляцию перед враждебными ордынскому правителю Москвой и Нижним Новгородом. Произошло это не ранее второй половины марта 1377 г. Выпуск же монет Мухаммед-Булака прекратился почти за год до этого: до 21 мая 1376 г. Однако громадная сумма выкупа, полученная русскими с Хасана и Мухаммед-Булака (5000 рублей составляли пятилетнюю сумму дани, уплачивавшейся Орде с территории собственно Московского княжества), может свидетельствовать о том, что ставленнику Мамаю пришлось отдать все серебро, в том числе и предназначавшееся для чеканки монет в 778 г.х. Если последнее соображение верно, тогда открывается возможность решить вопрос, до сих пор остававшийся без ответа: где находилась Орда, в которой чеканил свои монеты Мухаммед-Булак?⁴³ Не располагалась ли она в Булгаре или в пределах прежней Волжской Булгарии?

Впрочем, как ни решать вопрос о локализации места чеканки монет в «Орде», свидетельство русской летописи, отчасти подкрепляемое нумизматическими данными, позволяет определить причину и время смещения Мамаем второго хана в своей орде: весна – лето 1377 г. Самому Мамаю оставалось жить три с половиной года. Возвел ли он на ханский стол нового хана-марионетку, или правил сам, уже не считаясь с древней традицией иметь во главе государства чингизида? В.Л.Егоров склонен думать, что после Мухаммед-Булака в орде Мамаю хана-чингизида не было, ханом стал сам Мамай⁴⁴. Основанием такого мнения послужило для В.Л.Егорова то обстоятельство, что после 777 г.х. монеты в орде Мамаю не выпускались. Причину этого В.Л.Егоров видит в том, что не было правителей, от имени которых могли бы чеканиться монеты⁴⁵. Но

⁴² Там же стб. 116.

⁴³ Ср. Федоров-Давыдов Г.А. Ктды..., стр. 188; Григорьев А.П. Указ. соч., стр. 35.

⁴⁴ Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой, стр. 207-209.

⁴⁵ Там же, стр. 207.

ведь нет монет и с именем Мамаю. А это означает, что прекращение выпуска монет в орде Мамаю в 1377-1380 гг было связано не с отсутствием в этом государстве верховного правителя, а скорее с отсутствием необходимого количества серебра, которое требовалось для выпуска монеты. Полагая, что у Мамаю после Мухаммед-Булака иных ханов не было, В.Л.Егоров, тем не менее, как объективный исследователь привел одно свидетельство Рогожского летописца, которое следует процитировать полностью: *разбитые на р. Воже ордынцы «прибѣгоша въ Орду къ своему царю, паче же къ пославшему Мамаю, поне же царь ихъ, иже въ то врѣмя имѣяху оу себе, не владѣяше ничимъ же и не смѣаше ничто же сотворити пред Мамаемъ, но всяко старѣишинство сдрѣжаше и Мамаи и всѣми владѣаше въ Орды»*⁶⁶. Достоверность этого известия В.Л.Егоров поставил под сомнение ввиду неизвестности монет с именем не названного в Рогожском летописце хана. Но поскольку прекращение монетного чекана в Орде Мамаю могло быть вызвано совсем иными причинами, приведенное свидетельство Рогожского летописца не может быть отвергнуто столь решительно. Каких-либо текстологических или исторических признаков, свидетельствующих о недостоверности сообщения летописца, не обнаруживается. Наоборот, четкое противопоставление фактического правителя Орды – Мамаю и номинального ее правителя – не названного по имени хана – показывает, что русский летописатель четко представлял себе политическую ситуацию в Орде. Ситуация эта относится ко времени после поражения мамаева темника Бегича на р. Воже, т.е. после 12 августа 1378 г.⁶⁷. Последнее означает, что после смещения Мухаммед-Булака Мамаю возвел на ханский стол нового, по счету уже третьего, хана-марионетку. О существовании этого хана сообщает, как показано было в начале работы, и Новгородская первая летопись младшего извода, но уже не под 1378, а под 1380 г.⁶⁸. Сообщение новгородского летописца, к сожалению, ускользнуло от внимания В.Л.Егорова.

Как же звали третьего хана Мамаевой орды? Имя его содержится в подтвердительном ярлыке, данном кандидату в митрополиты всея Руси Михаилу – Митяю. Ярлык этот начинается так: *«Бесмертного бога силою и величеством из дед и прадед. Тюляково слово Мамаевою дядиною мыслию...»*⁶⁹. Очевидно, что мамаева хана звали Тюляк. Михаил-Митяй получил ярлык в 1379 г. после 26 июля⁷⁰. Следовательно, по меньшей мере летом 1379 г. Тюляк ханствовал в орде Мамаю. Еще одно упоминание Тюляка содержится в рассказе о Куликов-

⁶⁶ ПРСЛ, т. XV, вып. I, стб. 135; ср. Егоров В.Л. Золотая Орда..., стр. 207.

⁶⁷ ПРСЛ, т. XV, вып. I, стб. 134-135.

⁶⁸ См. выше стр.3 и примеч. 15.

⁶⁹ Памятники русского права. М., 1955, вып. 3, стр. 465.

⁷⁰ ПРСЛ, т. XV, вып. I, стб. 128. Приселков М.Д. Ханские ярлыки русскими митрополитам. Пг., 1916, стр. 67. Ярлык дан «овечия лета», которое приходилось на 1379 г.

ской битве, читающемся в Софийской I и Новгородской IV летописях и восходящем к митрополичьему своду 1423 г.: «Самъ же великий князь наѣха наперед в сторожевых полѣх на чоганаго царя Теляка, нареченаго плотнаго дьявола Мамаа...»⁷¹. Анализируя эту фразу, В.Л.Егоров выразил мысль, что под царем Теляком здесь разумеется сам Мамай, а поскольку *Теляк* по-тюркски означает «заика, бормотун», фраза принимает саркастическую окраску: Дмитрий выехал биться с царем-заикой Мамаем⁷². Однако в рассматриваемом летописном рассказе Мамай нигде не титуруется царем. Он характеризуется как «ордынскии князь Мамаи», о нем сказано что он «разгордѣвся, мнѣвъ себѣ аки царя»⁷³, но он не царь. Царь же Теляк достаточно точно соответствует хану Тюляку⁷⁴, от имени которого был выдан ярлык Михаилу-Митяю Правда, нуждаются в комментарии слова «нареченаго плотнаго дьявола Мамаа», которые действительно позволяют ставить знак равенства между Теляком и Мамаем. В указанном месте рассказа Мамай ранее этой фразы не упоминается, поэтому ссылка на «нареченаго» (или «реченаго») «плотнаго дьявола» имеет в виду сказанное о Мамае в летописном повествовании значительно раньше. Очевидно, слова о Мамае представляют собой пояснение более позднего летописного редактора, не знавшего, кто такой хан Теляк, и принявшего его, исходя из общего содержания рассказа, за Мамаю. Но в том источнике, над которым работал редактор XV в., имя царя Теляка было названо совершенно точно. Эта деталь повествования о Куликовской битве в своду 1423 г. отразила реальность.

Таким образом, в годы существования Мамаевой орды ее номинально возглавляли три хана: со времени между 1 марта и 30 октября 1361 г. до времени около 1 марта 1370 г. хан Абдуллах, со времени около 1 марта 1370 г. до второй половины марта 1377 г. хан Мухаммед-Булак и со второй половины марта 1377 г. до падения Мамаевой орды осенью 1380 г. хан Тюляк.

⁷¹ Сказания и повести..., стр. 20.

⁷² Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой, стр. 208-209.

⁷³ Сказания и повести..., стр. 16.

⁷⁴ Имя *Tülek* (в русской огласовке *Тюляк, Теляк*) известно тюркоязычным народам. См. Саттаров Г.Ф. Словарь татарских личных имен. Казань. 1981, стр. 187 (на татар. языке). Весьма неправдоподобную версию выдвинул А.П.Григорьев, полагая, что Тюляк - одно и то же, что Бюляк, он посчитал, что в ярлыке 1379 г. и русском летописном известии 1380 г. речь идет все о том же хане Мухаммеде-Булаке (по чтению А.П.Григорьева - Мухаммеде-Бюлека. См. Григорьев А.П. Указ. соч., стр. 41). Однако имена Тюляк и Бюляк, Бюлек - разные имена. К тому же А.П.Григорьев не объяснил, почему русские источники хана Мухаммеда называют то Мамат Салтаном, то Теляком. Никак не прокомментировал исследователь и известие 1377 г. о капитуляции Мамат Солтана перед русскими противниками Мамаю. Отсутствие в работе А.П.Григорьева разъяснений по указанным моментам не позволяет согласиться с его отождествлением хана Тюляка с ханом Мухаммед-Булаком.

ТРИ ТИПА ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ОРФОГРАФИИ

Испытывая глубокое почтение перед научными заслугами и возрастом юбиляра, почитаю за честь выразить свое уважение к Николаю Александровичу Баскакову обсуждением дорогих для его творчества тем рунической письменности и алтайских древностей.

Известные ныне памятники орхонской и енисейской письменности позволяют отметить многие орфографические различия между конкретными текстами. Все они обычно оговариваются при публикации каждой надписи. Легко предположить, что эти расхождения вызваны личными навыками писцов, вероятно, отразившими и некоторые своеобразия бывших школ письма в этой области. Обобщение и анализ материалов здесь еще предстоит.

Мне хочется обратить внимание исследователей на явление другого порядка: демонстрацию памятниками трех больших классов рунического правописания, связанных с различными подходами к отражению речи на письме.

I. Первый орфографический тип можно именовать «классическим руническим письмом». Он полно отвечает исконным нормам этой письменности и отличает абсолютное большинство и орхонских, и енисейских надписей. Приходится, конечно, учитывать существующее различие в алфавитном строе текстов, поскольку енисейское письмо применяло большее, чем орхонское, количество рун (прежде всего знаков для гласных). И все же эти расхождения имеют лишь количественный, а не качественный характер. Они хорошо вписываются в единую орфографическую систему азиатского рунического письма. Характеризовать ее здесь нет необходимости, ибо прекрасный анализ орфографии был сделан еще 100 лет назад при дешифровке письменности В.Томсеном и В.В. Радловым. Хотя с тех пор этой теме уделялось немного внимания, укажем на очерк орхонского правописания, данный в 1968 г. Т.Текином¹.

Напомню здесь в интересах сравнения с приводимыми далее материалами, что классическая руническая орфография прямо вытекает из основных особенностей самого письма. Правописание требует соблюдения различий в употреблении парных букв для согласных в зависимости от рядности сопутствующих гласных и таким образом отвечает нормам передачи на письме гармонии гласных в слове. Подобное выражение качества гласных через буквы для согласных, с учетом сингармонизма, позволяло далеко не во всех случаях прибегать к обозначению гласных.

II. Второй орфографический тип был фактически описан В.Томсеном при рассмотрении рукописей младшего орхонского письма из Восточного

¹ Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968, p. 30-49.

Туркестана². Выделен же он совсем недавно в связи с публикацией двух кратких камнеписных енисейских текстов монгольского времени, выполненных с теми же нормами правописания³. Для них характерно соблюдение разграничения в парных согласных при обозначении на письме всех гласных. Это правило, судя по известным текстам, не распространялось на широкие негубные *a* и *ā* (*e*). Примером применения такой полногласной рунической орфографии является енисейская наскальная надпись Хая Бажи X (E 24/10) из Тувы (рис. 1): *isiz qul bitmiš (e)s(ā)n* 'поскольку недостойный раб (божий) написал (здесь/это) - он стал здоров'⁴.

Данное правописание не является естественным порождением рунической системы письма природа которого подразумевает неполноту обозначения гласных. Наиболее правдоподобно допустить, что перед нами привнесенная книжная орфография, выработанная в манихейской среде. Именно в ней, как известно, практиковалось применение рунического письма наравне с собственно манихейским и уйгурским. Согдо-манихейским (как и согдо-христианским) текстам присущ и сам алфавитный принцип письменности, отличающийся полным обозначением гласных звуков и распространившийся в результате знакомства с западной, античной по происхождению, письменной традицией. Для доказательства сказанного очень важно, что указанная алфавитная руническая орфография применяется не только в текстах, написанных по-тюркски, но и в среднеперсидских по языку рунических рукописях. Особенности именно среднеперсидского правописания (судя по примерам, представляемым для этого языка иными письменными системами) следует, вероятно, объяснять и характерный пропуск на письме широких негубных гласных.

Очевидно, первоначально распространив нормы алфавитного правописания на младшее орхонское письмо, манихейская тюркоязычная среда в дальнейшем подвергла подобному реформированию и енисейскую руническую письменность, наиболее долго (включая монгольское время) сохранявшую такую орфографию.

Применение алфавитного принципа относилось не только к обозначению гласных, но и, насколько можно судить, приводило к изменению значений и вытеснению из употребления рунических знаков, имевших слоговой характер или обозначающих стечение двух согласных (буквы типа *oq*, *yq*, *nč*, *lt*)⁴. В целом

² *Tomsen V Ein Blatt in türkiſcher «Runen» schrift aus Turfan // SPAW, 1910, № XV; Idem. Dr.M.A.Stein's Manuscript in Turkish «Runic» Script from Miran and Tun-Huang // TFERAS, 1912, TFEJanuary.*

³ *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности. Конец XIII - начало XV вв. // Российская археология, 1994, № 1, стр. 46-48.*

⁴ *Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994, стр. 116, 126, 127, 138.*

данный тип правописания можно именовать «полногласной (или книжной) рунической орфографией».

III. Третий орфографический тип впервые выделяется сегодня. Он обнаружен при изучении камнеписных рунических надписей Горного Алтая, начертанных алтаиским вариантом енисейского письма⁵. Это правописание отличается несоблюдением всех главных норм рунической письменности – как в отношении знаков для согласных, так и для гласных. Здесь встречаем употребление согласных букв без связи с окружающими гласными (прежде всего варианты для мягкорядных применяются вместо твердорядных, обратное явление ныне отмечается в единичных случаях при записи аффиксов). известна и замена самих рун для гласных (также мягкорядные используются вместо твердорядных). Этот вид письма следовало бы именовать «псевдорунической орфографией».

Существование подобной орфографии впервые проявилось при разборе редкой алтайской надписи на каменной стеле Бар-Бургазы I (Кош-Агачской)⁶ расположенной близ истоков р. Чуи (рис. 2,1). Ее текст транслитерируется вполне определенно (рис. 3): $\delta\eta\tilde{a}(a) : s^2zm\tilde{a} : ku^2 z d^1r^2i^2y(i) : k ku(\delta)ji^2d^2\tilde{a}(a) : ki\tilde{s}^2\eta\tilde{a} : d^1r^2l^2i^2m$. Прочтение же будет заметно отличаться от написанного: *ога (е)с(и)з(и)мā (и)кит (а)з (а)д(у)рту (а)q qujda kiš(i)ηā (а)д(у)р(у)лт(у)т 'с (моим) князем (или 'уделом, долей?', 'правдивым/существованием?'), о горе, (меня) гибельная алчность разлучила; с (моей) женою (находящейся) в белом тереме я разлучился*. Ключ к пониманию надписи заключен в особенностях написания глагольных форм. Они совершенно обычны для эпитафий енисейского типа и здесь опознаются лишь благодаря каноничности своего употребления. В обоих случаях твердорядной руной воспроизведен только начальный *d*, для всех остальных согласных применены буквы для мягкорядных звуков. При учете этой особенности надписи становится понятным и слово *qujda* 'в тереме', столь же обычное для эпитафийной енисейской лексики, но здесь сплошь начертанное рунами для мягкорядных звуков. Та же орфографическая манера соблюдена и при записи слов *aq* 'белый' и *оη* 'князь' ('правый'?).

Как видим, в барбургазинской надписи приходится иметь дело не с единичными ошибками, связанными с неточным употреблением на письме отдельных рунических знаков, а с систематическим несоблюдением норм классической рунической орфографии. При этом во всех случаях и практически последовательно здесь применены мягкорядные руны вместо твердорядных

⁵ Выделение алтайского варианта енисейской письменности см.: *Кыласов И.Л. Указ. соч.*, стр. 83-91, 172.

⁶ *Кыласов И.Л. Горноалтайские рунические надписи на стелах // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994.*

знаков. Единственное нарушение (допущенное дважды) касается буквы d^1 в словах *adyrty* и *adyrylytm* т.е. может быть связано с личной привычкой резчика так писать именно это слово (ср., впрочем, далее калбакташскую надпись).

Второй случай применения на Алтае описанной необычной орфографии встречаем на стеле Бар-Бургазы II (рис. 4), расположенной поблизости от рассмотренной (рис. 2,2). краткая надпись здесь транслитерируется $i^2u(o)i^2u(o)k$, а читается, наиболее вероятно, как *tutuq*. при этом учитывается факт обнаружения в Туве и на самом Алтае стел с эпитафийными надписями, содержащими лишь одно имя умершего⁷. Слово *tutuq*, обычно служащее названием должности военного правителя области, отмечено в письменных памятниках и в качестве мужского имени собственного⁸. Вопреки ожиданиям, все буквы для согласных представлены в надписи мягкорядными (что, как мы видели, характерно и для предыдущего текста). Гласные передают здесь твердорядные звуки (что отличает надпись от предшествующей). Главное же сходство двух эпитафийных памятников состоит в систематическом несоблюдении в них правил, обычных для рунического письма.

Третья надпись, привлекаемая для изучения, принадлежит к наскальным и расположена в низовьях Чуи (рис. 2,3). Это двадцать третья строка с III плоскости скалы Калбак-Таш (или Ялбак-Таш). Она состоит из 20 рунических знаков, размещенных вертикальной строкой и читаемых снизу вверх (рис. 5,1): $\ddot{y}r^2(\ddot{u})\eta b^2(i)r^2(i)d^2(i)m (a)n^2(a)\dot{c}(y)m (a)d^1(y)r^2(y)l^2d^2(y)m(y)z$ ('я), Юрюнг (или 'благородный'), написал. С моей матушкой мы разлучились (или 'были разлучены'). Орфографические особенности здесь не сводятся к словоразделительному назначению руны a , прослеживающемуся трижды, а в четвертый раз служащей знаком окончания текста. Эти черты обычны для енисейских надписей Алтая. В публикуемой строчке мы вновь видим употребление мягкорядных букв для написания согласных слова *adyryldymyz* (особенно любопытна, пожалуй, передача только первого d через твердорядную руны - как отмечается и в тексте Бар-Бургазы I). На этот раз не приходится думать, что такое правописание распространено на все твердорядные звуки надписи - в слове *ana\dot{c}ut* для n использован необходимый твердорядный вариант руны (лишь повернутый справа налево). Но этот знак является единственным - все другие слова текста содержат мягкорядные звуки. В целом нет сомнения, что и в этой надписи несоблюдение классических норм рунического письма не является единичной ошибкой, а связано с определенной орфографической системой.

Есть и четвертая надпись, демонстрирующая подобное особое правописание. Такова одна из строк, некогда начертанных на скале Бичикту-Бом II. Ны-

⁷ Крыласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей, стр. 182.

⁸ Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 593.

не камень с надписью хранится в Республиканском музее в г Горно-Алтайске (инв. № нет). Размещение этого текста довольно необычно – это третья строка, по-видимому, несколько позднее приписанная под надписью из двух других коротких строк. Об этом свидетельствуют три обстоятельства. большой просвет между этой и предыдущими строками, иная орфография (в ней нет словоразделительных отметок в виде букв *a*, применяемых в двух первых строках) и, главное, следы применения другого инструмента, отличающие третью строку от прочих. Между тем очевидно, что рассматриваемая надпись неслучайно присоединена к предшествующей. Их объединяет даже содержание (при первых публикациях памятника, называемого «средней надписью», он и воспринимался как единый трехстрочный текст⁹).

Первая двухстрочная надпись (Бичикту-Бом II/1) читается, вероятно, так: $(e)n^2(e)r^2(i)g \delta r^2 // b^2(i)r^2(i)d^2(i)m$ '(мой бог) предстань перед грешным мужем! (Это) я написал'. Вторая надпись (Бичикту-Бом II/2 – рис. 5,2), очевидно, продолжает мольбу: $ki\ddot{s}^2i \text{ } \omicron\psi^2(y)\eta(y)g$ '(и) перед твоим сыном человеческим (предстань)!' Вновь в этой строке встречаем применение мягкорядных знаков (*l*², *g*) там, где по руническим нормам следовало бы писать твердорядные. Опять в слове правильно выписана руна только для первого согласного (и первого губного гласного).

Для полноты картины следует указать на два известные мне случая употребления твердорядных букв вместо ожидающихся мягкорядных. Обе надписи начертаны на упоминавшейся III плоскости скалы Калбак-Таш и демонстрируют несоответствия в написании двусложных аффиксов: $b^2(e)d^2(i)zy(\ddot{a})l^2i$ (строка 20) и $j^2(e)r^2d(\ddot{a})qi$ (строка 22). Примечательно, что в каждой из этих надписей далее те же самые морфологические показатели написаны верно, что, быть может, позволяет расценивать указанные случаи как описки, порожденные нетвердыми знаниями.

С формальных позиций так можно было бы охарактеризовать и те четыре надписи, которые описаны выше. Но, думается, что такое заключение было бы поверхностным, ибо не позволило бы верно определить причину свойственных им орфографических отклонений. Даже плохие успехи в овладении рунической письменностью прежде неграмотным человеком не могли бы привести к систематическому нарушению норм классической орфографии, будь им изначально верно осмыслен главный принцип этого письма, основанного на выборе соответствующей буквы из пары знаков для согласных. Были бы допустимы лишь единичные (пусть и частые) неверные употребления.

⁹ Сейдакматов К. Древнетюркские надписи на Горном Алтае // Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964, стр. 101, рис. 7; Телишев Э.Р. Древнетюркская эпиграфика Алтая // Тюркологический сборник. М., 1966, стр. 265.

Наблюдаемая нами картина должна иметь другую природу. правописание наших надписей свидетельствует о том, что в этих случаях руническим письмом овладевали уже грамотные люди. До этого момента их сознание накрепко впитало в себя правила письма свойственные какой-то иной письменной системе, не знавшей графического противопоставления знаков в зависимости от качества гласных звуков слова. Именно эти предшествующие и глубоко усвоенные знания препятствовали писцам и резчикам в осуществлении коренных норм рунической орфографии. Таким образом примеры рунической малограмотности в данном случае оказываются редкими свидетельствами обширных знаний средневековых тюрков владевших несколькими принципиально различившимися системами буквенного письма.

В связи со сказанным полагаю весьма важным отметить обширность ареала надписей, демонстрирующих выделяемый орфографический тип (рис. 2). из этого факта следует предположение о существовании людей, владевших несколькими системами письма (и изучивших неруническую грамоту ранее рунической), на всем Горном Алтае. До сих пор мне уже приходилось писать о подобной «многограмотности» раннесредневековых алтайцев, но лишь в отношении одновременного знания ими нескольких различных рунических алфавитов. Последняя черта культуры прослежена по руническим памятникам и для населения других районов Южной Сибири и Средней Азии¹⁰.

Сегодня сложилась редкая ситуация, когда понимание древнего явления довольно просто подтвердить примерами из современной жизни. Для этого даже не следует выходить за пределы рунической письменности. В результате возросшего среди тюркоязычных народов интереса к своему прошлому национальная интеллигенция тех районов, которые до советского времени не имели своей письменности, нередко пытается в той или иной мере познакомиться с древним руническим письмом и применить его для нужд самобытной культурной жизни. При этом во всех известных мне случаях в равной мере проявилась одна особенность: нынешние авторы наивно переносят на руническое письмо с детства знакомые им правила алфавитной кириллической письменности. Укажу три примера.

В 1992 г. единственная выходящая на хакасском языке газета изменила свое название. Ее новое заглавие («Хакасия», буквально «Хакасская земля») было начертано как современной хакасской письменностью («Хакас чирі»), так и древними руническими знаками. Транслитерация последней записи имела бы следующий вид (рис. 6,1): : *qakas² : čir²i* :. Здесь мы наблюдаем сохране-

¹⁰ *Кыласов И.Л.* Руническое письмо в горах Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992; *он же.* Рунические письменности евразийских степей, стр. 178–180, 210–224, 237.

ние привычного нашим современникам последовательного алфавитного принципа письма (полногласие, которое следует сравнить со II типом рунической орфографии) и несоблюдение незнакомого им правила употребления двойных согласных знаков, отличающихся по рядности звуков (псевдоруническая орфография, отличающая III тип рунического правописания); вне всяких рунических норм использованы и отметки-двоеточия. (Ныне руническая часть заголовка газеты исправлена по нормам классического правописания).

Второй пример находим на одной из заставок телевидения Республики Алтай. Слово «Алтай», воспроизведенное там рунами (рис. 6,2), в транслитерации следует передать так: *j'ai!Pa*. Таким образом перед нами вновь полногласное написание, очередное несоблюдение рядности примененных букв и изменение направления письма в угоду привычному – слева направо.

Третий пример, быть может, особенно ярко показывает проникновение современных орфографических норм в сознание, ибо связан с деятельностью языковедов, к тому же проживающих в землях, издавна знакомых со многими письменностями. В процессе подготовки к международной конференции «Проблемы создания среднетюркского языка ортатюрк» в Ташкенте в 1992 г. была издана по-узбекски, русски и английски брошюра «Уртатурк тили» Б.Р.Каримова и Ш.Ш.Муталова. Кроме трех основных языков и алфавитов, ее заглавие на титульном листе было также написано и руническими знаками (рис. 6,3). Транслитерация этой строки будет следующей: *u(o)r'i²ai²ü(δ)r²k : i'ü'i*. Ошибки, допущенные здесь с точки зрения рунической орфографии, все так же заключаются, как видим, в полногласном написании слов и несоблюдении противопоставления знаков для согласных при твердых и мягких гласных.

Итак, приведенные материалы позволяют выделить в общем массиве орхонских и енисейских надписей три типа орфографии. За этим многообразием вскрывается важнейший для осознания феномен.: владение раннесредневековыми тюрками несколькими системами письма одновременно. Полногласие и псевдоруническое правописание в равной мере возникают как результат внешнего воздействия на руническое письмо. Условиями этого влияния являются предшествующие рунической грамоте знания писцов – владение ими иными, алфавитными системами письма (и вполне вероятно, другими, нетюркскими письменными языками). Сформулируем и следующий неизбежный вывод: несмотря на отсутствие прямых данных, очевиден факт былого распространения в Южной Сибири различных алфавитных письменных систем западного происхождения. Наиболее вероятна связь их применения со специальной религиозной средой и литературой (очевидно, прежде всего, но не единственно, – с манихейской).

История культуры раннесредневековых тюркоязычных народов была гораздо богаче представлений, существующих в нашей науке сегодня.

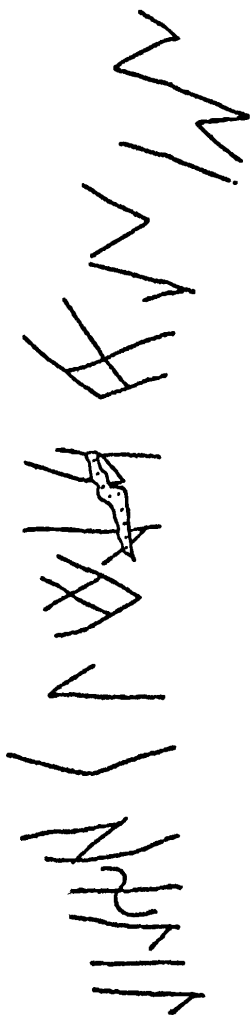
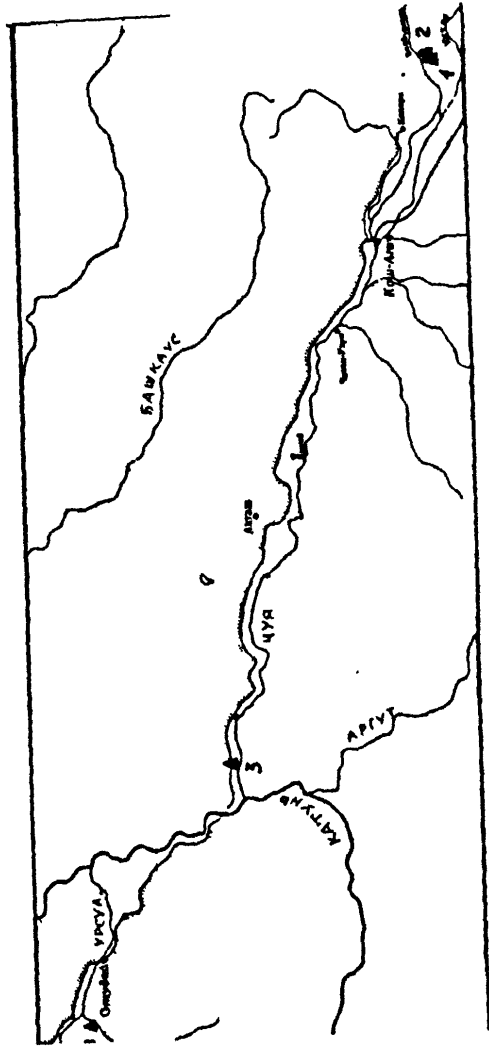

Рис. 1. Надпись Хая-Бажи X (E 24/10), Тува. Образец полногласного написания. Прорисовка автора.

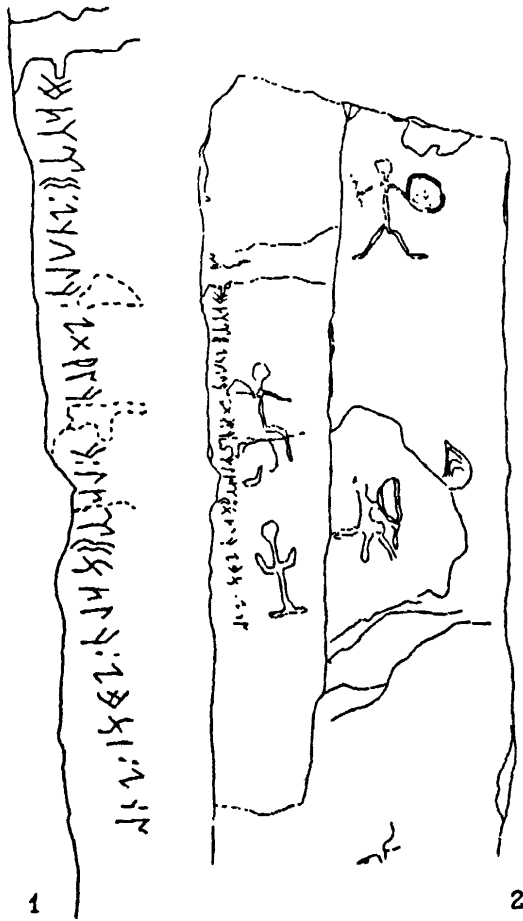

Рис. 3. Образец псевдотуркической орфографии. Надпись Бар-Бургазы I (1) и общий вид стелы (2) с поздними рисунками алтайцев. Прорисовка автора.

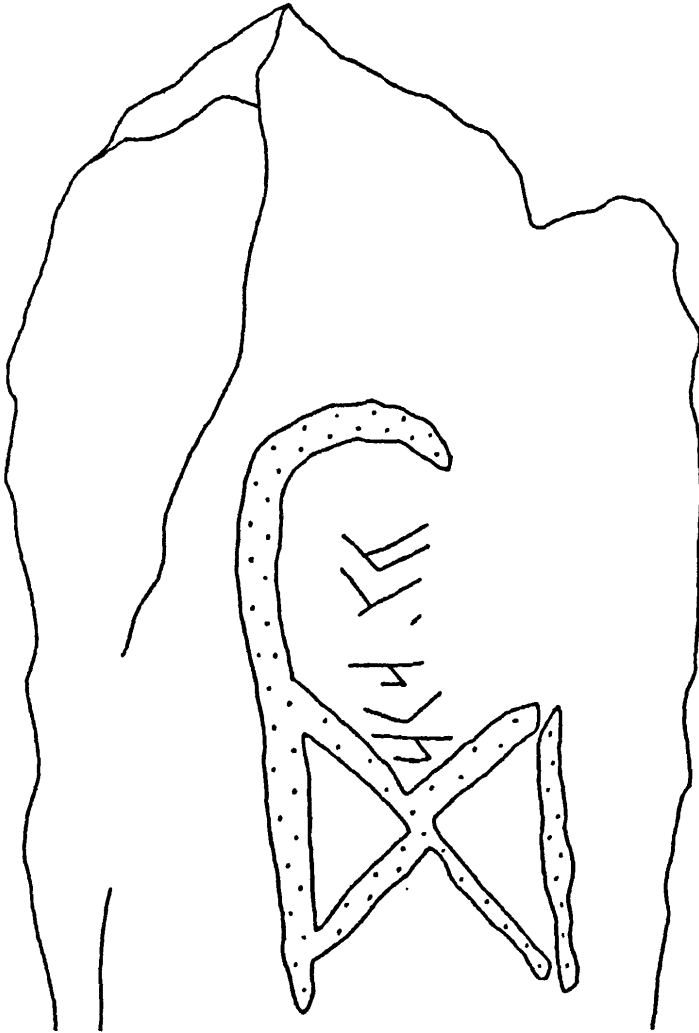

Рис. 4. Верхняя часть стелы с надписью Бар-Бургазы II (тамга выбита позднее). Образец псевдорунической орфографии. Прорисовка автора.

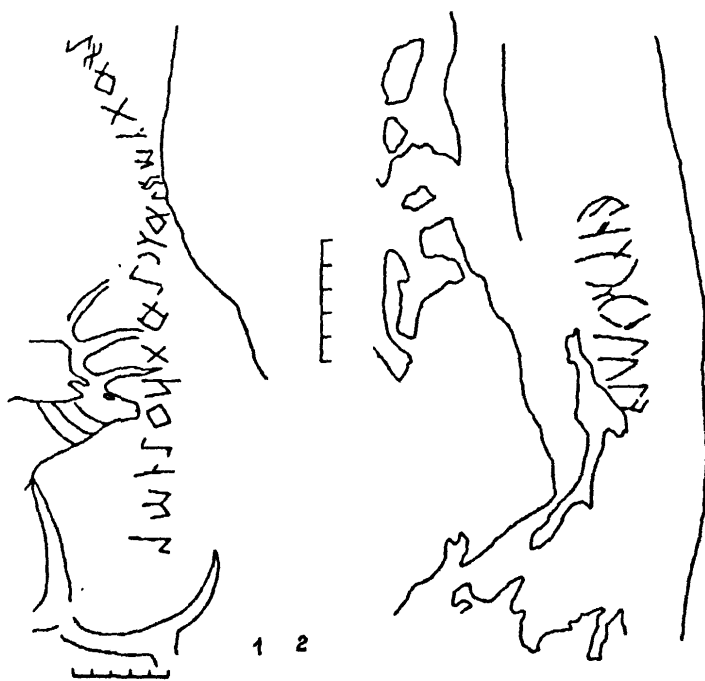

Рис. 5. Образцы наскальных надписей с псевдорунической орфографией: 1 - Калбак-Таш XXIII, 2 - Бичикту-Бом II. Прорисовки автора.

: Г У Г Л : I J Y J H :
 1
 Σ У ⚔ Σ D
 2
 I J I ⚔ : 7 У H H J H Ч >
 3

†

Рис. 6. Образцы отражения норм современного правописания в рунических надписях. По хакасской газете «Хакас чирь» (1), заставке алтайского телевидения (2), брошюре Б.Р.Каримова и Ш.Ш.Муталова «Уртатурк тили» (Ташкент) (3).

РУНИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА ИЗ ХАКАСИИ

Нередко в летнее время, когда специалисты бывают в экспедициях, в Археологический кабинет Хакасского научно-исследовательского института приходил какой-либо попавший в Абакан по своим делам житель отдаленного улуса или заброшенного в горах рудничного поселка. Посетитель обычно оставлял в Археологическом кабинете доставленную им случайную находку, но нередко забывал приложить сопроводительную записку со своим адресом и указанием всех обстоятельств находки. Обычно такой посетитель всегда остается неизвестным доброжелателем. Плохо то, что сама вещь, попадая в руки специалистов и оказываясь весьма ценной, хранится в музее в качестве беспаспортной. Но и в подобных случаях следует все же благодарить судьбу за само сохранение важного для науки объекта.

Не так все было с одним необычным эпиграфическим руническим памятником. Сначала он так же без всякой дополнительной документации был обнаружен в Археологическом кабинете Хакасского НИИЯЛИ¹. Однако впоследствии находчик объявился, и вся история появления этого предмета в доме науки прояснилась. Оказалось, что в конце лета 1981 г. плитку с руническими надписями обнаружил на пастбище чабан Андрей Брак. Пастбище находится в 5-6 км. к юго-востоку от Кобякова улуса, на границе Ширинского и Орджоникидзевского районов Республики Хакасия, по правому берегу р. Белый Июс.

На этот раз речь идет о неожиданном "ручном" памятнике, о каменной плитке с ручкой, о предмете, удобном для удержания в руке при чтении и переносе (рис. 1). Не первый ли это ставший известным рунический "vade mesum" или знак вроде монгольской пайдзы, удостоверявший должность и личность человека?

Что касается формы этой плитки с надписями, то прежде всего вспоминаются широко употреблявшиеся для письма, с глубокой древности и до наших дней, лопатки домашних животных: овцы и козы, коровы и быки, лошади и верблюда - а также диких: косуль, антилоп и благородных оленей. На территории Средней Азии археологами обнаружены лопатки с тамговыми знаками и надписями на различных языках: среднеперсидском, парфянском, арабском, чагатайском, тюркоязычном и т.д.²

¹ Плитка с руническими надписями передана в июне 1982 г. археологом Я.И.Сунчугашевым для изучения в Хакасскую археологическую экспедицию Московского университета (начальник профессор Л.Р.Кызласов).

² Эпиграфика Востока. Вып. IX. М.-Л., 1954, с. 37; Эпиграфика Востока. Вып. XXII. Л., 1984, с. 19.

В Центральном музее Казахстана хранятся лопатки быков, поперек которых чернилами нанесены надписи на арабской письменности. Эти письменные принадлежности употреблялись в старину в киргизских и казахских школах. Еще недавно тувинцы использовали лопатки маралов при ламаистских молитвах. Они наносили на них тибетским письмом священные буддийские гимны¹. В героическом сказании хакасов сказано об одном из героев: "туп агасха пічік пазыбысхан", т.е. "на дереве туп письмо написал"². Очевидно, в данном случае речь идет о дубовой дощечке.

Широко употребляемые лопатки животных – это естественная замена рас пространенных дощечек для письма, потому что сама их форма очень удобна для нанесения букв и удержания их в руке. Однако, следует принять во внимание, что и лопатки для письма употреблялись с глубокой древности. Например, в Иньское время (с XIV в. до н.э.) в Китае наряду с черепаховыми панцирями для письма применялись лопатки быков и другие кости животных³.

Что касается древней Сибири, то уже в начале XIX в. известный исследователь и первооткрыватель памятников рунической письменности в Горном Алтае Г.И.Спасский писал: "Лопаточные кости, находимые в курганах, вероятно, служили к изображению на них священных и других наречений..."⁴.

И действительно. На лопатках овец часто встречающихся при раскопке погребений таштыкской эпохи (I в. до н.э. – V в.н.э.) на Енисее, обнаруживаются вырезанные знаки⁵. Привожу рисунок бараньей лопатки с тремя знаками, найденной в 1951 г. автором в таштыкском склепе № 1 Изыхского чаатаса (рис. 2). Склеп относится к III-IV вв. н.э.⁶.

Однако для установления назначения прежде всего следует расшифровать и осознать те четыре строки рунического текста, которые вырезаны на одной из сторон каменной плитки. Только тогда все прояснится. Но чтение – это еще дело будущего. Целью настоящего сообщения является публикация необычного памятника рунической эпиграфики для изучения его всеми специалистами по древнетюркским руническим письменностям.

¹ Дьяконова В.П. Ламаизм и его влияние на мировоззрение и религиозные культуры тувинцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л., 1979, с. 157, 158, рис. 5.

² Субракова О.В. Этимология некоторых архаичных слов хакасского языка // Лексикология и словообразование хакасского языка. Абакан, 1987, с. 45.

³ Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы. Проблемы этногенеза. М., 1978, с. 215.

⁴ Спасский Г.И. О сибирских древних курганах. Древности Сибири // Сибирский вестник 1818, ч. I, СПб., 1818, с. 37, прим. 5.

⁵ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири (Материалы и исследования по археологии СССР, № 9). М.-Л., 1949, табл. 45, рис. 1-5.

⁶ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, с. 136-151.

Фигурный предмет (рис. 1) с ручкой (длиной 27 см наибольшей шириной 10 см и толщиной 1 см) вырезан из тонкой плитки серого, мелкозернистого по структуре девонского песчаника. Утонченная короткая ручка его заканчивается острым мысыком, отходящим в сторону. Ручка ornamentирована надпиленной сетью пересекающихся линий, образующих ромбообразные выпуклости, создающие лучшее сцепление при удержании предмета в руке.

На расширяющемся переходе от ручки к основной плоскости имеются три поперечно шлифованных, как бы специально подготовленных для письма, углубленных желобка. На первом снизу и третьем из них вырезаны две строки рунических знаков. По возвышению (расположенному между верхними желобками), поверхность которого оставлена нетронутой изготовителем предмета, вырезана третья средняя строка (рис. 1). Над строками глубоко вырезана фигурка скачущего вправо конька.

Основная четвертая строка, состоящая из крупных знаков (высотой до 4 см), вырезанных металлическим острием, занимает всю остальную часть плоскости плитки. Она начертана не поперек, как три предшествующих строки, а вдоль предмета (рис. 1).

Все четыре строки (или поочередные надписи) следует читать справа налево. Но при чтении поперечных строк предмет следует держать вертикально, ручкою вниз. Продольная основная строка читается в горизонтальном положении, когда читатель держит ручку правой рукой. Ребро предмета, расположенное под основной строкой, имеет 46 поперечных нарезок, надпиленных острием ножа. Это, очевидно, фиксация какого-то подсчета. Люди нередко считают посредством прибавления "палочек" друг к другу. Например, "во многих кавказских языках с двадцатиричной системой счисления в обозначении числа "100" выступают производные слова с первоначальным значением "нож, ножевая зарубка"⁹. Такое заключение в какой-то степени подтверждается еще семью зарубками, нанесенными на угол длинного ребра плитки. Место это пришлось между двумя резными линиями, отходящими на ребро от правого конца третьего шлифованного углубленного поперечного желобка (рис. 1). Из количества зарубок, конечно, нельзя заключить, что считавшие и писавшие на плитке люди не имели особых начертаний для цифр 50, 100, 150 и т.д.

На обратной плоской стороне, посередине плитки, посередине, процарапаны по пустынной, слегка заизвестковавшейся патине две тамги, типологически входящие в число знаков собственности средневекового населения Древнекавказского государства (рис. 1)¹⁰.

⁹ Степанов Ю.С. Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // Вопросы языкознания, 1989, № 5, с. 6.

¹⁰ Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности. Советская археология, 1960, № 3, рис. 14, 7; рис. 15, 10, 15, 28; он же. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология, 1965, № 3, рис. 7; Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. М., 1990, рис. 31, рис. 34, 1; рис. 35, 5, 7.

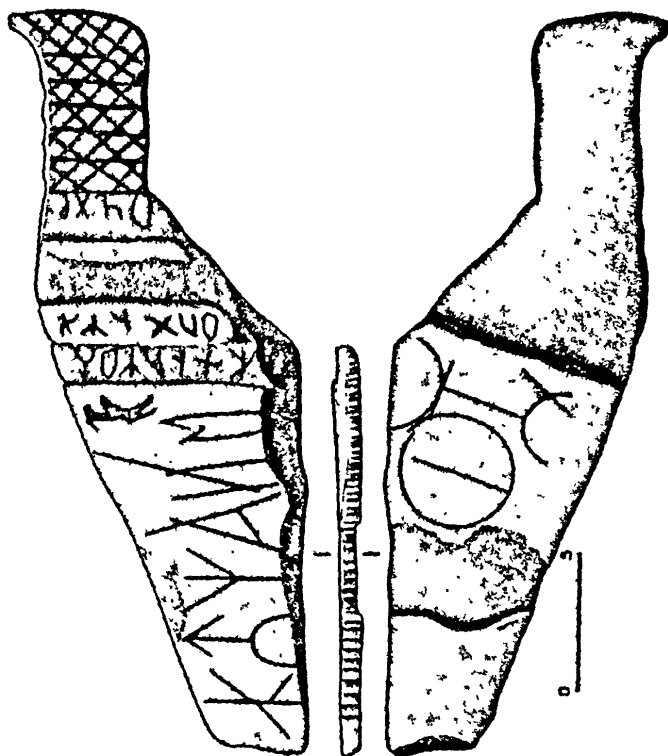

Рис. 1. Ручной памятник рунического орхонского письма из Хакасии. Найден на пастбище близ улуса Коблякова в 1981 г.

Девонский песчаник.

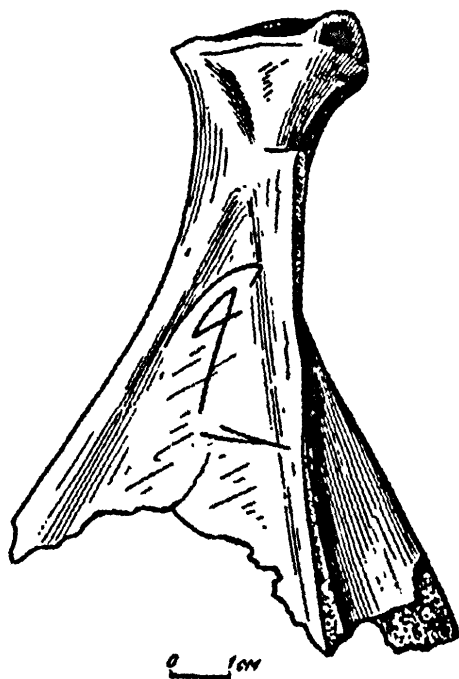

Рис. 2. Лопатка барана с врезанными тремя знаками. Таштыкская эпоха, уй-батский этап, дата: III-IV вв.н.э. Раскопки Л.Р.Кызласова в 1951 г. на Изыхском чаатасе, находка № 166 из склепа № 1.

Изучение неожиданного "ручного" эпиграфического памятника привело нас к некоторым выводам, носящим сугубо предварительный характер.

1. Каменный предмет вырезан и надписан в Хакасии, ибо для его изготовления была использована подходящая плитка, отпавшая в свое время от скалы сугубо местной породы - девонского песчаника. На Алтае, в Туве и Монголии находящиеся в открытом залегании песчаники совершенно другие (чаще силурские).

2. О принадлежности надписей на каменной плитке к счетным операциям, кроме нарезок-зарубок по узким боковым граням, свидетельствуют воспроизведения цифр. Цифрой, очевидно, является особый, не встречающийся в рунических письменностях знак, врезанный дважды - в конце второй и четвертой строк (рис. 1). Знак напоминает печатную кириллическую букву Ж. Но именно так изображается цифра 100 на архаичных счетных деревянных бирках коренных народов Сибири: тюркоязычных (хакасы, тофалары и др.), угорязычных (ханты), монголоязычных (буряты) и др. Если судить по этнографическим материалам, такой знак с отсутствующей левой верхней переключной должен обозначать цифру 75¹¹. Затруднительно судить, какие цифры (или аббревиатуры?) обозначают еще два знака, напоминающие кириллические буквы АИ. Они вырезаны рядом с известной руной М (читающейся как It) в основной четвертой строке надписей (рис. 1).

3. Всего на плитке высечено 25 знаков: тамг - 2, цифр - 4, рун - 19. Из них трижды повторены четыре руны; дважды повторена одна руна и две цифры; одиначно вырезаны пять рун, две тамги и две цифры. Итак, читаемых букв в четырех строках всего 19: в первой строке (считая снизу) - 4, во второй - 6, в третьей - 6, в четвертой - 3. Изучение всех девятнадцати рун отчетливо показывает, что надписи относятся к орхонскому изводу, а не к енисейской письменности.

Следовательно, на Среднем Енисее Кобяковский рунический памятник не только портативный, но и пока единственный, написанный знаками орхонского письма. Он был обнаружен в августе 1981 г., т.е. ровно 260 лет спустя после открытия первого обелиска с енисейской надписью доктором Д.Г.Мессершмидтом.

4. Формальные особенности дважды вписанной во вторую и в третью строки руны t¹ (рис. 1) позволяют уверенно отнести кобяковский предмет к памятником орхонской письменности¹². А так как орхонский знак t¹ неоднократно

¹¹ *Патачаков К.М.* Культура и быт хакасов (XVIII-XIX вв.). Абакан, 1958, с. 22, рис. 8; *Яковлев Е.К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900, с. 37 и 155; *он же.* Очерки жизни и быта карагас. Иркутск, 1926; *Старцев Г.* Остики. Л., 1928; *Хороших П.Л.* Бирки иркутских бурят // Сибирская живая старина, вып. 1. Иркутск, 1926.

¹² *Кыласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994, с. 82, табл. XXIII.

видоизменял свой облик, то палеографам известна эволюция начертаний этой руны¹³ Следовательно, есть возможность по особенностям начертания знака определить время его написания, разумеется в относительной хронологии.

Исходя из формы руны t^1 Кобяковского камня, надписи его начертаны в 40-50 гг VIII в н э. Дело в том, что во всех орхонских текстах эпохи второго Восточнотюркского каганата (682-744 гг) руна t^1 писалась одинаково. Она имела вид стрелки, направленной острием вверх и неразрывно соединенной своим древком с кружком (реже - ромбом), расположенном ниже¹⁴. Таковы особенности этой цельной руны в памятниках Ильгерес-кагана (693-706 гг.), Тоньюкука (712-716 гг.), Кули-чуря (721 г.), Кюльтегина (732 г.), Бильге-кагана (735 г). То есть унифицированное написание цельной руны t^1 зафиксировано всеми многострочными памятниками восточных тюркок-туто, начиная с рубежа VII-VIII вв и почти до середины тридцатых годов VIII в.¹⁵

5. Ныне показано И.Л. Кызласовым, что письменность эпохи второго Восточнотюркского каганата являлась старшей орхонской письменностью. Существовала еще младшая орхонская письменность, сложившаяся к пятидесятым годам VIII в. и являвшаяся официальной письменностью Уйгурского каганата (745-840 гг.)¹⁶. Письмо центральноазиатских уйгуров отличается сильным воздействием енисейской письменности. В ней руна t^1 всегда составлена из двух графически не связанных элементов: отдельной "крыши" (острия бывшей "стрелки") и полукруга под ним с остатком основания "древка" наверху. Известны: Терхинская стела (754-756 гг.), стела Шине Усу (760 г.; - с прибавлением енисейского написания t^1 в виде двух "крыш"), Тэсинская стела (около 762 г.; с добавлением двух форм для t^1 : с полукругом внизу и вовсе без древка, а также - с цельным кружком внизу)¹⁷.

Что касается более поздних уйгурских рунических текстов, то в них варьируют те три формы указанной руны, которые были применены некогда при написании Тэсинской надписи (Сэврэй - 763 г.; Харабалгасунская стела - 821 г. и рунические письма на бумаге - X в.)¹⁸.

6. Обозревая эволюцию многовариантной руны t^1 за всю историю орхонской письменности VII-X вв, мы видим, что обсуждаемый знак Кобяковской

¹³ Кызласов И.Л. Указ. соч., табл. XXV, Б.

¹⁴ Кормушин И.В. К основным понятиям тюркской рунической палеографии // Советская тюркология, Баку 1975, № 2, с. 38, табл. 2.

¹⁵ Кормушин И.В. Указ. соч., табл. 2 (1). В исправлении этой табл. 2 заметим, что в памятнике Тоньюкука нет знака с разрывом кружка снизу, а в тексте Мон-чуря нет цельноствольной руны - ее "шляпка" всюду отделена от "древка".

¹⁶ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994, с. 160-162.

¹⁷ Кляшторный С.Г. Надпись уйгурского Бегю-кагана // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987, табл. 1.

¹⁸ Кляшторный С.Г. Указ. соч., табл. 1.

плитки не встречался еще в памятниках. Однако появление его неслучайно - он удачно заполнил ту лауну, которая именно для него была предсказана И.Л.Кызласовым¹⁹, и которая приходится как раз на вторую половину 40-х гг. VIII в., когда в 744-745 гг. возникло новое государство. Во всяком случае, форма буквы t¹ Кобяковской каменной плитки является переходной формой от цельной руны восточных тюрок к двухэлементной уйгурской руны с разомкнутым основанием и отчлененной верхней "крышей". По своим особенностям Кобяковская руна является начальной в ряду t¹ уйгурского орхонского письма.

Появление какого-то носителя и знатока новой младшей орхонской письменности на территории Хакасско-Минусинской котловины, сумевшего изготовить Кобяковскую каменную плашку или только вырезать на ней надписи (возможно, плененного уйгура), могло произойти в годы завоевания уйгурами территории Тувы, т.е. в 750-752 гг. Тогда происходила война уйгуров с тувинскими чиками - давними союзниками хакасов. Конечно, хакасы выступали против уйгурских завоевателей на стороне своих союзников. За это уйгуры отомстили своим северным врагам. Они вторглись в 758 г. в средневековую Хакасию и нанесли ей поражение. Но правителем, с особым титулом и выплатой дани, все-таки оставили прежнего хакасского владетеля²⁰.

В Хакасско-Минусинской котловине есть еще один памятник начала IX в., в котором встречена "позднеорхонская" разновидность руны t¹. Она состоит из двух элементов. "крыши" и разомкнутого снизу полукружья²¹. Аналогичные знаки известны на позднеуйгурских стелах, например, на плите из Харабалгса (821 г.).

Уникальная Кобяковская каменная плитка с надписями требует дальнейшего изучения и полной дешифровки смысла надписей. Установление значения находки этого редчайшего предмета для науки еще впереди.

¹⁹ Кызласов И.Л. Указ. соч., табл. XXV, Б, 4.

²⁰ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984, с. 47-51.

²¹ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994, с. 82 и рис. 12.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

Чтение словарей и глоссариев - привычное занятие этимолога. Поэтому естественно, что большинство лексикографических работ Н.А.Баскакова стали нашими настольными книгами. На их страницах встречаешь не только лексемы, вошедшие в ЭСТЯ, но и слова, не вошедшие в его официальный словарь, однако привлекающие внимание исследователя структурой, семантикой, характером генетических связей.

Семь подобных слов выбраны объектом описания в предлагаемых ниже заметках. Все они принадлежат языкам, изучавшимся Николаем Александровичем, не попали в соответствующие тома ЭСТЯ и, хотя в той или иной степени уже интересовали тюркологов, этимологии этих слов не могут пока считаться бесспорными и не нуждающимися в уточнениях.

1. Туркм. *түв°елей*, тухм. *тев°рей* 'вихрь'.

Слово представлено также в туркм. диалектах (*түв°рой* - сарык. Аман.ТД 255, Нарт. 69; *тев°орей* - эрсарин. ТДЭД 229), каракалпакском (*дубелей*) и узбекском говорах Каракалпакии (*дубэлэй* - Иш.ҚҰШ 98) со значениями 'вихрь' - во всех источниках, 'шквал, смерч ураган' - ккал.; 'буря' - уз.диал.

На первый взгляд, *түв°елей* можно сопоставить с шор. *түлек* 'буря' (Верб. 386, к.), *түйлек* 'сумасшедший; вихрь, буря' (Верб. 382, Р Ш 1529) или аз.диал. *түлех* 'ветер' (АДГГ 242).

Шор. *түлек*, *түйлек* зафиксированы в ГАЯ (словарь) 7 как *йүүлгек*, *йүүлек* 'буря' (там же: алт. *йүүлгек* 'бесноватый' и на с. 180: *йүүлгек* 'сумасшедший, подверженный падучей болезни'; конд. 'буря') и восходят к глагольной основе *түл- ~ түл- ~ д'үл-* 'бесноваться, сходиться с ума' (см. о ней Räs.VEWT 213a).

Аз.диал. *түлех*, вероятно, тождественно лит. *күлек* 'ветер', кум.диал. *күлек* 'сильный ветер' (Кер.ОКД 50). Аналутный *т-* мог быть как результатом фонетического изменения *к > т* (см., напр., Ряс.132), так и следствием табуирования (ср. гаг. *сакырга* 'смерч, вихрь' вместо общетюрк. *қасырга*). Таким образом, *түв°елей*, *түлек* и *түйлек* ~ *күлек* фонетически не сводимы.

Турк. *түв°елей* ~ *түв°рой*, возможно, является продуктом адаптации перс. *دېر پری*, дословно 'дивы [и] перн'.

В пользу этого предположения говорят следующие факты: а) перс. *دېر پری* 'вихрь, ураган' (Гаф. I 360), букв. 'ветер - злой дух', т.е. использование названия злого духа в наименовании вихря (ср. семантическую структуру кбал. *шайтан жәл* 'вихрь, смерч'; к синонимии *шайтан* и *пәри* ср. баш.диал. *биргүмәләк* ~ лит. *шайтан күбәләк* 'ночная бабочка' - Бһһ III 37); б) баш.диал. *диө°әрй*,

дэ°бирѣ 'див [злой дух]' (Бһһ III 53) восходящие к **див°* + *пери*, о чем свидетельствуют такие баш. диал. варианты, как *дйѣв° пэрѣйѣ дбйѣв° пэрѣйѣ* 'дивы и пери' (Бһһ III 53), *дэ° бирѣхѣ* (Бһһ II 69), см. еще *бэрѣй* 'бес' (Бһһ II 63), *бирѣ* 'бес' (Бһһ III 37), *бирѣд* 'бесноватый' (Бһһ II 49), *бирѣд то же* (Бһһ III 37), *ног. берли* 'глупый, дурак, сумасшедший'; в) региональный характер слова; вероятно, в каракалпакский и уз. говоры оно попало из туркменского языка; туркменско-башкирские изоглоссы субстратного (иранского) происхождения уже привлекали внимание исследователей (см., напр, работы Н.К.Дмитриева, Т.М.Гарипова); г) затемненность морфемной структуры, при этом налицо фонетические изменения как следствия табуирования названия природного явления (вихря) и попыток народной этимологизации слова (соответствия *л ~ р*, варьирование гласных и *т//д* в анлауте, подведение под словообразовательную модель с афф. *-ей* или *-лей*).

О *дев, див* в тюркских языках см. Ахмет.ОЛ, 22-23, Räs.VEWT 137a, о *пери* - Ахмет.ОЛ, 40.

2. Ккал. *сапран* (в составе *ала-сапран* 'метель').

Ккал. *сапран* имеет параллели в ряде тюрк. языков: кум. *шапыран* 'слякоть, жидкая грязь', кир. *шалбыраң* 'слякоть (ранней весной во время таяния снегов), распутица (весной)'; баш.диал. *шапран* (в составе *алашапран* 'осенне-весеннее бездорожье' - Бһһ III 20, *шпран* (в составе *алашпран то же*) - Бһһ III 20; каз. *сапыран* (в составе *аласапыран* 'распутица'), чув. *сăлпăран* 'метель'.

Наиболее архаичной формой, по-видимому, является кир. *шалбыраң*, из которой при сопоставлении с кир. *шалбырт* (в составе *ала-шалбырт* 'проталина', 'время, когда появляются проталины', 'ранняя весна') и баш.диал. *шылбырт* 'слякоть' (Бһһ II 305) можно вычленить вторичную подражательную основу **шалбыр* (> **шылбыр*), восходящую к первичному *шалп* (ср. кир. *шалп эттир* 'хлюпать, идя по грязи', туркм. *шалп шалп подраж.* хлюпанью, плеску и подтверждаемую каз. *сабыр* 'распутица' (Р IV 418).

Ала 'пестрый' = 'черно-белый' → 'серый' (см. об этом Lau. § 61) может выступать в сочетании с *қар* 'снег' (ср. тат. *ала қар* 'посеревший весенний снег, весна'; казан. 'весенний снег с проталинами' - Р I 352; тув. *ала хар* 'проталина; период появления проталин', баш.диал. *алагар* 'время, когда снег, оставаясь там и сям, становится серым' - Бһһ I 19).

Таким образом, *ала* в составе *ала шалбырт*, *ала шалбыраң*, *ала-сапран* первоначально обозначало 'проталина; пестрый/серый подтаявший снег', а *шалбыраң*, *сапран* 'весенняя грязь'. Позднее *ала шалбыраң* получило и временное значение: 'время, когда появляются проталины и грязь, время распутицы'. Вот как характеризуется *аласапран* '(пестрый) февраль' в одном из этнографических источников: «Появляются проталины на солнце по вершинам бугров, от

куда сдуло снег ветром» (см. Куфт. Календ, 136). На значения ккал. *ала-сапран* 'метель; суматоха, неразбериха' могли повлиять сочетания *ала* с именами, обозначающими бурю, ураган и другие стихийные бедствия: ср., напр. кум. *алатан* 'ураган, буря' (*топан* 'потоп, шторм'), кир. *ала тополоң* 'сумятица' (*тополоң* 'переполох, паника, суматоха'), турк. *алатозан* 'гучи пыли' (*тозан* 'пыль'), чаг., тар., вост.-тюрк. *ала чапкун* 'ветер с дождем и снегом' - Р I 352 (уйг. *чапкун* 'метель').

О чув. *сәлтәран* 'ненастье, метель, распутица' писал В.Г.Егоров (Егор. 181), сопоставляя его с ккал. *ала-сапран*, и в то же время возводя к чув. *шәл* 'мети' + *пәран* 'буран'. Последнее предположение следует отклонить из-за морфологических и семантических трудностей. Фонетически *сәлтәран* сопоставимо с **шалбыран* ~ **шәлбыран*, но нуждается в объяснении начальный *с*. Судя по такому примеру, как чув. *сәлтәрка* ~ *шәлтәрка* 'несмелый' (Аш. XI 243), в чувашских говорах возможно соответствие начальных *с* ~ *ш*.

3. Ног. *сазар*- 'быть мрачным, скучать'.

У ног. глагола есть соответствия в других кыпчакских языках: кир., каз., ккал. *сазар*- со значениями 'пожелтеть' - кир., 'побледнеть' - каз. (Р IV 398); 'лобствовать' - кир.; 'упорствовать от злости' - каз. (Р IV 398); 'быть мрачным, принять суровый вид' - каз., ккал.

Сазар- образован по той же модели, что и *бозар*- (напр., каз. *бозар*- 'сереть, бледнеть', см. Сев. АГ 249), от основы **саз*- с цветовым значением при помощи афф. *-ар*. Глаголы со значением 'изменяться в цвете' часто имеют также семантику 'проявлять различные эмоции', ср., напр., аз. *бозар*- 'сереть, блекнуть, терять окраску; грубить', тур.диал. *bozar*- 'сделать кислое лицо' (DS II 749), кум. *бозар*- 'ждать с томлением, тоской'.

Основа **с:аз*- 'пожелтевший, серый, бледный', вероятно, производная от *саз* *'цвет болотистой почвы' ← 'болотистая почва' представлена в турк. *сазмык* 'сероватый', тур. *саз* в составе *саз бенизли* 'очень бледный' и кир. *саз* в составе *өңү саз* 'с пожелтевшим лицом'.

4. Хак.саг. *арча* 'приданое'.

Это слово привлекло внимание в связи с попыткой М.Рээнена (Räs.VEWT 24b) рассматривать его в одном ряду с *арча*, *аржа*, *эржә* 'сундук'.

Из доступных источников *арча* 'подарок невесте, приданое' и т.п. отмечено В.И.Вербицким (Верб. 28: аб. *арча* 'подарок за будущую жену: вино, мясо, масло') и В.В.Радловым (Р I 303: койб., сой. *арза* 'приданое', Р I 322-324: саг. *арча* 'подарок невесте: вино, мясо, масло').

В поддержку сближения, предложенного М.Рээненом, можно привести тат.диал. *аш сәндәгәй* 'сундук, в котором родители жениха везут угощение для

свадьбы' < *аш* 'еда, угощение' + *сѣндѣк* 'сундук' + *ы* - афх прин. 3 л. (см. Хайрут.ОЛ 122); несколько иное значение у баш.диал. *ашарба* и *сантык-арба* 'телега с приданным невесты' (Бһһ II 35)

Синонимия *эржэ* и *сандык* (~ *сѣндѣк*), отмеченная в татарском (см., напр. ДТС 547, где *эржэ* толкуется как *сандык* МТД 53, ИЛ 98), подкрепляет предположение о возможности былого существования в хакасских говорах сочетания слов **ас арча*, тождественного по семантике тат. *аш сѣндѣк*.

5. Алт. *ака* 'конь, опередивший других в беге'.

Это слово попало в словари В.И.Вербицкого (Верб. 462: тел. *ака* 'наилучший, превосходный') и В.В.Радлова (Р I 109: тел. *акка* 'выдающийся, отличный'). В.В.Радлов (Р I 145) приводит и его кир.-каз. параллель *ага* 'влиятельный; лучше, больше, сильнее'.

Вероятней всего алт. *ака* ~ каз. *ага* появились в результате редеривации из тюрк. глагола *акала* ~ *агала*, представленного тел. *аккала* 'отличаться, превосходить, быть лучше' (Р I 109), алт. *акала* 'превосходить, опережать', тел. *акала* 'взять верх' (Верб. 462), 'превосходить, предвосхищать, опережать; занимать место' (Верб. 12), куман. *акала* 'превосходить, опережать' (Баск Кум. 199), каз. **агала* в составе *агалап шык* 'одолесть всех', *агала* 'достичь победы' (ҚТТС I 51). Тюрк. глагол восходит, судя по его семантике, к монгольскому источнику (в тюрк. языках от *ага* ~ *ака* 'старший [брат, родственник]' образованы глаголы с другими значениями): ср. письм.-монг. *ахала* 'быть старшим, главным; господствовать; превосходить; быть лучше'; халх. и монг. *ахлах* 'быть старшим; превосходить' (Тод.ЯМВМ 116), но уз. *акала* 'почтительно обращаться к кому-л.', кир. *агала* 'почтительно называть *ага*'.

Как видно по семантике алт. *ака* 'конь, опередивший других в беге', на алтайской почве могло произойти семантическое сближение *ака* и с монг. глаголом *акі* со значением 'делать успехи, прогрессировать, двигаться вперед; возрастать' (Less. 25). Особенно показательна семантика бур. *ахиха* 'постепенно опережать; мало-помалу обгонять, продвигаться вперед' и *ахиба ахиба!* *возглас на скачках* 'обгоняет, обгоняет!'.

В.В.Радлов (Р I 109) сравнил тел. *акка* с *ак* 'белый', что явно неправомерно. Э.В.Севортян (ЭСТЯ [1974]) в словарной статье *а:га* 'старший брат' упомянул каз. значение 'большой, большая часть'.

6. Уйг. *ураңги* 'клен'.

Соответствия уйг. *ураңги* 'клен' выявлены рядом исследователей (см. Räs.VEWT 522b, Оч. 191, Дм.-Сал. НД 32), но могут быть дополнены. Помимо тат. *ѓраңѓ*, кбал., кум. *урге*, чув. *вѓрене* надо привести уйг. лексему, не упомянутую в названных источниках, и тат.диал. *ѓргѓ* (ДСТ 554). Этимология *ураңги*

не установлена. Обычно для сравнения привлекают каз. *уйәңдә* 'вид ивы', тат., баш. *өҗәңдә* 'ива' (см Егор. 52 Räs. ук соч.); см. еще баш. диал. *өҗәңдә* 'шест', 'вид тальника' (Бһһ II 191), *өҗәңдә тал* 'ива' (Бһһ I 170); 'куст, ветла' - (Бһһ III 149); тоб. *уйәңи* 'ива' (Р I 1815, Тум. СДСТ 228). Ю. Дмитриева-Саланган (см. ук. соч.) высказала предположение о звукоподражательном характере слова, возводя его к **ур-* 'дуть'.

Нам кажется более достоверной производность *урәңдә* от той же корневой основы, что и др.-тюрк., як. *үрүң*, халадж *hurün* 'белый, светлый'.

Обычно в тюрк. названиях клена выступают слова-определители со значением 'белый', ср. тур. *акса ағас* 'клен' ← 'беловатое дерево', уз. *ақ чечәк* 'клен' ← 'белые цветы', тат. *чаган*, баш. *саған*, тоб. (Р IV 191) *цаган ағас* 'клен' ← монг. *сайан*, *сайауан* 'белый'.

7. Карaim. *абут* 'шаг'.

Карaim. *абут* имеет параллели в ног. и кум. языках: *абыт*, *абат* 'шаг' (см. также тур. диал. *abut* 'шаг' - DS I 35).

Абут, *абыт* образованы по модели отглагольных имен с аффикс. *-т* (см. о нем Сев. АИ 279 и сл.) от корневой основы **абу-* **абы-*, реальность которой подтверждают тур. диал. *абиç* 'шаг' (DS I 22), ног. **абыт-* в составе *абытхыла-* 'перешагивать' (*кыла-* - аффикс со значением многократного действия), карк. *абуң* 'спотыкаться', бал., тат., баш. *абың* 'спотыкаться, оступаться'.

Кум. *абат* может быть производным от основы **аба-*, которая сохранилась в тур. *abanla* < *aba+an+la* 'шагать, измерять широкими шагами', тур. диал. *абаппа-то же* (DS I 9).

К корневой основе **абы-*, возможно, относится тат. диал. *абың* в *абың-төбән* 'спотыкаюсь' и, что менее вероятно, *абыр-* 'гнать' (ДСТ 18).

Литература

- АДГГ - Азербайжан дилинин гәрб групу диалект вә шивәләри. Бақы, 1967.
Аман.ТД - *Амансарыев Ж.* Түркмен диалектологиясы. Ашгабат, 1970.
Ахмет.ОЛДК - *Ахметьянов Р.Т.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.
Аш. - *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка, вып. I-XVII. Казань - Чебоксары, 1928-1950.
Баск.Кум. - *Баскаков Н.А.* Диалект кумандинцев (куманды-кижи). М., 1972.
Бһһ - Башкөрт һөйләштәренең һүзлеге, т. I-III. Өфө, 1967-1987.
Верб. - *Вербицкий В.* Словарь алтайского и аладского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
ГАЯ - Грамматика алатайского языка. Казань, 1869.

Гаф. - *Гаффаров М.А.* Персидско-русский словарь, т. I - М., 1914, т. II - М., 1927.

Дм.-Сал.НД - *Дмитриева-Салонтай Ю.* Названия деревьев в чувашском языке // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980.

Егор. - *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

ИЛ - Исследования по сексии и грамматике татарского языка. Казань, 1986.

Иш.ҚЎШ - *Ишаев А.* Қорақалпоғистондаги ўзбек шевалари. Тошкент, 1977.

Кер.ОКД - *Керимаов И.А.* Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967.

ҚТТС - Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі, т. I. Алматы, 1974.

Куфт.Календ. - *Куфтин Б.А.* Календарь и первобытная астрономия киргиз-казацкого народа // Этнографическое обозрение. 1916, № 3-4. М., 1918.

МТД - Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1988.

Нарт. - *Нартыев Н.* Түркмен дилиниң сарык диалекти. Чэржев, 1959.

Оч. - Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л. 1972.

Р - *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий, I-IV, СПб., 1893-1911.

Ряс. - *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.

Сев.АГ - *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.

Сев.АИ - *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.

ТДӘД - *Аннануров А. и др.* Түркмен дилиниң әрсары диалекти. Ашгабат, 1972.

Тод.ЯМВМ - *Тодаева Б.Х.* Язык монголов внутренней Монголии. М., 1981.

Хайрут.ОЛ - *Хайрутдинова Т.Х.* Образная лексика в говоре златоустовских татар // Исследования по татарскому языкознанию. Казань, 1984.

ЭСТЯ - Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, 1978, 1980, 1989.

DS - *Türkiye'de halk ağzından derleme sözlüğü, I.* Ankara, 1963.

Lau. - *Laude-Cirtautas I.* Der Gebrauch der Farbenbezeichnungen in der Türk-dialekten. Wiesbaden, 1961.

Less. - *Lessing F.D.* Mongolian-English Dictionary. Berkley and Los-Angeles, 1960.

Räs.VEWT - *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk-sprachen. Helsinki, 1969.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗОМОРФИЗМА ПРАТЮРКСКОЙ И ПРАИНДООЕРОПЕЙСКОЙ ГЛАГОЛЬНЫХ ПОДСИСТЕМ

Среди задач современной компаративистики, связанных с проблемами хронологической стратификации реконструируемых праязыковых состояний, значительное место занимает вопрос об установлении ретроспективы последовательных преобразований реконструированных морфологических подсистем. По общему мнению, данная процедура оказывается возможной в результате совмещения приемов внутренней и сравнительной реконструкции, т.к. моделирование подсистем, не сохраненных ни одним из засвидетельствованных языков, фактически осуществляется благодаря наличию «остаточных» форм, малых парадигм, дисперсных рядов, которые и представляют собой наследие предшествующих состояний системы. В настоящей статье вопрос об интерпретации грамматических оппозиций в подсистеме глагола, которая с учетом данных относительной хронологии реконструируется как система со снятой временной и модальной категориальностью, рассматривается применительно к восстановленным тюркским и индоевропейским архетипам. Анализ грамматических противопоставлений в пределах реконструируемых глагольных подсистем осуществляется на основании дистрибуции парадигм, представленной в моделируемых фрагментах пратюркского и индоевропейского языкового состояния.

По мнению ряда тюркологов [Баскаков, 1979, 33–34; Кормушин, 1988, 97–100; Насилов, 1963, 73–75; Нигматов, 1970, 53–55; Серебренников, 1976, 159; Тенишев, 1971, 15], на основании данных, полученных при помощи внутренней и сравнительной реконструкции, можно предположить, что в основе глагольной парадигматики общетюркского лежала оппозиция форм *Rāi /-Rāi*... (где *R* - любой корень), квалифицированных впоследствии как формы прошедшего абсолютного, ср. орх. *bardi* 'он пошел', тур. *okudu* 'он (про)читал', тат., башк., тув. *алды* 'он взял' и т.д., и образований *R_∞*, закрепленных в современных тюркских языках за обозначением настоящего-будущего времени, ср. тур. *okur* 'он читает', *uzar* 'он пишет'; тат. *алыр* 'он возьмет', туркмен. *окаяр* 'он читает', *гидйар* 'он идет'.

Так, Б.А.Серебренников писал: «Изучение глагольных времен в современных тюркских языках позволяет установить, что некоторые из этих временных форм встречаются почти во всех тюркских языках. Например, время, характеризующееся показателем *-р* и имеющее в одних языках значение настоящего времени, а в других - будущего, встречается во всех тюркских языках, за исключением чувашского. Нет ни одного тюркского языка, где бы не было прошедшего времени на *-ды*. Эти обстоятельства дают возможность выделить этот древ-

нейший пласт и проецировать его в прошлое в эпоху, предшествующую образованию отдельных тюркских языков» [Серебренников 1961 214]

Разумеется, факт распространения указанных форм в современных тюркских языках сам по себе еще не является достаточным основанием для отнесения последних к эпохе праязыкового состояния, ибо далеко не всякое общетюркское явление есть явление пратюркское. Постулирование оппозиции *Rr/Rdr*, формирующей глагольную подсистему пратюркского, предусматривает прежде всего наличие системных отношений, связывающих обе парадигмы как по линии основ так и по линии окончаний

Что касается морфологии абстрактных основ *Rr/Rdr*, то установление маркированного члена оппозиции в данном случае наталкивается на определенные трудности. Так как тюркские языки в отличие от индоевропейских не практикуют чередования по аблауту, предпочитая аффиксацию в качестве универсального основообразующего средства, определить сильный (маркированный) член оппозиции в условиях, когда оба члена представлены вторичными, суффиксальными образованиями, весьма непросто учитывая постулированный классической компаративистикой приоритет формального критерия. Однако разделяемое большинством тюркологов мнение об изначальной маркированности формы на *-di*, представленной во всех без исключения древних, средневековых и современных тюркских языках, подкрепляется соображениями, основанными на способе доказательства «от противного»

В тюркологической литературе неоднократно отмечалось, что форма на *-r*, представляющая собой древний слой презентной части глагольной системы, в ранний период пратюркского являлась факультативной, сосуществуя рядом с функционально аналогичной ей формой, основа которой равнялась первичному корню [СИГТЯ, 1988, 423]. «Возможно, - писал Б.А.Серебренников, - что наряду с формой на *-r* существовало какое-то ныне утраченное настоящее время, образуемое с помощью личных окончаний, прибавляемых к корню глагола непосредственно.» [Серебренников, 1961, 214]. Указанную позицию разделяет в своей работе «Системы времен глагола в алтайских языках» и И.В.Кормушин, подчеркивая, что такой морфологический тип презенса - без специального форманта - также восстанавливается в числе пратюркских примарных форм настоящего-будущего времени глагола [Кормушин, 1984, 36-39].

Следовательно, если рассматривать образования на *-r* как результат филиации основ, усвоивших суффикс, от формально не охарактеризованных основ с аналогичным либо подобным значением, то реконструкция *r*-форм в качестве немаркированного члена оппозиции *Rr/Rdr* становится очевидной. С другой стороны, гипотеза о существовании в предыстории тюркских языков формы со статусом предикативности, которая, не обнаруживая особых морфологических показателей, неизбежно должна была обладать диффузным характером, позволяет соотнести данную форму с категорией инъюнктива, сохранившейся

как глубокий архаизм только в Ведах и Авесте и исчезнувшей во всех прочих индоевропейских языках, включая хеттский.

Известно, что инфинитив, представленный системой ведического санскрита и оформленный как безаугментный аорист либо имперфект (ср *mā bharaḥ!* 'не носи!'; *dadāti śarat* '(Агни) дает . проходит), справедливо рассматривается в качестве категории, предполагающей особое отношение к темпоральным и модальным градациям. Прежде всего это связано с тем, что, будучи образованной по модели «чистая основа + вторичное личное окончание (далее - ВО)», форма инфинитива не содержит каких-либо указаний на модальную и временную отнесенность, ибо квалифицировать тематическое распространение как грамматически показатель, по-видимому, не представляется возможным, а присутствие ВО не избавляет от сомнений в том, что серии **m*, **s*, **č*, призванной «персонализировать» действие, имманентно присуща и способность к временной дифференциации.

Вместе с тем любопытно, что беспризнаковый в формальном отношении инфинитив способен демонстрировать грамматическую поливалентность в составе высказывания, что неоднократно служило предметом специального анализа [Елизаренкова, 1960, Gonda, 1956; Hahn, 1953]. Наряду с контекстуально представленной семантикой императива, субъинитива (сослагательности), опатива инфинитивные образования обнаруживают синкретизм темпоральных значений, который проявляется в том, что, обладая способностью выражать прошедшее время, инфинитив может обозначать настоящее (ср. *achā kavim ṛtmano gāh* 'к мудрецу, мужественный, идешь' [Савченко, 1974, 293]), а при «выключенности» актуально-презентного плана способен принимать и панхроническое значение, т.е. обозначать действие, совершающееся постоянно, без ограничений каким-либо временем, (например, в текстах ритуального содержания: *ghṛtasya dhārāḥ samidho nasanta* 'струи масла касаются дров' [Gonda, 1956, 40-41]).

Анализ тюркских письменных памятников древних веков, а также памятников Средневековья позволяет предположить, что образования на *-r*, давшие начало презентной части тюркской глагольной системы, по всей видимости, типологически соответствовали индоевропейскому инфинитиву с его контекстуально обусловленной семантикой. Примерами этому могут служить случаи употребления *-r* форм в «Памятнике в честь Тоньюкука», грамматическая интерпретация которых (настоящее актуальное? настоящее безотносительное? будущее?) возможна только в условиях контекста:

«*Nākā tāzār biz, üküs tijin: nākā qorqur biz, az tijin...*

'[А я так говорю...:] Зачем нам бежать, говоря (их) много. К чему нам бояться, говоря (нас) мало...' (Тон. 38-39) [Малов, 1951, 63-68]

Глагольная форма *tāzār biz* 'мы (по)бежим', - пишет И.В. Кормушин, - выражает здесь значение будущего действия, поскольку в момент речи происхо-

дит совет военачальников, которые призывали повернуть назад, Тонькокук ушевает их, поэтому форма *qorqur biž* относится к данному моменту - совету военачальников, на котором те высказывают свои опасения» [Кормушин, 1984, 18].

Нетрудно заметить, что выявление отчетливого изоморфизма в морфологии образований, не имевших специальных показателей, а потому грамматически диффузных, предоставляет возможность соотнести между собой и противочлены оппозиций, формировавших соответственно парадигматику пратюркского и праиндоевропейского глагола, а именно: общетюркский претерит на *-di/-di*, сохранивший свидетельства своего некогда перфектного прошлого и индоевропейский перфект типа **noida* 'я узнал и теперь знаю' с реконструируемым значением действия, замкнутого пределом, а также состояния.

В пользу выдвигаемого предположения говорят следующие факты:

1. В некоторых тюркских языках, в частности, северо-восточных, являющихся архаичными по целому ряду признаков, семантический потенциал формы на *-di* пережиточно сохраняет значение *результативности* (курсив наш - М.А.) свершившегося действия. Так, описывая семантику данной формы в тофаларском, В.И. Рассадин отмечает следующее: «Основным значением формы прошедшего времени на *-dy/-di* в тофаларском языке является передача совершившегося в прошлом действия, в достоверности которого говорящий не сомневается. Как правило, действие это однократное, только что совершившееся, и результат его иногда мы еще наблюдаем, например. *уруг сунду* 'ребенок побегал' (он это сделал на наших глазах и мы еще видим, как он бежит); *буламчжы булады* 'пыль поднялась (на наших глазах); *булди́м* 'я понял' [Рассадин, 1978, 210];

2. Кроме того, семантическая интерпретация *di*-форм на этапе раннепратюркского состояния как перфекта оказывается возможной благодаря характеру личной аффиксации, а именно аффиксам принадлежности. О том, что показатели посессива напрямую не возводятся к соответствующим личным местоимениям, являясь, вероятно, автономным способом маркировки носителя действия, писалось неоднократно [Дмитриев, 1956, 32; Кормушин, 1984, 16; Серебренников, 1971, 108], и не случайно факт противопоставления аффиксов посессива аффиксам предиката связывался с наличием в реконструируемой модели пратюркского двух типов синтаксических конструкций: посессивной и номинально-предикативной [Поцелуевский, 1946, 3-7]. Вместе с тем представляется сомнительным, чтобы изначально посессивность соотносилась с принадлежностью как таковой, ибо первичной функцией инкорпорлируемых в состав словоформы личных показателей оставалось выражение предикативных отношений (ср. конечная позиция для тюркских языков - достаточно строго фиксированная позиция предиката). Но поскольку обозначение агенса в условиях грамматически аморфных образований со значением пре-

дельности-результативности действия не могло состояться путем простого примыкания, для того, чтобы соотнести результат с субъектом действия, требовалось присоединить соответствующий притяжательный аффикс.

В данной связи небезынтересным представляется сопоставление двух серий окончаний праторкского глагола (аффиксов предиката ед ч 1л. **-nam*; 2л **-sam*; 3л. *Ø* и аффиксов принадлежности ед.ч. 1л. **-(i)m*; 2л **-(i)s*; 3л. **-(i) [*-ci]*) [см. Щербак, 1981, 171] соответственно с двумя сериями индоевропейской глагольной флексии, одна из которых (с показателем **-t* для 1-го лица, **-s* для 2-го и **-t* для 3-го) оформляла иньонктив, а вторая (с аффиксом **-Ha* для 1-го лица **Ha* для 2-го и **-e* для 3-го) – перфект. Как известно, в индоевропейстике лишь окончания первой серии относительно непротиворечивым образом связываются с соответствующими личными местоимениями (ср. реконструируемую основу местоимения 1 л. **me*, а также предлагаемую на основании данных анатолийских языков версию, согласно которой первоначальным окончанием 2 л. было **-t* (resp. **tu* ‘ты’), а третьего *-s* (ср. хетт. *dais* ‘он полужил’); сложившееся же на реконструируемом уровне обратное соответствие: **-s* – 2 лицо, **-t* – 3 лицо – результат более поздней рекомбинации [Семереньи, 1980, 43-344]).

Что касается вопроса об архетипе перфектной флексии, то исключительная древность последней, а также отсутствие четких формальных критериев, по которым можно было бы соотнести окончания перфекта с иными языковыми формами, заставляют исследователей прибегать к приемам косвенных доказательств и типологических соответствий. Так, например, с учетом известной во многих языках тенденции не выражать формально личное окончание 3л.ед.ч. трактуется окончание перфекта **-e*, свидетельствуемое греческим языком; принимая во внимание прецедент моделирования индоевропейской глагольной флексии по агглютинативному образцу, постулируется дискретность показателя 2л.ед.ч. **Ha* как конструкта, состоящего из двух элементов: *-t* (который, являясь показателем 2 лица, по-видимому, связан с соответствующим местоимением **tu*) и окончания 1л.ед.ч. **-Ha*, репрезентирующего не лицо, но категорию состояния [Савченко, 1960, 16].

Представленная по необходимости схематично система доводов в пользу различных источников образования двух рядов личных глагольных показателей в праиндоевропейском в общих чертах оказывается применимой к трактовке процесса формирования грамматической оппозиции аффиксов предиката и посессива в праторкском.

По сути дела, проблема двойственности личных показателей тюркского глагола сводится к «вычислению» статуса аффиксов принадлежности, ибо материальное совпадение аффиксов предиката и лично-местоименных форм (ср. каз. *алмын* ‘беру’ – *алсың* ‘берешь’ при местоименном архетипе **бди* ‘я’ – **сди* ‘ты’) не оставляет сомнений в их этимологическом тождестве. Так, одни

исследователи трактуют аффиксы посессива как редуцированную ступень аффиксов предиката [Brockelmann, 1951, 74 Räsänen, 1957, 20; Щербак, 1981, 18], другие, принимая во внимание именной характер образований на *-i*, связывают аффиксы принадлежности с притяжательными суффиксами, дифференцируя таким образом местоименные и аффиксальные прототипы, сформировавшие соответственно два ряда личных окончаний тюркского глагола [Серебрянников, 1971, 108]. Не претендуя на окончательное решение представленной проблемы, следует лишь заметить, что реконструкция оппозиции в основе глагольной парадигматики пратюркского имплицитно предполагает функционирование *морфологически описанных форм*. В таком случае, проецируя в языковое состояние оппозицию аффиксов предиката аффиксам принадлежности, резонно предположить, что тюркские аффиксы посессивной серии возникают не в результате редукции лично-местоименных формантов, а появляются *вместе с ними*.

Несколько упрощая проблему дублетности архетипов, переживших формализацию, очевидно, в рамках эпохи, предшествующей реконструируемому состоянию и на доступной для реконструкции стадии воспринимаемых как парадигматические ряды личных окончаний, можно предположить, что функционирование в структуре праиндоевропейского и пратюркского глаголов категории способа действия, а не времени, спровоцировало морфологическую оппозицию по актантному признаку и в пределах флексии, предоставив прономинальные элементы в распоряжение форм, описывающих активного участника ситуации. Что же касается образований, соотнесенных с инертным, пассивным субъектом, то принимаемые ими аффиксы могли быть ориентированы на персональность лишь косвенно, означая, возможно, не собственно лицо, а *отношение к определенному лицу* [ср. Акбаев, 1976, 5-9].

В связь с этим явлением может быть поставлено одно интересное обстоятельство более широкого плана, характеризующее специфику представления в языке субъектно-объектных отношений. Имеется в виду тот факт, что в тюркских языках отсутствие форм настоящего времени глагола-связки *быть* предположительно имплицитно определяется именно наличием системы притяжательных аффиксов [Серебрянников, 1974, 297]. Неожиданная на первый взгляд дистрибуция обоих явлений объясняется функциональным изоморфизмом посессивных показателей формам настоящего времени связочного глагола. Иными словами, речь идет о своеобразном «составном сказуемом», в котором посессивные показатели выполняют функцию приименной связки.

Любопытно, что данная импликация, постулируемая для тюркских (а также уральских и семитских) языков, оказывается весьма показательной в отношении языков индоевропейских, т.к., по некоторым предположениям, в праиндоевропейском отсутствовал связочный глагол [Мейе, 1938, 291; Иванов, 1965, 266-267], что в известном смысле является точкой соприкосновения с

системой формально-грамматических средств, оформляющих предикативные отношения в перечисленных языках. В таком случае, возвращаясь к проблеме архетипа и первоначальной функции индоевропейских показателей перфекта, а также учитывая дискретный характер последних, возможно, с большей или меньшей степенью вероятности прийти к заключению о типологическом соответствии праиндоевропейских и пратюркских перфектных формантов, изначально являвшихся автономными показателями предикативности в составе нефинитных по происхождению перфектных форм.

Таким образом, проведенный на доступном современной лингвистической науке эмпирическом материале сопоставительный анализ условий формирования парадигм и парадигматических рядов позволяет не только выявить сходные в формальном и функциональном отношении морфологические оппозиции в рамках глагольных подсистем общиндоевропейского и общетюркского, но, исходя из существующих по традиции определений «флективности» и «агглютинативности» заключить, что в плане диахронических трансформаций граница между флективным и агглютинативным морфологическими типами оказывается более, чем условной, если не сказать, что ее совсем нет.

Как известно, гипотеза о системной близости языков архаической структуры имеет достаточно широкое распространение в современных историко-типологических штудиях. Не обсуждая сложившиеся в отечественном и зарубежном языкознании точки зрения, сошлемся в данной связи на принадлежащие Р.О.Якобсону рассуждения о «целеустремленности» языкового развития:

«Как сопоставление расхождений в жизненном пути обособившихся языков, так и обследование сходных форм эволюции – так называемых *к о н в е р г е н ц и й* равно бросают свет на целестремительность языковых видоизменений. Но конвергентная эволюция языков родственных – лишь частный случай. В круг очередных лингвистических проблем вовлекается вопрос о схожих чертах в эволюции смежных языков разного происхождения.

Все отчетливее обнаруживается, что и при совершенно разнородных исходных точках возможна значительная общность путей развития: разными средствами из несхожего материала создаются однотипные построения. Возле традиционного понятия *е д и н о р о д н ы х* языков проясняется понятие *языков е д и н о у с т р е м л е н н ы х* (разрядка автора) [Якобсон, 1962, 144].

Литература

1. Акбаев Ш.Х. К вопросу о происхождении посессивных аффиксов в тюркских языках // Тюркологические исследования. М., 1976.

2. Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979.

3. *Дмитриев Н.К.* Категория принадлежности // ИСГТЯ, ч.2 Морфология М., 1956.
4. *Елизаренкова Т.Я.* Аорист в Ригведе. М., 1960.
5. *Иванов Вяч. Вс.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.
6. *Кормушин И.В.* Системы времен глагола в алтайских языках. М., 1984.
7. *Кормушин И.В.* Праязык: ближняя и дальняя реконструкция // СИИЯРС: Теория лингвистической реконструкции. М., 1988.
8. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности: (тексты и исследование). М.-Л., 1951.
9. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938.
10. *Насилов В.М.* Древнеуйгурский язык. М., 1963.
11. *Низматов Х.Г.* Соотношение категорий времени и наклонения в тюркском глаголе (по материалам словаря Махмуда Кашгарского) // СТ, 1970, №5.
12. *Поцелуевский А.П.* Проблемы стадиально-сравнительной грамматики тюркских языков. 1. Посессивные предложения и проблема генезиса личных форм имперфекта // Известия Туркменского филиала АН СССР. 1946, №№3-4.
13. *Рассадин В.И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.
14. *Савченко А.Н.* Проблема происхождения личных окончаний глагола в индоевропейском языке. Ростов-на-Дону, 1960.
15. *Савченко А.Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.
16. *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
17. *Серебренников Б.А.* Методы изучения истории языков, применяемые в индоевропеистике и тюркологии // Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Ашхабад, 1961.
18. *Серебренников Б.А.* Тюркологические этюды // Вопросы тюркологии. Баку, 1971.
19. *Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
20. *Серебренников Б.А.* Значимые детали // Turcologica. Л., 1976.
21. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: (Морфология). М., 1978.
22. *Тенишев Э.Р.* К понятию «общетюркское состояние» // СТ. 1971, №2.
23. *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1981.
24. *Якобсон Р.О.* К характеристике евразийского языкового союза // Jakobson R. Selected writings. Vol. I. Phonological studies. s'Gravenhague, 1962.

25. *Brockelmann C.* Ostturkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, I Lief. Leiden, 1951.
26. *Gonda J.* The Character of the Indo-European Moods. Wiesbaden, 1956.
27. *Hahn E.A.* Subjunctive and Optative. Their origin as futures. New York, 1953.
28. *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957.

СОКРАЩЕНИЯ

- ИСГТЯ - Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков (Москва),
- СИГТЯ - Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков (Москва),
- СИИЯРС - Сравнительно-историческое изучение языков различных семей:....,
- СТ - Советская тюркология (Баку).

ФАЗЫЛ ХЮСНЮ ДАГЛАРДЖА И СОВРЕМЕННЫЙ ТУРЕЦКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

(«Язык мой турецкий - звучащее знамя мое. »)

В июле 1959 г. выдающийся турецкий поэт Фазыл Хюсню Дагларджа опубликовал в литературных и общественно-политических журналах стихотворение-манифест «Жить на уровне турецкого языка» (Türkçe katında yaşamak), в котором декларировалось новое отношение поэта к национальному литературному языку. В нем, в частности, говорилось о полном отказе от инонациональной лексики и содержалось заверение писать отныне исключительно на арятюркче, то есть на турецком языке, очищенном от иностранных заимствований. Стихотворение-манифест завершалось торжественной клятвой:

*İşte andçıyorum,
Bütün ölüler adına,
Bütün gençler, bütün doğacak çocuklar adına,
Varacağım deyişine gündüz gündüz,
Varacağım tanrıya dek,
Soluğumda soluğun.*

*Seslenir seni bana «ova»m, «dağ»ım,
Nereye gitsem bulr beni arınmış
Bir çağ ki akar ötelere,
Bir ak... ki yüce atalar, bir al... ki ulu ogullar,
Türkçem, benim ses bayrağım.*

*Памятью умерших
Я клянусь,
Клянусь
Нынешним и будущими поколениями,
Я неустанно буду постигать тайны родного языка,
Чтобы добиться его святого звучания,
Чтобы слилось мое дыхание с дыханием родного языка.*

*Зовут меня родные слова - «равнина», «гора»,
И где бы я ни был, находит меня твой чистый родник.
В будущее устремлен наш сложный и прекрасный век,
Век белый... как почтенные отцы, век алый... как сыновья,
павшие в великой борьбе.
Язык мой турецкий - звучащее знамя мое!*

Чтобы понять смысл лозунга поэта, заключенного в последней строке стихотворения необходимо остановиться на некоторых особенностях турецкой национальной традиции и на проблемах турецкого литературного языка после установления в 1923 году Турецкой Республики

Известно, что турецкая национальная традиция развивалась в двух параллельных плоскостях - классическая литература дивана рожденная во дворцах султанов, в роскошных ялы - особняках феодальной верхушки и литература народная, подчинявшаяся своим внутренним законам. Разумеется, эти две традиции не были разделены «китайской стеной», они оказывали друг на друга и определенное влияние. Однако они опирались не только на существенно различающиеся идеологические установки, на различные поэтические системы - аруз и хедже, но и создавались на различных языках: на так называемом османском представляющем собой своеобразную смесь персидского, арабского и турецкого языков, и на турецком - языке народа. Дело в том, что использованию разговорного народного языка в качестве поэтического в первую очередь мешала традиционная для дивана система стихосложения - аруз, в основе которого разделение гласных на долгие и краткие. В турецком языке такого разделения нет. Именно в этом во многом причина столь частого обращения поэтов дивана к арабской и персидской лексике. «Приняв на вооружение поэтическую систему аруз, которая создавалась в иной языковой группе и совершенно не соответствовала строю турецкого языка, поэты дивана ради создания размеров аруза вынуждены были отказаться от турецкой и обращаться к инациональной лексике», - справедливо отмечал известный турецкий литературовед и критик Рауф Мутулай. По его мнению, в результате этого возник литературный язык, доступный лишь тем, кто владел не только турецким, но и персидским и арабским языками.

В начале XX века турецкое общество постепенно отказывается от идеологии османизма и начинает интенсивно осваивать идеи буржуазного национализма, возникает объективная необходимость создания произведений на языке, доступном народу. А это было немислимо без замены аруза на хедже, систему стихосложения, принятую в народной поэзии.

Процесс обращения к национальному языку особенно усилился после образования Турецкой Республики. Только что сформировавшаяся турецкая нация, создавшая на обломках Османской империи новую социально-политическую структуру, стала ориентироваться на новые идеологические и культурные ценности. Османский язык превратился в анахронизм, ни о каком дальнейшем культурном развитии турецкого общества на его базе не могло быть и речи. Неудивительно, что в реформах Мустафы Кемаля Ататюрка, лидера буржуазно-демократической революции и идеолога ататюркизма, важное место отводилось так называемой «языковой революции», в результате которой осман-

ский язык заменился турецким, письменность перевелась с арабского на латинский алфавит, отменилось преподавание в турецких школах арабского и персидского языков. Очень популярны в Турции слова Ататюрка о том, что «турецкая нация, которая сумела защитить свою страну свою свободу, обязана защитить и свой язык от иностранного засилья».

По инициативе лидера турецкой революции в 1932 году было создано Турецкое лингвистическое общество, призванное осуществить реформы в области языка. Эти реформы имели целью очистить лексику турецкого языка от иноязычных заимствований, используя внутренние ресурсы турецкого и родственных тюркских языков, создать новую лексику и терминологию

Преобразование турецкой лексики и выработка норм общенационального литературного языка, известная под названием *озлешме* (то есть очищение от чуждых элементов) осуществлялись путем отбора генетически тюркской лексики из письменных литературных памятников (*тарам*), отбора лексики из диалектов турецкого языка (*дерлеме*), создания новых слов (*тюреме*). Следует отметить, что неологизмы, созданные посредством словообразовательных средств турецкого языка, со временем вытеснили иноязычные заимствования и значительно обновили современный литературный язык. Многие из них прочно вошли в разговорную речь.

Эти радикальные изменения, естественно, предполагали и обновление литературной языковой нормы: языком поэзии и прозы постепенно становится ары тюркче.

В становлении и развитии нового литературного языка особая роль принадлежит Назыму Хикмету – основоположнику новой турецкой поэзии, который в произведениях, написанных еще в 20-е годы, отказался от высокого, изысканного стиля, внедрил в поэзию язык улиц и городское просторечие.

Язык новой поэзии, заданный Назымом Хикметом, складывался из синтеза разговорно-бытовой речи, фольклорных элементов, османской лексики и неологизмов. По мере того как благодаря усилиям ведущих турецких писателей Нуруллаха Атгача, Саида Фаика, Орхана Вели, Октая Акбала, Мелиха Джевлета Андая и др., набирала силу «языковая революция», доля османской лексики в турецком языке постепенно уменьшалась.

Поэтому в обращении Фазыла Хюсюню Дагларджи к ары тюркче нет ничего неожиданного, оно подготавливалось всем ходом тридцатилетнего развития национального языка и в какой-то мере явилось логическим завершением процесса его обновления.

Сам поэт так объясняет вспыхнувший в нем интерес к родному языку: «Однажды слова из моих стихов обратились ко мне и сказали: «Слушай, друг, ты в одной строке пишешь турецкое слово *ышык* 'совет', а в следующей – арабское *мюсселе* 'треугольник', то говоришь *хитам* (арабское слово 'конец'), а то *анне*

'мать'. Нам - турецким словам - неуютно в окружении чужеродных слов у нас с ними не происходит «смыслового кровообращения» Если ты используешь турецкие слова *ышык* и *су* 'вода' или же *анне* и *узак* 'далеко', то по ассоциации эти слова связываются друг с другом, как виноградины в грозди. Но когда ты вставляешь в стихи чужеродные слова, то разрушаешь языковую и ассоциативную связь этой языковой грозди. Поэтому подумай и сделай свой выбор: или мы, или они». И я сделал выбор. Решил в своих стихах полностью отказаться от инонациональной лексики, хотя, честно говоря, это было нелегко». И в самом деле поэту было нелегко. Потому что речь шла не просто об отказе от чужеродных слов, но и от веками накопленного поэтического опыта, от традиционной образности, метафоричности. Одной опоры на исключительно турецкую лексику было недостаточно, надо было еще вывести из нее поэзию, причем поэзию высокую, настоящую. Фазыл Хюсюн Дагларджа, по существу, должен был создать новый поэтический язык, новую систему образов. Начиная с конца 50-х годов это становится одной из главных задач, стоящих перед ним.

Новые установки, естественно, не могли не найти отражения в творчестве поэта. После манифеста 1959 года Фазыл Хюсюн Дагларджа выпустил более 60 стихотворных сборников, написанных исключительно на ары тюркче. Фазыл Хюсюн не только употребляет новую лексику, вводя в поэтический язык «нелитературные» слова, он взрывает традиционное определение этих слов, ломая привычные значения и придавая им тот прекрасный смысл, который заключен в них. Прав поэт и критик Джемаль Сурейя, который не без основания отмечал, что именно благодаря большому таланту и целеустремленности Далгарджи ары тюркче стал языком поэтическим.

Примечательно, что Фазыл Хюсюн Дагларджа, проявляя приверженность к новой лексике и неологизмам, рекомендованным учеными-лингвистами, и сам принимает активное участие в их создании. Многие слова, впервые увидевшие свет в его стихах, впоследствии становились достоянием и других поэтов. С этой точки зрения особенно выделяется сборник стихов «Айлам», в котором даже название книги, обозначающее космическое пространство, является неологизмом.

Справедливости ради следует отметить, что столь резкое обновление поэтического языка на первых порах затрудняло понимание стихов Далгарджи. Неискушенный читатель не без усилий мог приоткрыть дверь в сложный поэтический мир художника. В какой-то мере этим можно объяснить тот факт, что такие книги поэта, как «Айлам», «Хоо» не были в то время по достоинству оценены.

Улученный ары тюркче, Фазыл Хюсюн задумал было ревизию языка ранее созданных им произведений. Однако вскоре он отказался от этой идеи. Объясняя невозможность задуманного, поэт писал:

«Ты знаешь, я очень люблю стихотворение «Берега Кызылырмака», написанное в конце 40-х годов. Так вот я решил заменить в нем некоторые старые слова. Смотрю, ничего не получается, разрушается ритмическое единство, структура произведения. Я понял, что архитектоника этого произведения создана именно этими материалами, что слова-кирпичики настолько притерлись друг к другу, что заменить их новыми невозможно, сразу же появляется выступ, разрушающий стройность линии. Несколько лет тому назад поэт А.Кадир перевел стихи Тевфика Фикрета на современный турецкий язык. И каков результат? В этом переводе осталась голая мысль поэта, но нет самого художника, его голоса, его эмоций, его образов – а без этого, сам понимаешь, нет поэта. Значит, каждое произведение надо воспринимать в контексте конкретного времени, конкретной политической, социально-культурной и языковой ситуации. Задним числом вносить коррективы в произведения нельзя. Иначе это напоминает стремление безумца перекраивать прошлое, пережитое. Прошлое надо воспринимать как оно есть – с ошибками, упущениями и достижениями. Вот почему я решил ничего не менять в своих стихах, а новые создавать исключительно на ары тюркче».

Фазыл Хюсюн Дагларджа прекрасно понимал, для того, чтобы новый литературный язык не оставался элитарным, необходима активная пропаганда ары тюркче, его широкое использование во всех сферах общественной и социальной жизни. С этой целью он в 1960 году выпускает ежемесячный журнал «Тюркче» («Потурецки»), объединивший многих известных писателей, ученых-литературоведов, лингвистов, среди которых были Конур Эртоп, А.Турхан Офлазоглу, Оздемир Асаф, Омер Асым Аксой, Исмет Сунгурбай. Говоря о задачах издания, Фазыл Хюсюн Дагларджа писал: «Мы создали «Тюркче» с одной-единственной целью: доказать, что на ары тюркче можно писать и художественные произведения, и статьи на любую тему». Сторонники ары тюркче утверждали, что нет понятий, которых нельзя было бы выразить чисто турецкими словами. Эта же мысль декларируется Далгарджой в стихотворении «Наше голодное богатство». «Если мы злоупотребляем чужеродными словами, то это происходит потому, что мы плохо знаем свой родной язык. Мы обязаны постоянно работать в этом направлении и обогащать свою речь».

В свой первый приезд в Советский Союз в 1969 году Фазыл Хюсюн Дагларджа выразил желание встретиться не только со своими коллегами-писателями, но и тюркологами-лингвистами. Во время встреч с учеными поэт неизменно задавал им один и тот же вопрос – какими словами древние турки выражали свою благодарность. Дело в том, что после принятия ислама турки огузской группы заимствовали у арабов форму благодарности – *тешекюр*, то есть 'благодарю'. правда, у тюрков есть своя форма благодарности – *саг ал* 'будь здоров'. Однако функциональная сфера этой формы несколько ограничена.

В то время никто из ученых не мог ответить на вопрос Фазыла Хюсюню. Оставили его этот вопрос, без ответа и турецкие лингвисты. И тогда Дагларджа учредил достаточно высокую денежную премию для присуждения тому, кто найдет исконно тюркскую форму благодарности. По сей день эта премия ждет своего хозяина. Это наглядный пример того, какое большое значение придает Фазыл Хюсюню развитию национального литературного языка.

Начиная с 60-х годов проблемы национального языка переходят из чисто филологической в идеологическую и политическую сферы. Неудивительно, что время от времени в стране разгораются бурные дискуссии, в которых принимают участие непримиримые идеино-политические противники. Ученые, журналисты, писатели, общественные и политические деятели правого, консервативного толка выступают против «языковой революции», против изменений в структуре и лексике турецкого языка, происшедших за последние десятилетия. Поддержанные правой прессой, они настаивают на сохранении так называемого «живого турецкого языка» («йашайан тюркче»), в словарном составе которого много арабо-персидской лексики. По их мнению, посредством такого языка осуществлялась бы преемственная связь с культурной традицией Османской империи. «Все мы, выступающие против беспорядков в языке (т.е. против «языковой революции» – Т.М.), не должны забывать следующее: существует магистральная политика, направленная на то, чтобы оторвать турецкую нацию от ее прошлого, от ее культурного богатства и создать пропасть между поколениями», – писала журналистка Назлы Ылыджык. Отвергая эти и подобные обвинения, сторонники «языковой революции» – демократически настроенные литераторы и ученые – настаивают на необходимости освободить литературный язык от многовековых иноязычных наслоений и обновить его за счет собственных внутренних ресурсов, считая, что турки должны обладать своим национальным языком. По их мнению, именно язык является самым уязвимым местом классической культуры. «Мы смотрели на литературу дивана как на чужую, потому что не могли понять ее», – писал критик Конур Эртоп. Сторонники процесса «озлешме» отмечали, что именно благодаря «языковой революции» значительно пополнился и обновился современный турецкий язык, многие неологизмы прочно вошли в разговорную речь.

С приходом в сентябре 1980 года к власти военных консервативные силы вновь начали широкую кампанию против Турецкого лингвистического общества, обвиняя его в «языковом анархизме» и призывая правительство немедленно закрыть это общество, чтобы очистить его от демократически настроенных ученых и писателей. Эти призывы нашли поддержку у военных властей, которые в 1983 году провели через парламент закон, юридически закрепляющий ликвидацию Турецкого лингвистического общества. Решение правящих кругов вызвало резко отрицательную реакцию у прогрессивных сил страны –

ученых, писателей, журналистов, - продолжающих отстаивать идеи Турецкого лингвистического общества и консолидировавшихся в борьбе против реакции. Чтобы придать этой борьбе организованный характер, они создали новый общественный научный центр «Лингвистическое объединение» («Диль дернеги»), основали журнал «Современный турецкий язык».

Все эти годы в Турции на различных уровнях продолжались дискуссии по проблемам языка. Созывались конференции, проводились круглые столы и семинары, обсуждалась языковая ситуация в стране. В свою очередь пресса пыталась выяснить, насколько оправдала языковая революция свое назначение. Крупнейший турецкий писатель Азиз Несин в ответе на анкету журнала «Миллет-санат», как бы выражая общее мнение прогрессивных художников, писал: «Установление республики преследовало цель изменить политическую структуру турецкого общества. Для этого необходимо было создать новую надстройку. Социальные и политические реформы в стране указали путь, ведущий к освоению западной цивилизации. Тогда-то и возникла потребность преобразовать и язык. До тех пор, пока существовал такой искусственный язык, как османский, не могло быть и речи о культурном развитии турецкого общества. Пора понять, что очищение турецкого языка от арабо-персидских наслоений происходило не по желанию отдельных лиц или какой-то группы людей, а было выражением социально-исторической необходимости. И потому те, кто выступает против процесса очищения турецкого языка, на деле выступают против культурных преобразований в Турции, против реформ Ататюрка». Сказанное Азизом Несином - наглядное свидетельство того, что проблемы литературного языка по существу превратились в арену острых идейно-политических схваток в литературе и культуре в целом. Естественно, что такой большой художник, как Фазыл Хюсюню, не мог остаться в стороне от этой борьбы. В 1986 году он выпускает книгу стихов «Кочкалма Турецкому лингвистическому обществу» (*кочкалма* - 'ода, восхваление'), в котором выражает свое отношение к проблемам родного языка, показывает, какую значительную роль сыграло Турецкое лингвистическое общество в процессе обновления языка. Именно это общество, по мнению Фазыла Хюсюню, смогло довести до логического завершения «языковую революцию»:

*Как только рассветает,
Выходят слова турецкие
Из Лингвистического общества
И направляются туда, где все еще слышны чужие слова.
Стоят они там до тех пор,
Пока не увидят их наши глаза.*

В одном из стихотворений этого сборника Фазыл Хюсюн Дагларджа высказывает мысль о том, что недостаточно любить свой родной язык, необходимо постоянно его развивать. Ибо

*Языки -
Единственные
Бессмертные поэты
Всех стран.*

В своих произведениях Фазыл Хюсюн Дагларджа не ограничивается только употреблением исконно турецкой лексики, он ломает привычные значения слов и придает им тот прекрасный смысл, который они несут в себе. «Никакой поэт не может стать поэтом мирового значения, я бы сказал, поэтом для всех, если он не постиг самых корней родного языка», – справедливо писал французский поэт Гильвик. Ревностное отношение Фазыла Хюсюн Дагларджи к языку общеизвестно, как и то, что он долгие годы занимается изучением этимологии слов. Поэтому представляют большой интерес его взгляды на историю и современное состояние литературного турецкого языка. «Не может быть большой литературы без развитого литературного языка, – говорит Дагларджа. – Если нет богатого языка – не может быть и богатой литературы. Прежде чем что-то выразить, язык должен путем долгого совершенствования обрести свое лицо, свой голос, достичь определенной гармонии. Развитие языка – это развитие образного мышления народа. Только народу с его образным мышлением присущи поистине безграничные созидательные возможности. Если мы сегодня восторгаемся достижениями классической персидской поэзии, то они, эти достижения, в первую очередь связаны с разработанностью персидского литературного языка, который, начиная с Фирдоуси, успешно развивается. В отличие от персидского, наш литературный язык находится еще на стадии формирования. Тому много причин. Во-первых, наша «официальная» (т.е. письменная – Т.М.) литература в начале создавалась либо на персидском языке, либо на так называемом османском... Мы, турки, считаем Джалаледдина Руми своим поэтом. Однако, будучи турком, он создавал свои шедевры на персидском языке. Стоит ли удивляться, что за рубежом Руми известен как персидский поэт. Ведь нам, туркам, он доступен только в переводе. Джалаледдин Руми напоминает мне персидскую крепость, стоящую в центре тюркской Коньи. Иной раз думаю, как бы обогатился турецкий язык, напиши он свои произведения на родном языке.

Что касается османского языка и литературы дивана, которые создавались под сильным влиянием арабо-персидской культуры, то они своими достижениями обязаны исключительно большим, ярким талантам, таким, как Физули и Шейх Галиб.

В средние века только представители народной литературы способствовали развитию национального языка и национальной литературы. Но одних их усилий было явно недостаточно. Наша народная литература напоминает мне горную траву, которая в условиях сурового климата сквозь жесткую почву с трудом пробивает себе дорогу к свету. Вместе с тем, творчество великого Юнуса Эмре – яркое свидетельство того, какими большими возможностями обладает турецкий язык.

В мире, конечно, нет чистых языков, все они заимствуют друг у друга слова, оказывают влияние друг на друга. Между тем и заимствования не могут быть беспредельными. Вот почему даже очень развитые литературные языки время от времени чувствуют необходимость в очищении. Примером тому может служить французский язык.

Для нас, современных турецких поэтов, прозаиков, критиков проблемы языка имеют чрезвычайное значение. Потому что сейчас с нашим участием создается новый литературный язык». Будучи тонким знатоком родного языка, Дагларджа умеет необычно произносить обычное слово, видя в этом одну из замечательных особенностей поэзии. Поэтому неудивительно, что именно Фазыл Хюсюню смог придать поэтический аромат новому очищенному турецкому языку.

«Я счастлив, что благодаря постоянной напряженной работе, само совершенствованию, мне удалось реализовать то, что было провозглашено мною в манифесте 1959 года. Сегодня при всем желании я не могу вернуться к османской лексике. Этому, в первую очередь, воспротивится моя рука», – напишет в конце 80-х Фазыл Хюсюню. Нет сомнения в том, что художник, провозгласивший лозунг «Язык мой турецкий – звучащее знамя мое...», войдет в историю и как первый крупный поэт ары тюркче – нового литературного языка.

ПРАТЮРКСКИЕ НАЗВАНИЯ НЕБА

Древним тюркским народам по характеру своих занятий связанных со скотоводством, земледелием, охотой, торговлей, приходилось непрерывно наблюдать за небом за Солнцем, Луной, и другими небесными светилами: планетами и звездами, чтобы заранее знать о закономерностях и последовательности происходящих природных явлений Их образ жизни требовал предвидения возможных событий в природе Как известно, астрономия как наука появилась раньше других наук в результате непосредственных наблюдений за небом¹.

Тысячелетиями народ без инструмента обычным способом изучал небесное пространство и свои наблюдения выражал в фольклоре, создавал астрономию и распространял знания о небе и о светилах.

Еще скотоводы, особенно – коневоды и овцеводы, наблюдали не только за скотом, который они пасли, но одновременно внимательно изучали небо, небесные светила, разнообразные небесные явления, устанавливая их связь с состоянием скота, отсюда и с благополучием семьи и своего клана. Какие из созвездий (*şoq çulduz*) или звезд и планет (*Tarazy, Ürker, Sümbile, Şolpan* и т.д.) в какое время появляются на небосклоне – было важно также для пространственного и временного ориентира. Например, стадо овец поднимается летом с восходом Венеры, а с появлением звезд ложатся спать и т.д. Все это находит выражение в языке.

Народные пословицы и поговорки, связанные с названиями и состоянием неба и небесных светил, непосредственно отражают связь последних со скотоводством, земледелием. Например, казахские: *Sümbile* ('Сириус') *tumar sümpijir, at semirer quntujuj*; *Ürker tuwa sorpa as bolady* – время, когда наступает прохлада и скот набирает в весе. О времени созревания злаковых культур: *Tarazy tuwsa tañ salqyn, bijdaj, tary pisedi* и т.д. Это требует специального исследования.

Небо почиталось у древних тюрков как божество, о чем свидетельствует переход его названия в название Бога. Этот процесс хорошо выражен в народных пословицах и поговорках: кирг. *töbösi kökkö çetti*, ног. *Töbesi kökke jetkendej*, каз. *Töbesi kökke çetkendej, Kökten tilegeni çerden tabylyandaj...* *Kök soqqandar-aw, ne çetpedi senderge, a!* (*Leninşil ças*) в которых наряду со значением неба также присутствует значение бога.

¹ Ф. Энгельс. Дialeктика природы.

Тюркские народы наблюдали за небесными явлениями в районе Центральной Азии, это отличает их от видения неба и вселенной других народов, живущих на других частях земного шара. Например, на этой территории такие созвездия, как Большая Медведица, Малая Медведица, Кассиопея и другие с небосклона не уходят за горизонт. В языке существуют выражения, связанные с природными явлениями, происходящими в Центральной Азии при появлении или исчезновении определенных видимых светил на небосклоне этой территории: Каз. *Urker çerге түспеј çer qyzбайды; Urkerli ајдың бәри қыс; Sümbile tuwsa suw suwug* и т.д.

Многие названия звезд и созвездий, отражая определенные этапы в жизни тюркских народов, возникали на основе событий и названий животных. Они прочно сохраняются в народных сказках, преданиях, мифологии: каз. *Çeti qaraqşy, Urker, Örmekşi* 'Кассиопея', *Arystan, Ajdahar, Ülken Arlan* и т.д.

Сейчас ученые астрономы делят все светила неба на 88 созвездий. Разумеется, в древности тюркские народы, так же как и другие, простым глазом наблюдали лишь за небольшим их количеством².

Использование в речи названий неба и светил проникает во все уголки духовной сферы народов. поэтическое их использование в фольклоре: каз. *Kökten bulut sögилse, Köktep болмас не пайда? Köktegi çulduz sijrese, Septep болмас не пайда?* (Ег Таруун). *Tolyan ајдај толықсып; Туғыан ајдај іјілген екі қастың арасы. Sonda suluw қыз Құртқа... Sümbiledеј çylyldap* (Qoblandy batyr). *Qarsylasty екі şer Urker менен Ајдај бop* (Alпамыс).

Употребление названий неба и светил в поэзии широко распространено: каз. *Kökte qalqyp kelem мен* (S. Maulenov); *...Kökte qalyqtap kele çatqandaj боласың* (S. Soqpaqbaev) – сочетание двух слов, обозначающих небо: *kök, qalyq. Kök çüzinde köp çulduz бар, biri sönip, biri qalar* (S. Maulenov). *Qaraqşy Çeti çulduz şettep çürip, Qur сырттан çylyrajdy aldap külip, Tört çulduz екі-ekiden Bosayada, Solardy аңдындај тур үйүліп. Ајқайлап «Таң мынаw» деп Şolпан туwup, Özgeden alty ürkerdiң түсі suwug* (S. Torajyутов, «А, дүније»).

Мораль, этика: каз. *Çaqsy qyz - çayadaуу qunduz, çaqsy çigit - köktegi çulduz; Çaqsy - Aj мен Kündeј, әлемге birdej; Kün ортақ, Aj ортақ, Çasqy ортақ*.³

О том, что тюрки прекрасно знали небесные светила, количество звезд в созвездиях, свидетельствуют их загадки: каз. *Екі емен, çeti terek, alty qajyң, Basynda çарурауу дајын-дајын. Bir şynar, üşqarayaj, bir çalyyz tal, Bar şasyn ајта берip не қылајын.* (Kün мен Aj, Çeti qaraqşy, Ürkerdiң alty çuldyzy, Şolпан, Tarazy-Üş

² См. К.Г. Аронов. Этнолингвистическая природа народных космонимов в казахском языке. Автореф. дисс... к. ф. н. Алма-Ата, 1992.

³ Казахские примеры здесь и далее – из 10-томного словаря: Казах тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы, 1974–1986.

arqar, Esek qurqan). *Bir çajın, tynbaj çurer döp-dongelek, Ujasy işçüz alpys bes bölek. Apyrmaq, bul ne degen çaçap edi, Aq-qara qanaty bar bir köbelek* (Aspan, künden, Kün men Aj). *Qatyp qalyan qajysqa sorpa burker, Aspandayy çuldyzdyñ altawy ürker* (mätel).

Сорок небелиц. *Temir qazıqıñ ar çayında ... Şolpan çuldyzynıñ ber çayında ... çıjren qulynım ... qulyndap, qulynıp emizip tur eken.* И здесь небелица, ведь Венера ближе, чем Полярная звезда.

Средствами измерения стали у народов названия небесных светил: *aj* промежуток времени – количество дней между двумя новолуниями; *kün a*) промежуток времени от восхода до восхода солнца (сутки), б) промежуток времени от восхода до захода солнца (день); *jyldyz* – как календарный день – каз. *qañtardıñ on besinşi çuldyzu*; возможно также и обозначение как название календарного года – от звезды (созвездия) до звезды (созвездия), если установить связь названия звезды со словом *jyl* 'год'.

Древние народные названия неба, космических объектов и небесных явлений сохранились в немногих современных тюркских языках из-за сильного влияния культур других народов за последнее тысячелетие (араб., иран., европ., рус.). Исторические условия тюрков определили заимствование множества иноязычных и предание забвению исконных наименований небесных светил, о чем свидетельствуют современные словари тюркских языков.

У тюрков небо со всеми находящимися на нем светилами рассматривается как целый большой верхний мир, в некоторых отношениях похожий на нижний – земной мир.

Тюркские представления о живом мире, о небесных явлениях, также как вообще о мироздании, не всегда совпадают с индоевропейским их видением.⁴

В современных языках и в древнетюркских памятниках отмечены 8 тюркских названий неба в различных фонетических формах:

1. *Kök* (аз., башк., каз., ккалп., кирг., кум., ног., тат., тур., туркм., узб., уйг.) – кыпчакско-огузский ареал. 2. *Teñir* (алт., тув., уйг., хак., шор.) – восточный ареал. 3. *Qalyq* (др. тюрк. пам.) – ср. от него *qalyqta* 'парить в небе'; 4. *Xallaan* (як. < также как предыдущее от **qal-*); 5. *Ewren* (др. тюрк. пам.); 6. *Türe* (чув.) общая семантика – 'верх, вершина'; 7. *Asman/aspan* из арабского (каз., ккалп., кирг., тат. кн., туркм., узб., уйг.) – в языках народов, исповедующих ислам; 8. *Säma* из арабского (аз. наряду с *köj*)⁵. Из них 6 – тюркские по происхождению, два – арабские заимствования.

⁴ См. *Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы*. ч. II, Тбилиси 1984, стр. 480–481.

⁵ См. ДТС; *Исхаков Ф.Г. Опыт сравнительного словаря современных тюркских языков // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков*. Т. 4. Лексика. М. 1962, стр. 64–65.

К пратюркским обозначениям – первым словам для выражения соответствующих реалий и понятий можно отнести 4 названия неба:

1. **kök*: соответствие *kök/gök/gōk* и т.д. является тюркской чертой, характерной для пратюркских диалектов. *Kök* – наиболее употребительное тюркское слово в современных тюркских языках с древнейших времен и в древнетюркских памятниках. Начальный и конечный согласные – глухие, что является первичной формой и она сохранилась в большинстве языков. Средний гласный – губной широкий переднерядный также сохранился в большинстве языков.

По тюркским языкам происходят чередования: нач. согл. *k-/g-*; конечн. согл. *-k/-g/-j/-w/-Ø*; среди гласн. *-ö/-o/-ü/-e*.

Kök – туркм. диал. (кыпчакизир.), кар.к., балк., кирг., каз., ног., ккалп., кар.т., ктат., узб., уйг., лобн., алт., кум., хак., саг., тув., чаг., МК, КБ, почти во всех древнетюркских и среднетюркских памятниках: ДТС-312 *kök* I – ‘небо’; *kök* II – ‘корень’; *kök* III – ‘свободный, вольный’; *kök* IV – ‘планка седла’; *kök* V – ‘шов’; *kök* VI – ‘голубой, синий, сизый’; VII–XI – сочетания слов. *Bulut öñip kök örtüldi* (МК I 139) ‘поднялось облако и небо покрылось (тучами)’.

Kok – правописание с заднерядным гласным: кум., ктат., тоф., чаг., тат. Правописание *kok* встречается также почти во всех письменных памятниках, надо полагать, его произношение не такое, как в русском *кок*, а во многих случаях – переднерядное.

Переход широкого гласного в узкий: *kük* – тат., башк., сюг., саг.; *kuk* – сюг., караг.; *kux* – сал.

Переход губного гласного в негубной: *kek* – кар.г., сюг.

Переход нормального гласного в долгий и дифтонг в восточном ареале: *kō:k* – алт.диал., койб., кыз.; *kūōx* – як.; *kyvak* – чув. В якутском и чувашском слово сохранилось во вторичном значении ‘синий, голубой’, для обозначения неба возникли новые слова, например, в чувашском – *kōk* I – ‘небо’.

Переход нормального гласного в долгий и дифтонг в восточном ареале: *kō:k* – алт. диал., койб., кыз., *kūōx* – як., *kyvak* – чув.

В якутском и чувашском слово сохранилось во вторичном значении ‘синий, голубой’, для обозначения неба возникли новые слова, например, в чувашском – *pēlēt*, обозначающее в других тюркских языках, также как в чувашском, ‘облако’. В туркм. с начальным звонким – *gō:k* (см. ниже). На основе данных этих языков ряд тюркологов реконструирует **kō:k*⁶. Для подобной реконструкции могут дать повод некоторые слова в тюркских языках, такие, например, как *quwuq*, *kwewek*, *kōwīk*, близкие к чувашской и якутской формам на-

⁶ M. Rasanen. VEWT 287a; A.M. Щербак. СФ-195; Э.В.Севортян с этим согласен – ЭСТЯ, ВГД-68.

звания неба в различных фонетических вариантах, со значениями 'пузырь, пустое пространство' и т.д.

Следует отметить, что как в пратюркском так и в современных языках существует произношение подобных слов и с нормальным, и с удлинненным гласным, в зависимости от коннотации (*kóp - kóp soz - sōz, tós - tós,* и т.д.). Как показывают наблюдения, оснований для реконструкции слова с долгим гласным в пратюркском не больше, чем для реконструкции с нормальным гласным. В тюркологии нередко наблюдается некоторая фетишизация форм ряда тюркских языков являющихся на самом деле результатом позднего развития.

Звонкое начало представляет собой позднюю обычную ассимилированную форму. Оно является ареальным архетипом огузских языков. Это один из признаков того, что огузские языки в фонетическом, также как лексическом и синтаксическом отношении обновлены: *gō-k* - туркм.; *gok* - кум., кум. диал.; *gōk, gōj* - тур., аз.; *gōg, gog, goo, g'oq, gōw, gō* - тур. диал.; *gij* - аз. диал.

Фонетические явления играют важную роль при классификации тюркских языков, однако мало дают для семантических и лексических умозаключений и реконструкций.

Первичное значение слова **kōk* - 'небо', затем оно приобрело значения названий цветов по различным окраскам неба: 'синий, голубой, сизый, серый (каз. *kōk tuz*), зеленый', т.е. развитие семантики идет от имени существительного к имени прилагательному; ср. 'оранжевый' - от 'апельсина', 'вишневый' от цвета вишни и т.д. Как именное, так и прилагательное значения послужили основой для образования многочисленных новых слов.

Значения **kōk* (по Севортяну): 1. 'небо'; 2. 'траурное платье' (узб.); 'синька' (кум.); 3. 'голубой, лазурный, лазоревый, синий'; 4. 'зеленый'; 5. 'незрелые фрукты' (тур. диал.); 6. 'трава, зелень'; 7. 'серый'; 8. 'седина' (тув.); 9. 'багровый' (Буд.); 10. 'черный' (Zen.); 11. эпитет богатырей (кирг.); 12. 'бог' (алт.); 13. 'ночь' (Caf. EUS).⁷

kō:k в значении 'бог' выступает синонимом 'небо' в алтайском. Возможно, это - монгольское влияние.

Интересно сочетание двух слов, обозначающих как небесные явления, так и предметы: *kōk jyldyz* 'корень, основание'. *Kōk* здесь имеет семантику 'опора, фундамент, основание'.

Монг. *kōke* 'голубой' - в монгольских позднее закономерное удлинение слога. Халха-монг. *xōx* 'синий, голубой', синоним - *cenxer*, это - показатель того, что здесь присутствует заимствование. Монг. *ogtorguj* < *yogtorguj* < *koktorguj* 'небо, небесное пространство', где *kok* 'синий', *-tor-* оттенок неполноценности;

⁷ Э.В. Севортян. ЭСТЯ, ВГД - *kōk*.

kokoçu 'верховный (небесный) священнослужитель'⁸. Эти образования свидетельствуют об их позднем происхождении на базе *kök*

2. **Teñir*. В тюркских языках развились два главных варианта с метатезой последних согласного и гласного *tenir/teñri*; *-ä-* в варианте *täñri* является поздним развитием < *e-*, как известно, *-ä-* не вмещается в схему классических восьми пратюркских гласных. В дальнейшем происходят различные чередования звуков. Первый гласный чередуется: *e/ä/a/i/u* - все переднерядные негубные, плюс заднерядные *a/u* (чув.). Второй гласный чередуется *i/e/y/a* - т.е. все негубные тюркские гласные. Начальный согласный чередуется *t/d* Средний согласный чередуется *ñ/n/j/g/x/ö*; неизменным остается лишь конечный согласный *-r*.⁹ Указанные фонетические варианты подтверждают чрезвычайную древность слова *teñir* и могут служить своеобразным критерием классификации древних диалектов тюркских языков.

а) *teñir* - более архаичный вариант слова с переднерядными гласными и конечным *-r*, сохраняется, главным образом, в восточном регионе тюркских языков: кирг., ккалп., сюг. *teñir*, каз. *täñir/teñir/täjir/täjri*, сюг. *teñer/teñur*; хак. *tigir*, тув. *de:r/deñger*. В совр каз. и ккалп. 'бог', в остальных - 'небо'.

б) развитие с конечным гласным происходит почти во всех регионах. Уже в древнетюркских памятниках форма *teñri/täñri* широко употребляется как в значении 'небо', так и в значении 'бог'. ДТС-544 *Täñri* 1. 'небо'; 2. 'бог, божество, повелитель божественный, господин': *er buşuşluş täñri bulutlyu bolty* (ТbS II 79)¹⁰ 'мужчина был печален, небо - облачно'.

Ареально-генетическим архетипом огузских языков является переход первичных передних гласных в заднерядные, что происходит и в соседних кыпчакских языках: тур., туркм., аз., гаг., кар., ктат. *tanry* 'бог, господь, создатель', значение 'небо' в них утрачено, а также в як. *tañara/tağara* 'бог, уст. небо', чув. *tury* 'бог'.

В некоторых языках и памятниках существуют параллельно варианты как с заднерядными, так и переднерядными гласными: кар. диалекты *tanry/tenri*, в Ср.-Аз. Тефсире *tañry/täñri* 'бог'.¹¹

Оба варианта с метатезой встречаются в некоторых языках восточного региона: кирг. *teñir/teñiri* 'небо, бог', куманд.¹² *teñir/tegre/teğri/teñere/teñeri/teñre/teñre/teñri* 'небо', тув. *de:r/deri* 'небо', каз. *täñir/täñri* 'бог'.

⁸ Сведения сообщил Г.Ц. Пюрбеев.

⁹ Об устойчивости сонантов см. К. Мусаев. Сонанты, в кн.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков // Фонетика М., 1984.

¹⁰ Сокращения здесь и далее по: 1) Э.В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков; 2) Древнетюркский словарь. М.-Л., 1969.

¹¹ А.К. Боровков. Лексика Среднеазиатского тефсира XII - XIII вв. М., 1963, стр. 285, 299.

¹² Н.А. Баскаков. Диалект Кумандинцев. М., 1972, стр. 252.

**Tenir* этимологизируется как образование от древнего глагола *teñ-* 'возвышаться, подниматься', возникшее присоединением к нему аффикса причастия *-ir*, что в совокупности дает имя со значением деятеля 'то, что поднимается, возвышается' См. ДТС 551 *teñ-* 'подниматься, взлетать'. *Qušteñdi* (МК III 390) 'птица взмыла ввысь'; *oq tendi* (МК III 390) 'стрела взлетела вверх'. От указанного первичного значения до семантики 'тот, кто поднимается, возвышается' и современных распространенных значения 'бог, господь' расстояние совсем близко. Ср. другое новообразование от той же основы (ДТС 552) *tenäk* 'воздух, небо' – здесь аффикс *-äk* придает производной основе несколько пассивное значение. Ср. также *teñäd-* 'расти, развиваться': *oyul küniñä teñädür* (QBN 140-1) 'ребенок развивается с каждым днем'.

Форму *Täñir* с конечным согласным Б.И. Татаринцев, подвергнувший это слово подробному анализу, считает скорее более древней формой, чем форма с конечным гласным *Täñri* (Форма с *ä* как первичная неприемлема, т.к. *ä* произошло позже, чем *e* – см. выше): «К глагольной основе *teñ-*, *teñi-* следует, по видимому, возвести и название неба типа *teñir*, образованное при помощи аффикса причастия-аориста *-(a)r*. Предположительно, это название первоначально могло обозначать 'поднимающееся, летающее' и т.п.»¹³. Кстати, глагол *teñer*, о котором говорит Б.И. Татаринцев, (ib., стр. 80) со значением 'поднимать', образовано от имени *teñ* 'поклажа, выюк' с аффиксом *-ger*, а не от глагола *ten-*.

Вариант *teñri/ täñri* произошел в результате присоединения аффикса принадлежности к *täñir* – *Qan Teñri* 'бог хана'; *aj täñri* 'бог луны' и т.д.

Халха-монг. *tenger* 'небо' (другое название неба в монгольском – *ogtorguj*, см. выше), как и в восточном ареале тюркских языков, сохранило это древнее значение тюркского слова в стяженной форме от **teñgerri*.¹⁴ Возможно, это слово заимствовано из тюркских языков (на монгольской почве оно неразложимо) в значении как 'небо', так и 'бог, божество'. Для обозначения второго значения после принятия буддизма стало употребляться *burhan*. Семантическим основанием считать *tenger* тюркским заимствованием в монгольских также служит синонимия, что является одним из правил установления факта заимствования, как в обозначении неба, так и бога. Ср. тюрк. *kök - aspan, täñir - allah - qudaj - burhan*. Монг. *de/te-* 'высь', возможно, стертое новообразование, ср. тюрк. *töbe*; допустимо и другое предположение – оно сохранило более древний корень, отсюда *te+ñ-* 'возвышаться'.

¹³ Б.И. Татаринцев. О происхождении тюркского наименования неба (*tañir* и его соответствия) // СТ 1984, 4, стр. 74, 80. Там же приведен подробный фонетический и этимологический анализ этого слова у разных исследователей.

¹⁴ См. Б.Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 332.

M. Räsänen VEWT-474 считает *tenri* китайским заимствованием: мо. *teñri*, *teñgeri* < sino-kor. *thjen li* 'the eternal principle according to which? a question is strictly? decided' = 'heaven's clerk', 'the Emperor (S Joki 354-6) См. также: G.J. Ramstedt. Paralipomena of korean etymology Helsinki 1982 p 158: Kor *thjen-ha*, Jap. *tenka* 'die Welt'; 'das Land . p 205 **tāñ* in *tāñri* 'Himmel' (< cbin. *tjen id.*).

Мои аргументы за тюркский оригинал и против китайского происхождения этого слова таковы: 1) первичной является тюркская форма **teñir*, а не *teñri* или тем более - *teñli*; 2) первичным является значение 'небо', а значение 'бог, император' и т.д. - вторично; 3) кит. *thjen/ chien* фонетически соответствует в тюркских и монгольских языках *çin/çyn* 'вершина', отсюда собственное имя - *çyngyz xan*, *çyñyys qan*; 4) форма *teñri*, возводимая к кит. *tien-li*, является формой с аффиксом принадлежности от формы **tenir*; 5) в тюркских языках нет формы с -*l*-; 6) общие значения производных образований со значением неба в тюркских языках близки между собой - подъем, вращение, что базируется на представлении о верхнем мире. Корейское и японское слова, надо полагать, относятся к китайскому источнику.

На алтайском уровне, по-видимому, возможно рассматривать это слово как тюркское заимствование в разных языках. Например, в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *tañara*, эвен. *tañara* 'бог, икона' специалисты считают якутским заимствованием, солон. *tāñār* возводится к монг *tener*.¹⁵

Тюркологии еще предстоит освободиться от многих ранее высказанных дилетантских рассуждений, особенно - среди увлекающихся алтайским родством, основанных на незнании языка, культуры, уклада жизни, идеологии и т.д. тюркских народов, априорных старых представлений о всем нетюркском в тюркских языках. Кроме того выдача за образец тюркских языков турецкого - обновленного во многих отношениях, и пренебрежительное отношение к другим тюркским языкам как к низкого уровня диалектам турецкого продолжается по сей день, что создает немало препятствий для установления истины.

Teñir/Tāñir в большинстве современных тюркских языков обозначает главным образом бога, помимо приведенных еще: лоб. *teñji* 'божество', тат. *tāñre* 'бог мусульманский', *tāre* 'языческий бог, христианский крест'¹⁶, кбалк. *tejri* 'бог'. Значительное его употребление в значении 'небо' связано с последующим распространением религий у тюрков, когда это слово чаще стало употребляться для обозначения бога.

¹⁵ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. т.2, Л., 1977, стр. 162.

¹⁶ Р.Г. Ахметьянов. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978, стр. 209-210.

Значение неба больше сохранилось в языках восточного региона, носители которых в какой-то мере сохраняют древние верования и шаманизм: алт. *teneri*, тоф. *de:ri*, а также кирг., сюг., тув., хак. (примеры см. выше).

Расчленение значения форм слов *teñi* 'небо' *tanur* 'бог' началось, по-видимому, еще в пратюркский период. Семантика божества у слова существует с древнейших времен, о чем свидетельствуют такие словосочетания, как: *aj tãnrı, jaşyn tãnrı, jel tanrı, kün tãnrı, qunııuj tanrı, qut tãnrı* (ДТС 544); Здесь всюду – слова с аффиксом принадлежности, откуда пошла форма *tãnrı*.

Tãnrı имеет формальную и семантическую связь со многими словами, образованными на его базе в тюркских языках: *degirmen, degerek/tegerek, dõngelek, donçalaq, tenge* .. 'круг, кручение, вращение, окружение, монета, колесо, жернов'; *tegeş, tegene* большая миска, чаша' (Кайдаров¹⁷), *tegersik, tegeriş, tegirmeş* каз. диал. 'кольцо, колесо'; *teñ* 'ровный, равный' (первоначально – равное расстояние от центра к краям, отсюда – 'круглый' и т.д.). Общий корень имеет с *teñir* также слово *deñiz/teniz* 'море' < 'вздыхающееся'.¹⁸

От формы *teñir* было заимствовано в древности это слово в шумерский во вторичном значении – *dingir* 'бог'¹⁹. Тюркская семантика неба более древняя. При заимствовании шумерцами тюркский *-ñ-* ими воспринимался как сочетание двух согласных *-ng-*, что происходит и в современности при произношении тюркских слов не только нетюрками, но и самими тюрками. Контакты тюрков и шумерцев происходили еще в 6-м тысячелетии до н.э.²⁰

3. **qalyq* широко употребляется в древнетюркских памятниках, но в современных словарях не отмечено, возможно, из-за омонимии с другими словами. (Радлов – Сл. 2, 1-240).

ДТС 412 *qalyq* 1. 'небо, небеса, воздушное пространство'. *ışeş köriþ jıksäk qalyq qody çaqar* (МК III-46) 'гриф, увидев падаль, падает вниз с высокого неба'; *esirdin keligli qalyq quşlary* (QB 94). 2. 'небесный, воздушный'; 3. 'верхние покои, верхний этаж дворца'; 'покои'; 'зала, комната'. уйг. *qalyq* 'верхний этаж' (Будагов Сл. 2-22).²¹

Вариант с начальным *х-*, скорее, отражает традиции письма (ДТС 635), чем произносительные нормы – *хalyq quşlary* (Юг В 459) 'птицы неба'.

¹⁷ См. Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986, стр. 284.

¹⁸ См. Э.В. Севортян. ЭСТЯ, ВГД, 191 – 4 deN 'равный'; К. Мусаев – Названия бога в тюркских языках.

¹⁹ И. Фридрих. История письма. М., 1979, стр. 64, 67-68.

²⁰ См. Б. Грозный. Доисторические судьбы Передней Азии // Вестник древней истории. М., 1940, № 3-4, стр. 43.

²¹ См. С.Г. Кляшторный. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках. // Тюркологический сборник 1977. М., 1981, стр. 121.

Слово образовано от древней глагольной производящей основы *qaly-* 'подниматься, взлетать' посредством имяобразующего аффикса *-q* со страдательным значением - 'нечто, поднятое вверх'. На базе этого глагола образовано якутское название неба *xallaan*. *Qalyq* не стало обозначать название бога, божества, т.к. оно имеет страдательное - пассивное значение в отличие от *teñir*.

В древнетюркских памятниках встречается сочетание двух названий неба: *kök qalyq* (ТТ III-129) 'небо, небеса'; ср. также - *kök çyrysu* (МК I-421) 'небесная сфера, небо', где *kök* сочетается с *çyry* 'колесо'.

4. **ewren* (QВH 15-28) небесная сфера (букв. 'то, что вращается'); *jaratty köñ evrān tuçu evriliir* 'смотри, создал [бог] небесную сферу, и она постоянно вращается'. Это слово также не отмечено в современных тюркских языках, встречается в древнем памятнике Кутадгу Билик (совр. тур. *evren* 'вселенная, космос, земля, мир, свет', надо полагать, как и многие другие слова, - послереформенное возрождение древнего слова). Оно образовано от глагола *ewir-* 1. 'вращать' (ТТ VI прим. 455); 2. 'поворачивать, направлять' (ТТ IX 117); 3. 'переводить с языка на язык' (Uig I 17-2) посредством аффикса *-en*. В свою очередь этот глагол представляет образование от глагольного корня *ew-* (МК I 167), (QВH 51-2) 'спешить, торопиться'.²²

Таким образом, на пратюркском уровне можно реконструировать четыре названия неба как отражение диалектного членения: одно непроемное **kök*, другие - производные **teñir*, **ewren*, **qalyq*. Первые два получили широкое семантическое и словообразовательное развитие в отличие от **qalyq*, **ewren*, которые, по-видимому, более позднего происхождения, чем предыдущие, судя по семантике страдательности и дальнейшему развитию значения и словообразования. В отличие от первых из-за пассивного значения они не стали обозначениями бога.

Сказанное убеждает в правомерности существования разных слов-синонимов в пратюркских диалектах для обозначения одного понятия и предмета, одной из иллюстраций этому может служить названия неба. Проведенные наблюдения дают основания полагать, что пратюркские названия неба возникли на разных территориях как отражение диалектных различий и одновременно.

Этимологически только *kök* может быть непроемным, остальные образованы от глаголов посредством разных аффиксов. Однако это, по-видимому, не дает достаточных оснований для утверждения, что лишь *kök* - первичное, самое древнее название неба. Производные названия неба исходной основой имеют в основном глаголы движения со значениями восхождения, вращения, парения.

²² См. Э.В. Севортян. ЭСТЯ, Гласные - 513

В современных языках народов, исповедующих ислам, для обозначения неба больше стало употребляться арабское заимствование *asman/aspan*, в чем важную роль сыграла религия.

Системное рассмотрение названий небесных тел в мифологическом, хозяйственном, веро-религиозном, лингвистическом, контактологическом и других аспектах позволяет объективно познать не только их этимологию, форму и семантику, но и духовные богатства древних тюрков.

КОНЦЕПЦИЯ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКОВОГО ТИПА В ТРУДАХ Н.А.БАСКАКОВА

Отечественная традиция типологической характеристики грамматического строя тюркских языков была заложена О.Н.Бётлингом в его классическом труде «О языке якутов» (1851 г.). Разработанная ученым грамматика якутского языка выгодно отличалась своей функциональной направленностью, стремлением автора не только разобраться в формах этого языка, но прежде всего проникнуть в его «дух», показать особенности и возможности использования морфологических форм и синтаксических моделей. Далее идут известные работы В.В.Радлова, П.М.Мелиоранского, А.Н.Самоиловича, Н.К.Дмитриева, Э.В.Севортяна и ряда других исследователей тюркских и алтайских языков. Среди современных тюркологов именно Николай Александрович Баскаков – старейшина нашей тюркологии – разработал целостную концепцию грамматического строя и фонетической структуры тюркских языков, которой сумел придать и диахроническую направленность. В законченном виде эта концепция тюркского языкового типа изложена в трех фундаментальных монографиях: «Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков» (1975 г.), «Историко-типологическая морфология тюркских языков» (1979 г.), «Историко-типологическая фонология тюркских языков» (1988 г.) (далее соответственно – Баскаков 1975, 1979, 1988).

Концепция Н.А.Баскакова отличается завершенностью своих построений, что позволяет охватить все уровни языка. Она создает основу для дальнейших типологических штудий на материале алтайских языков, а также сопоставления их строя с другими языковыми типами. Концепция базируется не на анализе «внешних форм» языка, а на исходном постулате о связи мышления и языка, поэтому языковые структуры рассматриваются через призму лексических категорий и определяется соответствие грамматической системы этому логико-понятийному плану. В указанных работах ученого в концентрированном виде сосредоточены многие проблемы тюркской грамматики, обсуждавшиеся в разные периоды развития науки и разными учеными на материале многих языков, то есть в них представлено и собственное, авторское решение и отражены традиционные точки зрения; и те и другие подтверждены фактами тюркских языков из всех классификационных групп. Остановимся на наиболее существенных, на наш взгляд, положениях типологической концепции Н.А.Баскакова.

Синтагматика всех уровней языка – это тот фундамент, на котором ученый строит свою концепцию о сущности строя тюркских языков в органической

связи всех языковых уровней «Все уровни тюркских языков тесно связаны между собой органическим изоморфизмом и зависят от синтаксического уровня устанавливающего общий строй тюркских языков и определяющего его морфологическую структуру, которая в свою очередь, служит базой, устанавливающей фонологические закономерности и специфические для тюркских языков типы фонологических структур» [Баскаков 1988, 8].

Структуру тюркских языков определяют, в конечном итоге, структуры двух фундаментальных синтаксических моделей этих языков – атрибутивное словосочетание и реализующее предикацию предложение. Эти две синтаксические единицы – типологические универсалии, присущие любому языку, ибо они покоятся на универсальных, общечеловеческих законах логики. «Именно из мыслительных актов, общих для всего человечества и наиболее универсальных констант в языке, коими являются предложения и словосочетания, следует исходить при установлении всех других универсальных констант в языке и их модификаций по различным конкретным языкам» [Баскаков 1975, 33]. В силу этого предложения и словосочетания везде имеют общую структуру, реализующую в первом случае субъектно-предикативные отношения, а во втором – атрибутивные отношения; эти синтаксические единицы выражают средствами языка соответствующие мыслительные акты.

Для Н.А.Баскакова это два акта мышления: а) акт дифференциации, конкретизации, реализующийся в языке в атрибуции – в атрибутивных конструкциях – словосочетаниях, и б) акт интеграции, абстрагирования, обобщения, реализующегося в языке в предикации – в предикативных конструкциях – предложениях [Баскаков 1975, 34]. Далее Н.А.Баскаков продолжает: «Исходя из общей системы языка как результата мыслительной деятельности человека, представленной двумя ее типами: атрибуцией, т.е. дифференциацией и конкретизацией понятий и предикацией, т.е. интеграцией и абстрагированием, основными единицами – объектами типологического изучения синтаксиса в логико-грамматическом аспекте будут следующие. 1 Атрибутивные конструкции – словосочетания как выражение результатов атрибуции... 2. Предикативные конструкции как выражение результата предикации...» [Там же, 43]. Путем мыслительного акта атрибуции происходит конкретизация понятия через признак, выраженный в определении, а благодаря предикации осуществляется обобщение понятия через соотнесение одного понятия (подлежащего) с другим, более обобщенным, абстрактным понятием (сказуемым) при наличии у него обобщенного динамического признака, поэтому предложение всегда двусоставно (подлежащее – сказуемое); кроме того, в предложении накладываются обязательные признаки, характеризующие отношение говорящего к действительности (время и модальность-наклонение). В приведенных определениях Н.А.Баскакова обращает на себя внимание его понимание основной функции

языка вообще, и здесь он отдает предпочтение (или ставит на первое место) когнитивной функции языка, т.е. «выражению им мысли, процессов мышления; ср.: ...предложение - основная синтаксическая единица, реализующая законченную мысль и являющаяся единственным средством мышления и коммуникации» [Баскаков 1975, 46. - Подчеркнуто нами. - ДН]. Как видно, функция коммуникативная стоит здесь на втором месте. Известно также, что существует и иное направление в теоретической грамматике, связанное прежде всего с коммуникативной функцией языка, поскольку язык как знаковая система функционирует для обмена мыслями между коммуникантами, но в языковой форме, то есть с помощью знаков передается не сама мысль как таковая, а только материальная субстанция, способная возбудить адекватную мысль у слушающего, мысль же сама есть продукт мыслительной (мозговой) деятельности отдельного человека, неотторжимый от его индивидуального сознания. Однако и когнитивное, и коммуникативное направления сосуществуют в современной лингвистике, и в зависимости от этого оказывается предпочтительным то или иное толкование структурных признаков языка.

Н.А.Баскаков включает в модель двусоставного предложения, с одной стороны, группу подлежащего и, с другой стороны, группу сказуемого, которые находятся между собой в предикативных отношениях (обобщения), но в своей структуре первоначально представляют атрибутивные словосочетания, построенные на основе «конкретизации», и только со временем атрибутивное словосочетание - сказуемое преобразуется в тот тип сказуемого (глагольного и именного), который знают все тюркские языки. Идентичность исходных отношений в обоих (главных) членах предложения дает возможность Н.А.Баскакову реконструировать историю глагольного (и именного) сказуемого, проследить и восстановить наполненность последнего в рамках атрибутивной исходной модели, то есть в обязательном составе «определение + определяемое». Нужно отметить, что такая реконструкция, по данным Н.А.Баскакова, объясняет использование в глагольном сказуемом именных функциональных форм глагола.

Практически, в синтаксической концепции Н.А.Баскакова основной синтаксической единицей является атрибутивное словосочетание, построенное по законам тюркского синтаксиса: «определение + определяемое». «В основе атрибутивных словосочетаний лежат простые атрибутивные отношения двух слов или двух групп слов, выражающих простейшие сочетания атрибута с атрибутом а-А или атрибута с субстанцией А-С, т.е. отношение двух номинативных единиц» [Баскаков 1975, 61]. Основными формальными средствами выражения атрибутивных отношений являются: управление, согласование (в лице и принадлежности) и примыкание. Модель же предложения, как указывалось, строится из двух атрибутивных словосочетаний, связанных предикативными

отношениями, причем в атрибутивном сочетании – сказуемом обязательно присутствует атрибут с динамическим признаком выраженный функциональной формой глагола или глагольной связкой

Стоя на позициях гипотезы об изоморфизме всех ярусов тюркских языков (начиная с верхнего – синтаксиса), Н.А.Баскаков считает: «Морфологическая структура каждого слова, осложненного серией аффиксальных морфем, изоморфна структуре словосочетания, а в некоторых случаях и структуре предложения» [Баскаков 1979, 71]. Это значит, что порядок расположения морфем в слове также подчиняется принципу «определение перед определяемым». Из этого следует, что «морфемы, выражающие абстрактные понятия, находятся всегда в постпозиции по отношению к морфемам, выражающим конкретные понятия» [Там же, 71]. Выстраивается следующая иерархия «конкретности» морфем. Самой конкретной морфемой является корень, затем идут морфемы лексического словообразования, далее следуют показатели функционального словообразования, самые абстрактные – аффиксы словоизменения. Следовательно, в слове каждая препозиционная морфема относится к постпозиционной как определение к определяемому [Там же, 70–71], например, «*темирчи* 'кузнец' (< 'деятель по железу') – *темир* относится к *-чи*; или *таш-ла* 'бросать' – в данном примере *таш* относится к *-ла* как объектное определение к абстрактному понятию действия, выраженному аффиксом *-ла*» [Там же, 71]. Поскольку в структуре слова заложены синтаксические связи, Н.А.Баскаков замечает, что слова с глагольным значением исторически имеют последний, постпозиционный элемент глагольной природы, то есть он «генетически должен восходить к полновесному глаголу со знаменательным глагольным значением», а соответственно имена имеют в этой позиции элемент, восходящий «к полновесному имени со знаменательным значением» [Баскаков 1979, 72]. Все эти построения базируются, в сущности, на признании того факта, что аффиксальные морфемы генетически являются словами с самостоятельными значениями. «Пристально приглядываясь к значению отдельных аффиксов ...с точки зрения, с одной стороны, семантики каждого аффикса, т.е. реального его значения, а с другой – его функции в парадигматическом ряду с другими аффиксами, можно, однако, установить и сохранение в них следов реального вещественного значения» [Баскаков 1979, 67]. из этого же следуют и выводы о сущности строя тюркских языков в глубокой древности. Н.А.Баскаков предлагает такое решение. «Структура тюркского слова позволяет гипотетически представить древний доагглютинативный строй тюркских языков как строй изолирующий, в котором абстрактные грамматические значения были образованы из знаменательных основ, которые, находясь в постпозиции по отношению к определяющей их основе, постепенно преобразовались сначала в элементы аналитической, а затем и в аффикс синтетической формы» [Баскаков 1979,

93] Итак, путь развития тюркских языков - от изоляции к агглютинации через механизм аналитизма (порядок морфем определен отношениями атрибуции).

Н.А.Баскаков отмечает еще одну особенность построения тюркского слова: аффиксы, образующие словоформу, «имеют определенную систему и порядок, причем излишние звенья в цепи агглютинации могут выпадать...» [Баскаков 1979, 133]. «Словоизменение - система грамматических форм выражающих *отношение слов* в словосочетании и предложении, - представлено в тюркских языках четырьмя основными категориями: категорией числа .., категорией принадлежности, категорией падежа и категорией лица. Грамматические категории числа, принадлежности, падежа и лица являются высшей степенью грамматической абстракции» [Там же, 134]. Эти аффиксы совершенно не изменяют лексическое значение основы, кстати, как и все аффиксы, следующие за показателями лексико-грамматического словообразования, которые и изменяют реальное значение слова. Последние показатели либо конвертируют лексемы, либо модифицируют основу. Важно здесь подчеркнуть, что Н.А.Баскаков видит роль словоизменительных аффиксов в выражении ими отношений между словами в синтаксической структуре, то есть чисто *синтаксические* отношения, в его формулировке, «самые абстрактные синтаксические отношения» [Там же, 216], - субъектно-предикатные в предложении или атрибутивные. Так, категория принадлежности трактуется как «совокупность доминирующих форм выражения синтаксических отношений атрибутивности (определяемости)» [Баскаков 1979, 221]; склонение - это «грамматические формы выражения субъекта и объекта в предложении и словосочетании» [Там же, 225]; аффиксы падежей, выражая синтаксические отношения, «функционально являются идентичными» послелогам; выражение связи между словами в предложении (точнее между субъектом и предикатом) осуществляется также морфологической категорией лица, которая противостоит категории принадлежности как работающая на уровне предикативных конструкций, то есть категории лица и принадлежности являются смежными.

Другие морфологические категории, по концепции Н.А.Баскакова, обслуживают сферу функционального преобразования слова. Таким образом, аффицированное слово в тюркских языках в структурно-морфемном плане как бы распадается на две части: определяющую, «которая состоит из корневой морфемы или сочетания корневой морфемы с одним или группой аффиксов», и определяемую, представленную выражающими абстрактную идею аффиксами [Баскаков 1988, 10]. Любое слово, каждую словоформу в языке организует и реализует фоно-фонологический уровень, на котором отношения между корневой и аффиксальными морфемами подчиняются закономерностям, изо-

морфным другим уровням (ср. сингармонизм, развитие первичной структуры слога СГС и др.) [Баскаков 1988, 200–201].

Как видно, действительно в трудах Н.А. Баскакова представлена целостная концепция о структуре тюркских языков, всех их уровней, о предназначенности каждой из категорий. И эта целостность базируется на исходной идее о единстве логических операций (логических категорий) находящихся в этих языках выражение в атрибутивных и предикативных синтагмах, всегда двучленных и с фиксированным расположением членов (а-А/А-С или П-С) а эта фиксированность играет в структуре языков существенную роль, в частности, конечная позиция определяемого члена с более абстрактной семантикой.

В заключение остановимся на тех интересных выводах Н.А. Баскакова, которые, с нашей точки зрения, имеют теоретическое значение.

1. Агглютинативные языки не только в плане «ретроспективной реконструкции древнего состояния», но и в целом «по своей структуре отчасти соотносены с изолирующими языками» [Баскаков 1988, 26].

2. Тюркские языки использовали исторически аналитическую технику, где порядок слов был строго фиксирован, что сохранилось как их важнейшая черта.

3. Практически во всех служебных морфемах сохраняется или четко прослеживается самостоятельная семантика.

4. Аффиксы, присоединяясь к корню в строго определенном порядке, образуют цепь показателей, «причем излишние звенья в цепи агглютинации могут выпадать» [Баскаков 1979, 133], то есть наблюдается известная факультативность служебных морфем в словоформе.

5. Во всей структуре тюркских языков прослеживается особая роль атрибутивных отношений и роль порядка слов «определение + определяемое».

Самого пристального внимания, как представляется, заслуживают первые три тезиса.

Комплексное рассмотрение типологических характеристик, выведенных Н.А. Баскаковым и полученных другими исследователями тюркских и алтайских языков, часто стоящих на иных теоретических позициях, позволит в итоге приблизиться к пониманию типологии этих языков в целом.

РАЗВИТИЕ КАЗАХСКО-РУССКОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ *КЕН С - СОВЕТ*)

Выдающиеся лингвисты - Марр, Шухардт и другие - неоднократно подчеркивали, что языки постоянно смешиваются, постоянно воздействуют друг на друга¹. Языковые контакты приводят к различным видам взаимодействия, основным из которых является заимствование слов. Заимствованным словом, вслед за Баскаковым, мы считаем не любое иноязычное слово эпизодически использованное тем или иным автором, а лишь такое слово, которое, проникнув в язык, стало функционировать в качестве лексической единицы в какой-либо сфере человеческой деятельности на определенном этапе исторического развития заимствующего языка, закрепилось в его словарном составе как член определенного лексического поля. «Заимствованные из русского языка слова, - пишет Н.А.Баскаков, - так же как и использованные для выражения новых понятий коренные слова, могут сужать или расширять свое значение»². В результате заимствования слов из русского языка и через русский язык интернациональных слов казахским возникла масса синонимических пар в различных лексико-семантических группах. Синонимия, возникшая на базе заимствований, является одним из интересных явлений языка, которое требует исследования и на материале тюркских языков. В казахской языковедческой науке проблемами заимствованной лексики занимаются С.К.Кенесбаев, В.А.Есенгалиева, Х.М.Махмудов, К.М.Мусаев, Л.П.Ефремов, М.М.Копыленко, Р.Г.Сыздыкова, Б.Х.Хасанов. Лексическую синонимию в современном казахском языке исследуют А.Болганбаев, К.Аханов и другие. Несмотря на то, что в казахском языке в последние годы стали активно появляться новообразования в связи с социально-политическими изменениями в республике, заимствованная лексика, которая утвердилась еще несколько десятилетий назад, не утратила своего денотативного, сигнификативного, структурного и коннотативного значения. Она требует всестороннего изучения, анализа с точки зрения лексической семантики и ее контекстной реализации. В советский период наблюдается активное увеличение числа советско-интернациональных слов в казахском языке. Эти же слова нередко функционируют параллельно с казахскими и образуют синонимическую пару: *совет - кеңес, телеграмма - жеделхат, ресторан - мейрамхана*. Это можно показать на примере синонимической пары *кеңес - совет*.

¹ Будагов Р.А. Слово и его значение. Ленинград, 1947, стр. 61.

² Баскаков Н.А. Развитие языков и письменностей народов СССР // Вопросы языкознания, 1952, стр. 33.

Совет в свое время входил в общественно-политическую общеупотребительную лексику казахского языка. В статьях Казахско-русского словаря 1945 года мы не находим лексему *совет* она как полноправная минимальная лексическая единица стала фиксироваться в словарях только с 1954 года. Примером тому может служить КРС (54: 301) где она рассматривается отдельной словарной статьей. С 50-х гг. *совет* активно функционирует в лексической системе казахского языка используется в разных семантико-стилистических функциях. Заимствование *совет* подчиняясь правилам казахской морфологии, входит в общий арсенал лексического фонда казахского языка, при этом происходит процесс 1) фонетического, 2) грамматического, 3) лексического освоения заимствованного слова.

1) Фонетическая оформленность рассматриваемого слова в современном казахском языке такова. *Совет* видоизменяется под влиянием закона сингармонизма и произносится [*сәвет*]. Первый гласный слова *совет*, который произносится как [a] в русском языке на казахской почве переходит в [ə]. После гласного [ə] переднего ряда во втором и последующих слогах следуют только гласные переднего ряда. В словоизменительных и словообразовательных аффиксах закон палатальной гармонии неукоснительно соблюдается. Небная (палатальная) гармония заключается в артикуляционном сближении гласных звуков как в основе слова, так и в присоединяемых к ней аффиксах по принципу рядности: *советтендіру* 'советизировать'; *советтік* 'советский' *советтену* 'советизироваться'.

2) Грамматические признаки: лексическая единица *совет* а) склоняется, принимает форму мн.ч. *советтер* 'советы'; б) принимает аффиксы глагола и имени *совет + тен + дір + у + ші* 'человек, который активно участвует в установлении советской власти'; *советшіл* 'человек, который выступает ярким сторонником советизации'; в) словоизменительные аффиксы *совет + тен* 'принимать такую форму власти', *советен + дір* 'советизировать' – понудительный залог, образован от именной глагольной основы и аффикса *-дір*; г) пополняется число собственных имен: *Совет, Советшіл*.

3) Лексические особенности. В [КРС, 45] отсутствует *совет*; даны его синонимы: *кеңесу* 'совещание', *мәжіліс* 'заседание, собрание'. [КРС, 54]: *совет* 'совет'; *Совет өкіметі* 'Советская власть'; *мәслихат кн.* 'совет, одобрение'; *мен сізге былай деп мәслихат берер едім* 'я бы дал вам такой совет'; *мәжіліс* 'совещание, заседание'; *кеңес* 'совет, совещание'; *кеңесші* 'советник'.

Существует немало новообразований от *совет*: *советтендіру* 'советизировать'; *советтік* 'советский'; *совет* (сущ.), *советтен* (гл.), *советтендіруші* (сущ.), *советтік* (прил.), *советшіл* (прил.) и т.д. *Иса 1918–1923 жылдарда ауылды советтендіруге араласты* 'С 1918 по 1923 Иса принимал активное участие в установлении советской власти (советизации)' [ЛЖ, 85]. *Советтік*

Қазақстан 'Советский Казахстан' [КТТС, т. 8, 308] *Совет дәуірінде талай-талай таланттардың көзі ашылды* 'В советскую эпоху много талантов проявили себя' [Мәуленов, Жұлдызды жырлар, 63] *Ол төңірек толық советтеніп те болмаған кезең еді.* 'Это было время, когда еще власть прочно не установилась' [Г.Сыланов Замана. 70]. В этом примере *советтеніп* не может переводиться как одна лексическая единица, и потому необходима описательность этого слова, т.е. носителем казахского языка оно понимается в значении 'советизироваться', а поскольку в русском языке не совсем удачен этот глагол, то мы имеем такой вариант перевода. *Ол кезде мұғалім жалғыз оқыту ісімен ғана емес, ауылды советтендіруші, совет өкіметінің саясатын, тап күресінің маңжайын түсіндіруші, жалынды үгітшіде болды* 'В то время учитель занимался не только преподавательской деятельностью, он был в ауле проводником Советской власти, политики, являлся пламенным агитатором' [КМ].

Данные словарных статей говорят о том, что заимствованная лексическая единица *совет* в казахском языке расширила границы своего значения. Критерием синонимичности единиц *совет* - *кеңес* является полное семантическое совпадение слов. Совпадение наблюдается в единстве понятия «советская власть», «государственный орган», также во взаимозаменяемости. *Совет өкіметі тұсында...* 'При советской власти...'. *Қалынан келсе әліде болса ел жұртты кеңес жолынан бөліп алмақ, кедергі етпек* 'по возможности они хотели бы, чтобы народ свернул с советского пути' [И.Есенберлин, 67]. *Көп ұлтты совет халқының ән-күйін шетел халықтарына таныстырудың беташары осы концерт болатын* 'Этот концерт, песни и танцы многонационального советского народа являются первым знакомством для зарубежных зрителей' [С. Бегалин, Сахара]. В данном примере *совет* выступает заменителем казахского существительного *кеңес*, обе лексемы проявляют в этом случае полную семантическую тождественность и взаимозаменяемость. *Совет* заимствовано во все языки мира со значением 'государственная власть', 'выборный орган', в процессе социальных перемен, войдя в словарный актив другого, неродственного языка, оно расширяет свой семантический объем, также увеличиваются его словообразовательные функции.

В казахском языке существуют синонимы *кеңес*, *мәслихат*, *мәжіліс*, в русском соответствующие им понятия выражаются одним словом *совет*. Перечисленные слова носят чисто национальный характер, и таким образом, выражая вместе с отмеченными синонимами одно общее значение 'собрание, совещание, заседание, согласование', вместе с тем они служат для передачи экзотизма в художественной и публицистической литературе. *Совет еліндегі өкімет билігінің ең жоғарғы органының өкілі есебінде, ол халық аралық көптеген мәслихаттарға, кеңестерге қатысты* 'Как представитель высшего государственного органа в Советском Союзе он участвовал во многих международных

совещаниях заседаниях' [Ә Шәріпов, 70] *Совет* в казахском языке выступает в роли прилагательного для обозначения русских производных прилагательных. 'Советский Союз' – *Совет Одағы*; 'Советская страна' – *Совет елі*

Оба слова, *совет* – *кеңес* обозначая одно или близкие понятия дополняют друг друга. В то же время к *совет* – *кеңес*, обозначающим определенные исходные понятия примыкают тесно связанные с ними по значению *мәжіліс*, *мәслихат*, дополняющие их в семантическом и стилистическом отношении. Все эти слова составляют одну лексико-семантическую группу, в которой *совет* – *кеңес* являются опорными словами с заданной темой 'государственная власть, орган', 'страна'. *Совет* активизирует словообразовательные ресурсы языка. *Совет советтен* 'советизируйся' (гл.), *советтендіруші* 'человек, устанавливающий советскую власть'; *советтен* 'процесс установления сов. власти'; *советтік* 'советский' (прил.); *советшіл* 'сторонник Советов' (сущ.) [КТТС, т. 8, 308-309]. *Совет азаматтары* 'советские граждане'; *советтің байтақ отаны* 'просторы советской отчизны'; *советтенген қазақ ауылы* 'принявший советскую власть казахский аул'; *ауылды советтендіретін, мәдениеттендіретін жастар ғой* 'устанавливать власть советов, поднимать культуру на селе придется молодежи' [Ә.Набиев, 69]. *Советтендіру және совет қурылысын дамыту* 'советизировать и укреплять советскую власть'. *Ауылды советтендіруші* 'человек, устанавливающий власть на селе'. *Советтік өмір* 'советская жизнь' (прил.).

Данные примеры подобраны в основном из газет, статей и поэтических сборников 1930-1970 гг. В этот период характерным было использование заимствованной лексемы *совет* только лишь в смысле государственной власти. *Совет*, безусловно, входя в лексику казахского языка, пополнило число синонимов *кеңес*, *мәжіліс*, *мәслихат*. Оно ярко характеризует определенный исторический период, общественно-политическую формацию. *Совет* вошло в лексико-семантическую систему языка, является грамматически освоенным словом, его производные включаются в категорию определенных частей речи. Например, *ауыл совет* (сущ.), *советтен* (гл.), *советтік* (прил.).

В настоящее время казахский литературный язык, особенно его словарный состав, переживает момент бурного развития. В связи с этим замечено, что со страниц газет и журналов стал уходить в прошлое рассматриваемый лексический элемент *совет* в том значении, в котором он широко использовался. Вместо этого заимствования стало больше функционировать его казахское соответствие *кеңес*. *Санкт-Петербург-тан Жоғарғы Кеңес төрағасының орынбасары Қайролла Ережепов басқарған Қазақстан делегациясы оралды* 'Казахстанская делегация во главе с заместителем председателя Верховного Совета вернулась из Санкт-Петербурга' [АА, 22.06.93]. Стилистическая значимость *кеңес* не остается неизменной, оно переживает свое второе рождение, возвращается в активный фонд словаря с несколько измененным значением, в котором преобла-

дает общественно-политический фон, сохранив за собой денотативный признак. Если в ранних словарях [КРС 54, 210 *кеңес* 'совет, совещание'] *кеңес* рассматривали как моносемантическую единицу, то в [КТТС, т 4, 615-616] оно показывается как полисемантическая лексическая единица. Она имеет четыре значения: 1) гл. *әңгімес- сөйлес-, сұхбаттас-* 'беседовать', 'разговаривать', 'интервьюировать'; 2) имя. *әңгіме, сөз* 'беседа', 'разговор'. *Айбадан кеңес басталсын* 'Пусть беседа начнется с Абая'. *Кеңес берді* 'Он давал совет' *Совет үкіметінде молдаға қарсы қандай заң барын білуге сізден кеңес сұрай келіп ем* 'У советской власти против муллы какие законы существуют, хотел спросить у вас совета?' [А.Байтанаев, 68]. 3) имя: *мәжіліс, жиналыс* 'совещание', 'собрание'. *Ауданда үлкен кеңес ашылмақ ауыл шаруашылғы бойынша Қарт колхозшыларды шақыртқан екен* 'В районном центре созывается сельскохозяйственное совещание. Приглашены ветераны колхоза' [Ә.Әлімжанов, 70]. 4) имя: *кеңес*. Имеется помета *историзм*. *СССР-дің мемлекеттік үкімет орны, Совет* 'Государственный орган в СССР'.

В результате семантического анализа синонимической лексической пары *совет - кеңес* удалось выяснить, что данная пара совпадает лишь в двух значениях.

СОВЕТ

1. Государственная власть; страна.
2. Коллегиальный орган.

КЕҢЕС

1. Гл. беседовать, разговаривать.
2. Имя. Рассказ, слово, речь.
3. Имя. Совещание, заседание, собрание.
4. Государственная власть
5. Коллегиальный орган. Н-р, *ауылдық кеңес* 'поселковый совет'; *аудандық кеңес* 'районный совет'

Қазір Будапеште өткен Еуропадағы қауыпсыздық және байланыс кеңесінің мәжіліс туралы мемлекет басшылары өз пікірлерін айтуда, Болгария президент Ж.Желев Ресейді оқшаландыруға болмайды дей келіп, сөйтсе де «НАТОның мүшесі кім болуы керек дегенді Ресейдің шешкенін біз қалдамаймыз» деді. 'По поводу прошедшего в Будапеште совещания Совета Европейской Безопасности высказали свои мнения главы государств, президент Болгарии Ж.Желев отметил, что сторониться России не следует, но ее отношения к членству в НАТО придерживаться не собираемся' [ЕҚ 9.12.94].

Занятное из системы русского языка *совет* полностью освоено в фонетико-грамматическом отношении, дало множество новообразований, складывается. Войдя в лексику современного литературного казахского языка, попол-

нило лексико-семантическую группу слов со значением 'советская власть', 'государственный выборный орган', 'страна'.

Возможно, исследование синонимии данного синонимического ряда и других в какой-то степени смогут быть полезными в решении проблемы казахской лексической синонимии, в решении вопроса квалификации и употребления лексических заимствований и их параллелей в современном казахском языке, а также проблемы адекватного отражения этих единиц в различных словарях.

Литература

- АА - газета «Алматы ақшамы».
- Әлімжанов Ә. Махамбеттің жебесі, 1970
- Байтанаев А. Қайнар бұлақ, 1968.
- Баскаков Н.А. Развитие языков и письменностей народов СССР // Вопросы языкознания М., 1952. С. 33.
- Бегалин С. Сахара.
- Будагов Р.А. Слово и его значение. Л., 1947. С. 61.
- Есенберлин И. Қатерлі өткел.
- ЕҚ - газета «Егемендік Қазақстан».
- КРС, 1945 - Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1945.
- КРС, 1954 - Казахско-русский словарь. Составители: Махмудов Х., Мусабаяев Г. Алма-Ата, 1954.
- КТТС, 1974 - Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алма-Ата, 1974, тт. 1-10.
- ЛЖ - «Лениншіл жас».
- Мауленов С. Жұлдызы жылдар, 1963.
- Нәбиев Ә. Шолпан, 1969.
- Сыланов Г. Замана шежіресі, 1970.
- Шәріпов Ә. Алыс жағалаулар, 1970.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Происходящие в последние годы изменения в национально-языковой политике, явившиеся реакцией на реализацию в 60–80-х гг. теории слияния наций в единую «советскую общность», не прошли мимо Хакасии. Хакасская автономная область, бывшая в составе Красноярского края, в 1991 г. была провозглашена Республикой Хакасия и ныне, по Конституции 1993 г., является самостоятельным субъектом Федерации. 20 октября 1992 г. в республике был принят «Закон о языках народов Республики Хакасия», по которому государственным языком наряду с русским объявлялся и хакасский. По данным переписи населения 1989 г., хакасов в стране насчитывалось 81482 чел.; из них проживало на территории Хакасии 62859 чел., что составляло всего 11% от населения республики. Придание статуса государственного в пределах республики языку ее титульной нации, составляющей значительное меньшинство населения, да еще с учетом небольшого объема общественного функционирования хакасского языка, является, скорее, перспективной задачей его сохранения и развития, чем констатацией реального положения дел.

Между тем, тот факт, что хакасский язык нуждается в определенных мерах по его целенаправленной поддержке, становится все более и более очевидным. Из общего числа хакасов, проживающих в республике, назвали родным язык своей национальности 83,2%, русский язык – 16,7%; 2,1% хакасов владеют хакасским как вторым, русский язык в качестве второго назвали 72,4% хакасов. Таким образом, по данным переписи, всего 14,7% хакасов не владеют родным языком. Имея представление о ситуации в целом, можно с уверенностью сказать, что из-за соображений национального престижа часть хакасов (как правило, из числа интеллигенции, служащих) при ответе на вопрос о родном языке назвали язык своей национальности, фактически слабо или вообще не владея им. То же самое делалось и в отношении детей, которые не могли самостоятельно отвечать на вопросы переписи. Некоторые специалисты считают, что «практически не владеют своим языком до 40% хакасского населения»¹. Отсутствие точной фактической картины в этом вопросе вызвано тем, что в республике не проводились какие-либо целенаправленные социолингвистические исследования с более точной постановкой вопросов о степени владения и применения языков в той или иной сфере.

¹ Государственная программа сохранения и развития языков народов Республики Хакасия на 1993–2000 гг. (проект). Абакан, 1993, стр. 6.

Общественные функции хакасского языка в настоящее время реализуются прежде всего в сферах семейно-бытового общения, образования, массовой коммуникации и духовной культуры, причем степень использования языка в названных сферах весьма неодинакова. Проведенные в 1978–79 гг. исследования В. П. Кривоногова показали зависимость использования хакасского языка в качестве средства общения носителей данного языка от степени этнической однородности². В моноэтнических населенных пунктах разговорным языком назвали хакасский 75,2% хакасов, хакасский и русский – 15,8%. В населенных пунктах с приблизительно равным соотношением хакасского и русскоязычного населения 43% хакасов использовали в общении друг с другом хакасский язык, 24% – хакасский и русский, остальные, т.е. треть, предпочитают общаться на русском языке. В городах и других населенных пунктах с преобладанием нехакасского населения в семейно-бытовом общении хакасский язык используют только 12,5% хакасов, русский язык – 54%.

В сфере массовой коммуникации хакасский язык функционирует весьма ограниченно. На хакасском языке издается одна республиканская газета «Хакас чирі» («Земля хакасская»), тиражом 2750 экз., и литературно-художественный альманах «Ах тасхыл» («Белогорье»). Что касается радио- и телевидения, необходимо прежде всего отметить, что местные программы в целом занимают очень мало времени в общей сетке трансляции. Радиовещание на хакасском языке, составляя 40% местного вещания, количественно выражается в 131 – 135 часах в год, или 2,5 часа в неделю (данные за последние три года). То же самое относится и к телевидению: 32% местного вещания – 110 часов в год, или всего 2,1 часа в неделю. К тому же, существующая система телекоммуникаций не позволяет принимать местные программы в Аскизском и Таштыпском районах, где проживает 45,6% хакасов республики.

В республике действует Хакасский драматический театр, молодежный театр «Читиген», республиканская филармония с хакасской фольклорной группой. Благодаря усилиям сотрудников Хакасского культурного центра и Научно-методического центра в последние годы начали проводиться на хакасском языке культурно-массовые мероприятия.

В связи с ограниченным объемом функционирования, средства массовой коммуникации и учреждения культуры не оказывают того влияния на носителей хакасского языка, которое они потенциально могли бы и должны были оказывать, особенно на молодое поколение, поддерживая социальный престиж родного языка.

² Кривоногов В.П. Влияние национальной среды на языковые процессы у хакасов // Вопросы хакасского литературного языка. Абакан, 1984, стр. 162–181.

Справедливо положение о том, что именно язык обеспечивает общественное самосознание народа, его национальное достоинство³.

Объявление хакасского языка одним из государственных языков Республики Хакасия вполне объяснимо с точки зрения политических задач утверждения национального суверенитета. Однако приведенные нами факты функционирования хакасского языка указывают на то, что в настоящее время имеется недостаточно предпосылок для успешного выполнения им своих государственных функций. По закону о языках предусматривается в течение 10 лет введение хакасского языка в такие сферы, как дело- и судопроизводство, деятельность государственных органов, организаций, предприятий и учреждений, обслуживание и коммерческая деятельность, географические наименования, официальная документация и некоторые другие. Исходя из объема реального функционирования языка, это возможно осуществить, как нам представляется, лишь после длительного процесса сложной и трудоемкой подготовки в гораздо более поздние сроки. Необходимо отметить, что это относится не только к Хакасии, но и к большинству автономий Российской Федерации⁴.

Литературная форма хакасского языка была создана в 1920-е гг. на базе двух достаточно различающихся между собой диалектов обладающих наибольшим числом носителей, - сагайского и качинского. Создание письменности, ликвидация безграмотности, необходимость ведения агитационно-массовой работы - все это способствовало широкому функционированию хакасского языка в различных сферах жизни в эти и последующие годы. Однако в 60-80-е годы произошел определенный откат, общественные функции хакасского языка стали сокращаться. Перевод школьных и дошкольных учреждений на русский язык обучения и воспитания подорвал общественную значимость родного языка и привел к тому, что доля хакасов, не владеющих родным языком, резко увеличивается от старших возрастных групп к более молодым. Реальное использование хакасского языка связано во многом и с расширением социальной базы литературной формы. При преимущественно сельском типе расселения хакасов и существующих диалектных расхождениях это возможно и необходимо проводить в первую очередь в сфере образования. На данном этапе целесообразным является введение хакасского языка как языка обучения в начальной школе и как языка изучения - в средней, а также как языка воспитания - в дошкольных учреждениях. Общеизвестно, что обучение языку нужно начинать в раннем возрасте. В более позднем возрасте эффектив-

³ *Салцев В.М.* Языковой вопрос в многонациональных странах и языковая ситуация в РСФСР // Русский язык в СССР. 1990, №4, стр. 17.

⁴ *Баскаков А.Н.* Социально-демографические и социолингвистические факторы языковых ситуаций в национальных регионах России // Родной язык. 1994, №1, стр 6 - 8.

ность этого процесса снижается. А когда речь идет о выживании языка народа то здесь ответ однозначный: прежде всего сфера образования, поддерживаемая массовой коммуникацией и духовной культурой, способна сохранить язык и обеспечить предпосылки для его развития.

Программой Министерства образования, принятой в 1991 г., предусматривалось завершить перевод начальных классов на хакасский язык обучения в 1995 г. На декабрь 1995 г. из 12940 детей-хакасов, посещающих школы, изучают родной язык 9030 (70%). В районах республики с достаточно многочисленным и компактно проживающим хакасским населением – Аскизском (33,4% хакасов республики) и Таштыпском (12,2%) охват детей изучением родного языка выше и составляет соответственно 90,2 и 83,2%. Характерно, что в третьем по численности хакасов районе – Ширинском (7,4%) охвачено только 56,1%. В столице республики, городе Абакане из 2046 хакасских детей соответствующего возраста изучают родной язык 670 (32,7%). В других городских населенных пунктах и Бейском районе хакасский язык не функционирует ни как язык обучения, ни как предмет изучения. В Абакане и других населенных пунктах, где хакасы составляют меньшинство, во многих школах изучение хакасского языка отдано факультативной форме, что вкуче с другими факторами экстралингвистического характера, о которых уже шла речь, не способствует эффективности занятий. С этой точки зрения, не может быть признан полностью соответствующим поставленным задачам даже достигнутый ныне 70-процентный охват детей школьного возраста изучением родного языка.

Примерно такое же положение в сфере обучения родному языку в дошкольных учреждениях. В республике действовало (данные на май 1995 г.) 17 национальных детских садов, а кроме того, еще в 39 садах хакасский язык изучался в отдельных группах или в кружках. Министерство образования констатирует непрекращающееся сокращение количества детских садов и снижение процента охвата детей дошкольного возраста детскими учреждениями – с 51% в январе 1995 г. до 39% в мае того же года.

Глобальная для современной хакасской науки задача сохранения и развития родного языка решается во взаимодействии множества факторов – политических, демографических, культурологических и социолингвистических. В наиболее общем виде социолингвистические факторы выражаются в объеме реализации общественных функций и в степени владения языком. Существует прямая зависимость между количеством социальных функций языка и его жизнеспособностью: чем больше количество сфер, в которых он активно употребляется, тем выше витальность языка.⁵ Степень владения языком

⁵ Михальченко В.Ю. Социолингвистический портрет письменных языков России: методы и принципы исследования // Методы социолингвистических исследований. М., 1995, стр.208.

связана с характером распространения его среди различных возрастных и социальных групп. Поскольку наиболее заметное снижение процента населения, владеющего родным языком, дают возрастные группы детей и молодежи, то сфера образования в деле распространения хакасского языка, поддержания его общественной значимости становится одной из ключевых. Это объясняется следующими факторами: 1) массовостью охвата того возрастного контингента, который более всего способен эффективно овладеть языком; 2) регулируемостью самой сферы, тем, что она проводится в государственно-организованных формах. Еще одна важная задача, стоящая перед сферой образования, - закрепить владение литературной формой хакасского языка, без широкого распространения которой невозможно дальнейшее функциональное и внутривидовое развитие языка.

Осуществляемый в настоящее время перевод начальной школы на хакасский язык обучения, помимо финансовых, материально-технических, организационных проблем, сопряжен с целым рядом научно-педагогических задач - повышением уровня подготовки и переподготовки преподавательских кадров, созданием новых и совершенствованием существующих программ, учебников, всего учебно-методического комплекса для владеющих и, особенно, для не владеющих языком, развитием учебной терминологии и учебного подстиля.

Изучение национальных языков в системе народного образования - первый шаг к их укоренению на родной почве. А свободно жить и развиваться они смогут только тогда, когда будут функционировать в различных сферах общественной жизни⁶. Однако необходимо помнить, что для того, чтобы в языковой ситуации произошли какие-либо заметные изменения, понадобится смена не одного поколения.

⁶ Кокова В. Живи, родной язык // Советская Хакасия, 19 января 1990 г.

ВОКАЛИЗМ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Гласные *i и *e

Вокализм остается одной из наименее разработанных тем сравнительной фонетики алтайских языков. В работе [Старостин 1991] я попытался дать сводную таблицу соответствий алтайских гласных (стр. 24, 82). С тех пор, однако, в процессе работы над этимологическим словарем алтайских языков, возник уже целый ряд дополнений, уточнений и исправлений предложенных соответствий. Данная статья является первой в серии статей, посвященных подробному рассмотрению вокалических соответствий в алтайских языках.

В настоящее время системы гласных в отдельных подгруппах алтайских языков восстанавливаются следующим образом:

1. Тунгусо-маньчжурские языки:

*i	*ū	*u
*e		*o
	*a	

См. разбор тунгусо-маньчжурского вокализма в [Старостин 1991, 22-23].

2. Тюркские языки

*i	*ū	*i	*u
*e	*ō	*a	*o
	*e ^w	*a	*a ^w

Данная схема основана на работе [Мудрак 1993]. В данной работе вводится еще ряд восходящих дифтонгов: *ia, *ie, *io, *id, *iu, *ii (стр. 110-121). Следует заметить, однако, что среди дифтонгов больше всего надежных примеров приводится автором на дифтонг *ia; прочие дифтонги встречаются в очень немногих случаях и реконструкция их несколько сомнительна.

3. Монгольские языки

Общемонгольская система, зафиксированная уже в древнейших письменных памятниках, такова:

*i	*ū	*u
*e	*ō	*o
	*a	

4. Корейский язык.

Система гласных среднекорейского языка следующая:

i	ɨ	u
э	ǎ	o
	а	

Вполне вероятно, что гласный, транскрибируемый традиционно как *э*, представлял собой на самом деле *e*. Сложнее вопрос о фонетической интерпретации *ɨ* и *ǎ*. Есть много аргументов в пользу того, что они восходят (по крайней мере, в части случаев) к исконным лабиализованным гласным. Однако это не единственный источник их происхождения и по крайней мере в старых китанзмах они никогда не передают лабиализованные китайские гласные. Поэтому прямая переинтерпретация противопоставлений *ɨ* - *u*, *ǎ* - *o* как **u* - **wi*, **o* - **wo* соответственно (см., например, Whitman...), кажется нецелесообразной. Скорее нужно рассматривать *ɨ* как *i*, а *ǎ* - как заднерядный неогубленный *а*. В данной работе мы будем сохранять сложившуюся корейскую нотацию.

В среднекорейском языке имеется еще дифтонг *iə* (обычно нотирующийся как *ja*); гораздо реже встречаются дифтонги *ia*, *iu*, *io*.

5. Японский язык.

Для праяпонского в настоящее время восстанавливается четырехгласная система (см. [Старостин 1991, 64]):

*i	*u
*ɔ	
*a	

Имелись также восходящие дифтонги **ia*, **ua* (при этом **ia* - в подавляющем большинстве случаев результат вторичных стяжений), а также происходящие исключительно из стяжений нисходящие дифтонги **ui*, **əi*, **ai*.

В древнеяпонском дифтонги подверглись модификации и система гласных приобрела следующий вид:

i (< i, ui, əi)	u (< u)
ji (< i ^l)	
e (< ia, ai)	o (< ə)
je (< ia)	wo (< ua)
	a (< a)

Рефлексы общеалтайского гласного первого слога **i* в алтайских языках распадаются на пять основных типов - очевидно, в зависимости от того, каков был исходный гласный второго слога.

Тип 1 (*I 1)

ПТМ	ПТ	ПМ	кор	яп.
*1	*i	i/e	i/jə	i

1. ПТМ **ure*- 'давить, вставлять, делать подпорку' (ТМС 2, 187-188): ПТ **dire*- 'поддерживать' (VEWT 481): ст.-кор. *urʔ* 'давить, втыкать': ПЯ **ti(n)ti*- 'давить, сжимать' < ПА **tʔri*- (с вторичным озвончением в ПТ).

2. ПТМ **sire*- 'жила' (ТМС 2, 97): ПТ **siŋi*- 'жила' (VEWT 423): ст.-кор. *siŋur* 'жила; тетива' < ПА **siŋi*.

3. ПТМ **pis(ka)*- 'расщеплять, ломать' (ТМС 2, 48, 328): ПТ **iske*- 'выщипывать, выдирать' (VEWT 174): монг.-письм. *esge*- (< **fesge*, ср. даг. *herki*) 'резать': ст.-кор. *psktʔr* 'долото', *psf* 'тереть' (< **pis-kt*, **pist*): ПЯ **piŋi* 'вилы для ловли рыбы', **piŋi(n)k*- 'разламывать' < ПА **pʔisi(kʔi)*.

4. ПТМ **pil(b)i*- 'слизь; есть сырое мясо, рыбу' (ТМС 2, 38, 324): ПТ **bil(č)*- 'свариться, созреть' (VEWT 76): монг.-письм. *ilǰi-ra*, *ilǰi-re*- 'перезреть, перевариться': ст.-кор. *pirʔ* 'пахнуть (сырой рыбой, кровью)': ПЯ **piŋst-pə* 'соленое мясо или рыба' < ПА **pil(w)i*.

5. ПТМ **ilga*- 'прилежный, храбрый, умелый' (ТМС 1, 307): ПТ **tl(č)*- 'работа' (VEWT 174). монг.-письм. *üile* (?метатеза < **ilijje*) id.: ст.-кор. *Ir* id.: ПЯ **isa*- 'умелый, храбрый' < ПА **tʔli*.

6. ПТМ **ikē*- 'петь; петь непристойности, сквернословить' (ТМС 1, 301): ПТ **ike*- 'дерзить, ссориться' (EDT 101, 118-119): монг.-письм. *igeyü* 'ирония, насмешка': ст.-кор. *iki*- 'брать верх, побеждать': ПЯ **iká-r*- 'сердиться' < ПА **tʔki*.

7. Др.-тюрк. *simek* 'лес, чаща': ст.-кор. *siǰm* 'остров': ПЯ **simà* id. < ПА **simi*.

Тип 2 (*I E)

ПТМ	ПТ	монг.	кор.	яп.
*i	*e	i/e	i (tr)	i

1. ПТМ **i*- 'входить' (ТМС 1, 293): ПТ **ēr*- 'достигать' (VEWT 46): ст.-монг. *ire*- 'приходить': ПЯ **iá-r*- 'достигать' < ПА **ire*.

2. ПТМ **nīki*- 'родственник' (ТМС 1, 637): ПТ **jegin*- 'племянник' (VEWT 194) < ПА **nīk*'e.

3. ПТМ **piki*- 'тереть' (ТМС 2, 323): ПТ **ēke*- 'пилить, полировать' (VEWT 38; чув. *jaga* 'гладкий, полированный'): монг.-письм. *eke-yün* 'острый': ПЯ **pih*- 'пилить' < ПА **pʔik*'e.

4. ПТМ **sibe*- 'хвощ; болотистое место' (ТМС 2, 76): туркм. *sōv-dek* (< **seb*-) 'молочай': монг.-письм. *sibe-r* 'болотистая чаща': ПЯ **si-pà* (/ **si-pá*) 'торф' < ПА **sibe*.

5. ПТМ **nīme-kte* 'кожица на молодых рогах' (ТМС 1, 596): ПТ **jem-kek* 'темя' (VEWT 42, 208, 171, 521; чув. *šamga*): ст.-кор. *nimá* 'лоб': ПЯ **miná-i* 'вершина (горы)' < ПА **nīme*.

6. ПТ **Kem* 'болезнь' (VEWT 250): ст.-кор. *kimii* 'дефект, недостаток' < ПА **gime* (ср. также монг.-писым. *gem* 'дефект', которое, однако, может быть и старым тюркизмом).

7. ПТМ **silba-* 'обещать, предупреждать' (ТМС 2, 83): ПТ **jelbi* 'волшебство' (VEWT 196; як. *ilbi* 'одержимый'): монг.-писым. *silbe-* 'вести себя неприлично, оглядываться', ст.-монг. *silmo-sun* 'черт'; ст.-кор. *sjǝrb-* 'быть раздосадованным': ПЯ **sirá(m)p-* 'настраиваться, играть ритмичную музыку; исследовать' < ПА **zil(e)be*.

8. ПТМ **ǰira-* / **ǰire-* 'наковальня' (ТМС 1, 259): ПТ **ǰet* 'медь' (VEWT 199): ст.-кор. *ti-* 'ковать, отливать': ПЯ *(*d*)*ir-* id. < ПА **díre* (**dǰire*).

9. ПТМ **čirt-* 'вонять' (ТМС 2, 399): ПТ **čer-* 'гнить, гнилой' (VEWT 105; чув. *čir*): монг.-писым. *čer* 'мокроты; опухоль': кор. *čirt-* 'быть гнилым, издавать гнилой запах' < ПА **č'ire*.

10. ПТМ **ime-* 'новый, свежий' (ТМС 1, 314): ПТ **e^mm-* 'теперь, сейчас' (VEWT 41; чув. *əndə*): монг.-писым. *ima-Gta* 'всегда, постоянно': кор. *ima-ǰək* 'недавно': ПЯ **imá* 'сейчас' < ПА **ime*.

11. ПТМ **ǰirt-* 'погружаться' (ТМС 1, 208): ПТ **derig* 'глубокий' (VEWT 475, чув. *tarǝn*): ст.-кор. *tir-* 'входить': ПЯ *(*d*)*ir-* id. < ПА **tire*.

12. ПТМ **xilǰū* 'язык': ПТ **Kele-* 'говорить' (VEWT 248; чув. *kala-*): ср.-монг. *kele-* 'говорить': ст.-кор. *hǰs* (< **hǰə*) 'язык' < ПА **k'ij*le).

Тип 3 (*I A)

ПТМ	ПТ	монг.	кор.	яп.
*i	*i/*i	*i	a/ə	a

1. ПТМ **xilǰ-ŋa-* 'волос' (ТМС 1, 317): тюрк. **kil* (VEWT 262) id.: монг.-писым. *kilGa-sun* id.: ст.-кор. *kǝrki* 'грива': ПЯ **kǝ-i* 'волос' < ПА **k'ila(-ga)*.

2. ПТМ **sila(-bun)* 'вертел' (ТМС 2, 82): ПТ **sil / *síl* 'вертел; зуб' (VEWT 424): ст.-монг. *šit-dün* 'зуб': ст.-кор. *šǝr* 'стрела; жало': ПЯ **sǝsi* 'острая палочка', **sǝs-* 'вонзать, колоть' < ПА **síla*.

3. др.-тюрк. *šii* 'женщина': монг.-писым. *ilbe* 'соблазн; ласкать': ср.-кор. *šni-* 'соблазнять; жениться': ПЯ **ásuá(m)p-* 'развлекаться' < ПА **šíwa*.

4. ПТМ **ine-* 'наступать (о дне)' (ТМС 1, 318-319): ПТ **ipir / *ipir* 'сумерки' (VEWT 172): ср.-кор. *šniŋ-im* 'вечер, сумерки' < ПА **ina* (**ina-ra*).

5. ПТМ **kija-hta* 'шиповник' (ТМС 1, 387): ПТ **Kǝjak* 'осока, вид сорной травы' (VEWT 262): монг.-писым. *kija-ǰa* 'молодая свежая трава на берегу реки': ст.-кор. *kǝl'om* 'колючая трава': ПЯ **kǝǰá* "*Miscanthus sinensis*" < ПА **kija*.

6. ПТМ **Ina* 'младший родственник' (ТМС 1, 315): ПТ **ini* 'младший брат' (VEWT 172): ст.-кор. *ánà* 'младший брат', *áni* 'ребенок' < ПА **Ina*.

7. ПТМ **siwa* 'мазать (глиной), класть припарки' (ТМС 2, 74): ПТ **siba* 'мазать' (VEWT 414): монг.-письм. *siba* 'мазать (глиной)': ст.-кор. *spírt* 'увлажнять' (< **səpt*): ПЯ **sárá* 'балото', **sárá-s* 'мазать, окунать' < ПА **siba*.

8. Нан. *biŋzā* 'толстая игла': ПТ **biñt* 'шило' (VEWT 75): ст.-кор. *pánár* (/r) 'игла': ПЯ **pàri* id. < ПА **binfa*.

Тип 4 (*I O)

ПТМ	ПТ	монг.	кор.	яп.
*i	*i/*i(/*ü)	i	o/u/t	ə/i

1. Тюрк. **in* (~ *d*) 'дыхание, дух' (VEWT 478): ст.-монг. *či-sun* 'кровь': др.-яп. *ni* id. < ПА **i*(')*Ino*.

2. ПТМ **ginda* 'собака' (ТМС 1, 661-662): ПТ **it* / **it* 'собака' (VEWT 174): др.-яп. *inu* id. < ПА **ginto*.

3. ПТМ **dila-čā* 'солнце' (ТМС 1, 206): ПТ **ji* 'год' (VEWT 200): ст.-монг. *ju* 'год' (возможно < тюрк.): кор. *tot* (< **tolč*) 'полный год, годовщина': ПЯ **təst* 'год' < ПА **dilo* (**dilo-č*'*V*).

4. маньчж. *xisya* 'трогать, гладить, точить (нож)': ПТ **kis* 'сдавливать, сжимать' (VEWT 267): монг.-письм. *kisa* 'суживать, укорачивать': ст.-кор. *kis-nür* 'давить' < ПА **k*'*iso*.

5. ПТМ **üne(-we)* 'вчера' (ТМС 2, 183-184): ПТ **tün* 'ночь, вчера' (VEWT 505) (с вариантом **dün*, отраженным в ряде языков - по контаминации с **dül* 'сон') < ПА **t*'*Ino*.

6. ПТМ **girt* 'вырезать' (ТМС 1, 153-154): ПТ **Kir* 'ломать, скрести' (VEWT 265): ПЯ **kir* 'резать' < ПА **giro*.

7. ПТМ **gü(i)* 'холодный' (ТМС 1, 151): ПТ **Ki* 'зима' (VEWT 268): др.-яп. *kisara-gi* 'февраль, второй месяц' < ПА **gilo*.

8. ПТМ **sire* 'родник', **sir* 'педить' (ТМС 2, 101): ПТ **sik* / **süt* 'просачиваться; педить' (VEWT 420): монг.-письм. *sir-le* 'мелко капать (о дожде)', *sir-gü* 'педить': ст.-кор. *hirt* 'течь': ПЯ **sitə-t* 'капать, протекать' < ПА **sifo*.

9. ПТМ **ŋje* / **ŋja* 'просо' (ТМС 1, 244): ПТ **ju*gür (< **ju*ür) id. (VEWT 519): ст.-кор. *čə* id. < ПА **ŋjo*.

10. Эвенк. *čimečildün* 'насекомое (мухообразное с пестрыми крыльями)' (ТМС 2, 395): ПТ **čümeli* 'муравей' (VEWT 121): ст.-кор. *čóm* 'червь-древоточец': ПЯ **simi* 'сахарная чешуйница' < ПА **šimo*.

11. ПТ **sik* 'ленточка, край подола': монг.-письм. *sifit* 'тонкая веревка': ср.-кор. *stfi* (< **sudfi*) 'пояс': ПЯ **si(n)tai* 'ленточки, привязываемые к

жертвоприношениям' < ПА *sido.

12. ПТМ *sɨɣna- 'большой нож на ручке' (ТМС 2, 91). ПТ *sɨɣɣu 'копье' (VEWT 437). ст. кор. sòni 'лук' < ПА *sɨɣno

13. ПТМ *(x)ɨr- 'перхоть' (ТМС 1, 327) ПТ *kir 'грязь' (VEWT 271): монг.-письм. kir id. (может быть < тюрк.) ст.-кор. hiri- 'грязный'. ПЯ *kita-na- id. < ПА *k'iro.

14. ПТМ *xila- 'цвести, цветок' (ТМС 1 304): ПТ *Kilga- 'ость' (VEWT 263). монг.-письм. kulGa-na 'мятлик'. ст.-кор. kiri 'жнивье стерня' < ПА *k'ilo (возможно, сюда же и ПЯ *kà-i 'дерево' - если только это не австронезийское заимствование).

15. ПТМ *siba-r- 'мять; подворачивать (рукава)' (ТМС 2, 74): ПТ *sɨpa- 'мять, гладить' (VEWT 415): монг.-письм. sibqara- 'выжимать': ст.-кор. spi-pli- 'тереть' (< *supu-): ПЯ *sipà-r- 'давить, выжимать' < ПА *sɨpo.

16. ПТМ *iñe- 'смеяться' (ТМС 1, 319-320): ст.-монг. ini'e- id : ст.-кор. ün- id. < ПА *iño.

17. ПТ *dül- 'падать' (VEWT 507). ст.-кор. t- 'сыпаться опадать': ПЯ *tur- id. < ПА *ti(j)lo.

Тип 5 (*I U)

ПТМ	ПТ	монг.	кор.	яп.
*i	*i	i	ɪ-/i,-ɪ-/jə	u

1. ПТМ *ise- 'ломать' (ТМС 1, 336): ПТ *isr- 'кусать' (VEWT 167): кор. isrə (iərida) 'дробить, ломать': ПЯ *usu 'ступка' < ПА *isu.

2. ПТМ *iɣā 'песок, галька' (ТМС 1, 320-321; возможна и реконструкция *iɣu-ga(n)): кор. jə 'риф, скала в море', jə-ul 'отмель': ПЯ *ūmi 'море' < ПА *iɣu.

3. ПТМ *sipi- 'птичка' (ТМС 2, 398): ПТ *čipčik 'воробей' (VEWT 109): ст.-монг. siba'un 'птица': ст.-кор. čjəpi 'ласточка': ПЯ *tura-mai (~ *tura-mia) id. < ПА *sip'u.

4. ПТМ *čik-pa- 'мокрый, мокнуть' (ТМС 2, 398): ПТ *čik (*čig-ik) 'мокрый' (VEWT 107): монг.-письм. čigig (халх. čijg) 'влага': ст.-кор. čt-n 'влага', čhjuk- (< *čig-uk) '6. мокрым', čhú-m (< *čig-um) 'мокроты': ПЯ *tujú 'роса' < ПА *č'igu.

5. ПТМ *gil(e)- 'кольцо, браслет' (ТМС 1, 83, 150): ПТ *Kil 'рукоятка, скоба, дужка' (VEWT 263): ст.-кор. kilnám 'седло': ПЯ *kúra id. < ПА *gilu.

6. ПТМ *čiki- 'запихивать' (ТМС 2, 178, 391): ПТ *tik- 'запихивать' (Мудрак 75): монг.-письм. čiki- id.: ст.-кор. tik- 'окунять, вдавливать': ПЯ *túk- 'окунять' < ПА *t'ik'u.

7. ПТМ *pirugē- 'молиться' (ТМС 2, 327-328; возможно, монголизм): ПТ *ir- 'предсказание, предзнаменование' (VEWT 166-167): ст.-монг. hiru'e- 'благословлять': ст.-кор. pir- 'молить' < ПА *p'iru.

8. ПТМ *dikē- 'прятать' (ТМС 1, 205): ПТ *dik- 'ставить вертикально'

(VEWT 479) монг.-письм *čike* 'вертикально. ст.-кор *ɥəkɪ* 'вкапывать' < ПА **ɪlk* 'u

9. ПТМ **ir(V)ge* 'петь песни, складывать стихи' (ТМС 1, 326); ПТ **ir* 'песня' (VEWT 166 201). ст.-кор *ir-p* 'петь песни'. ПЯ **úta* 'песня' < ПА **iru*.

10 ПТМ **sike* 'короткий' (ТМС 2, 81). др.-тюрк *sik* 'мало': ст.-кор *skà-* (< **sikà-*) 'уменьшаться ссыхаться': ПЯ **süku*, *sükua* 'мало' < ПА **sik* 'u.

11 ПТМ **iru* 'борозда' (ТМС 2 328); ПТ **ɪf* / **ɪf* 'след; борозда' (VEWT 175); монг. письм *iraya* 'рябь, стремнина, зыбь (на воде)' ст.-кор. *iran* 'борозда'. ПЯ **utu-* (> *udu*) 'водоворот, стремнина' < ПА **ɪtu*.

Гласные непервых слогов в алтайских языках чрезвычайно неустойчивы: хороших соответствий между ними не наблюдается. В языках-потомках они активно редуцируются и сливаются с гласными суффиксов (чему способствуют часто происходившие процессы выпадения инлаутных звонких согласных и сонорных. Так, ПЯ **simà* 'остров', скорее всего, восходит к суффиксальной форме типа **simi-ga* (ср. др.-тюрк. *simek*), с последующим развитием **simi-ga* > **simV-a* > **sima* (дифтонг *jɛ* в корейской форме также, повидимому, возник в результате компенсации аналогичной редукции ауслата). Представляется поэтому разумным при реконструкции гласных непервых слогов опираться на модификации в отражениях первых гласных. Особенно полезными при этом оказываются японские (в меньшей степени корейские) рефлексмы, где гласный второго слога, по-видимому, регулярно модифицировал гласный первого (ср. общеизвестные аналогичные процессы, происходившие в более поздние периоды в истории монгольского языка)

Вышеприведенные пять типов соответствий я склонен интерпретировать как отражения одного и того же главного ПА гласного **i* в сочетании с различными гласными второго слога. В соответствии с японскими рефлексмами разумным кажется реконструировать в типе 5 конечный гласный **u*, а в типе 3 - конечный гласный **a*. Два первых типа полностью совпали всюду, кроме тюркского, где рефлекс **e* свидетельствует в пользу реконструкции древнего конечного **e* в типе 2 (и, соответственно, **i* в типе 1). Наконец, корейский рефлекс *o/u* в типе 4 (и occasionally встречающийся здесь же тюркский рефлекс *ü*) свидетельствуют в пользу реконструкции в этом типе конечного лабиализованного гласного, скорее всего, **o*.

Заметим, что ПТМ в целом неплохо сохраняет ауслатные противопоставления: в типах **I I* и **I E* преобладает переднерядная рефлексация *iɛ* (ср. **tirɛ* < **t Iri*, **sire* < **sigri*, **ikɛ* < **Ik t*, **sibe* < **sibe*, **nime* < **nime*, **jire* (но и **žira*) < **di(j)fe*, **ime* < **ime*); в типах **I A*, **I O* преобладает рефлексация *ɪa* (ср. **xingə* < **k'ila(-ga)*, **sila* < **sila*, **kjo-ka* - повидимому < **kija-ka* < **kija*, **ina* < **ina*, нан. *binžā* < **binifa*), **ginda* < **ginto*, **dila-čā* < **dilo(-č'V)*, маньчж.

xisχa- < *k`iso, *ja- (но и *je-) < *jo *signa < *signo, *xila- < *k do, *siba-r- < *sippo; редкий тип ПТМ *-и встретился только в рефлексах ПА типа *I U (ср. *piru-gē < *p`iru, *iru- < *Iru). Однако все же колебаний очень много (в том числе в пределах одного и того же корня), поэтому опираться при реконструкции ПА ауслота исключительно на ТМ данные представляется нецелесообразным.

На аналогичные пять типов разбиваются рефлексy ПА гласного *e:

Тип 1 (*E I)

ПТМ	ПТ	монг.	кор.	яп.
e	e (eɣ, ja-)	e/i	a/ə/i (Ir)	i

1. ПТМ *xetu-gde 'живот, внутренности' (ТМС 2, 451): ПЯ *kímiü 'печень' < ПА *k`emi.
2. ПТМ *newi 'молодой, свежий; младший родственник' (ТМС 1, 616-618); ?др.-тюрк. *juvu* 'приемный ребенок' (если < *jav-yu): монг.-письм *niyu-n* 'ребенок': ст.-кор. *nə* 'младший родственник': ПЯ *nipi 'новый' < ПА *nebi.
3. ПТМ *ñegñe 'весна': ПТ *jāj 'лето' (VEWT 179; чув. *śu*, як. *sajñ*): даг. *nažir* 'лето' (метатеза < *j[e]ñir): ПЯ *minámi 'юг' < ПА *ñegñi.
3. ПТМ *begi- 'замерзать, холодный' (ТМС 1, 119): монг.-письм. *beje-re* 'зябнуть': ПЯ *pija- 'стынуть' < ПА *begi.
4. ПТМ *dēre 'поверхность, лицо' (ТМС 1, 236): ПТ *deri 'кожа, шкура' (VEWT 475; чув. *tir*, як. *tiri*): ст.-монг. *dere* 'подушка': ПЯ *(d)irə 'цвет' < ПА *tēri.
5. ПТМ *ɣene- 'идти, ходить' (ТМС 1, 669-671): ПТ *ēn- 'идти вниз' (VEWT 43; чув. *an-*): ст.-кор. *nāñ* 'идти, двигаться вперед': ПЯ *in- 'уходить' < ПА *ɣēni.
6. ПТМ *erü-n 'время, период' (ТМС 2, 463-464): ПТ *ēr 'рано' (VEWT 46; чув. *ir*): ст.-монг. *er-te* 'рано': ст.-кор. *ir- id.* < ПА *ēri.
7. ПТМ *nej(le)- 'вошь' (ТМС 1, 616): монг.-письм. *ni-se-le* 'давить вшей': ст.-кор. *ni* 'вошь' < ПА *neji.
8. ПТМ *sesi-n 'стадо (олений, диких животных)' (ТМС 2, 146): ст.-кор. *sāsám* 'олень': ПЯ *sisi 'олень' < ПА *sesi.
9. ПТМ *ew-le 'двор, здание' (ТМС 2, 16): ПТ *eb 'дом' (VEWT 34a; чув. *av-la-*): ст.-кор. *ip* 'дверь': ПЯ *ipud 'хижина' < ПА *ebi.
10. ПТМ *seg(I)- 'подстилать, подстилка' (ТМС 2, 136-137): монг. *seglij* 'циновка': ст.-кор. *skár-* 'расстилать (циновку)': ПЯ *sik- id. < ПА *seki.
11. ПТМ *ēče- 'огороженное место, шатер' (ТМС 1, 286): ст.-кор. *čjāčái* 'рынок': ПЯ *(d)it id. < ПА *eč`i.
12. ПТМ *sem-ke 'мозоль' (ТМС 2, 141): ПТ *sēm (~ -ḡ, -ḡ-) (туркм. *sīm* 'воспаление', хак. *simeške* 'прыщ на лице'): монг.-письм. *seme-re* 'стираться, изнашиваться (к семантике ср. эвенк. производное *semka-* 'стираться,

изнашиваться'): ст.-кор. *həmir* 'рана, шрам; ошибка погрешность': ПЯ **simi* 'родинка < ПА **semi*.

13. ПТМ **delkē* 'деревянный настил' (ТМС 1, 233): ПТ **Tel(k)* 'подстилка деревянный настил' (VEWT 471, як. *tel, telge*): монг.-письм. *delge* 'расстилать; широкий': ср.-кор. *ürkuär* 'плот': ПЯ *(*d*)*ká(n)ta* id. < ПА **telk* 'i.

14. ПТМ **ebe* 'слабый, чахлый' (ТМС 2, 436): монг.-письм. *ebe, ebü* 'болеть, засыхать, слабость'. ст.-кор. *i'ür, i'or* 'засыхать, чахнуть': др.-яп. *ibu-se* 'б в плохом настроении' < ПА **epi*.

15. маньчж. *čeče-re* 'давить, сжимать': ст.-кор. *čičir* id.: ПЯ **ti(n)ti-ma* id. < ПА **č eč i*.

16. маньчж. *nek-de* 'гнить, киснуть': ПТ **ek-ŋi* 'кислый' (чув. *jəksü*, см. Мудрак 118): монг.-письм. *nig-si* 'гнить, киснуть': ст.-кор. *nik* 'созреть': ПЯ **ni(n)ka* 'горький, кислый' < ПА **ñek* 'i.

Тип 2 (*Е Е)

ПТМ	ПТ	монг.	кор.	яп.
е	е (ег, ja-)	е	а/э (иг) э	

1. ПТ **geŋ* 'приходить' (VEWT 248; чув. *kit*): ст.-кор. *ká* 'идти, уходить': ПЯ **kə* 'приходить' < **gele* (~*k*).

2. ПТМ **emV* 'жена, теща, самка' (ТМС 2, 451-452): ПТ **eme* 'самка; старуха' (VEWT 42; чув. *ama*): ст.-монг. *eme* 'женщина': ст.-кор. *ám* 'женщина, жена': ПЯ **mia* 'женщина' (с редукцией анлаута), **əmə* 'мать' < ПА **eme*.

3. ПТ **kəl* (~*ə, e**) 'пояс' (VEWT 258): ст.-кор. *həri* 'поясница': ПЯ **kási* id. < ПА **k'élé*.

4. ПТМ **gerbū* 'имя' (ТМС 1, 180-181): ПТ **Ker-tü* 'верный, правда' (VEWT 257; як. *kirdik*): ст.-монг. *gere* 'свидетель': ст.-кор. *kírŋ* 'рисовать', *kírwár* 'поэзия, буквы': ПЯ **kätə*, **kätəpə* 'слово' < ПА **gerbe*.

5. ПТ **enč* (~*ə, e**) 'спокойный, мирный' (VEWT 43, 172) : ст.-кор. *ánč* 'сидеть': ПЯ **əntə* 'мирный, тихий, спокойный' < ПА **enč* 'e.

6. ПТМ **ewe* 'нести (на себе)' (ТМС 2, 436) : ст.-кор. *əp* 'нести на спине': ПЯ **əp* id. < ПА **epe*.

7. ПТМ **tegēr* (/~*n*) 'нижний край, край': ПТ **Tegre* 'окрестности' (VEWT 469; чув. *tavra*, як. *diärl*): ст.-кор. *thə* (< **təhə*) 'край; двор': ПЯ **təkərə* 'место' < ПА **t'ēke(re)*. Возможно, производное от **t'ēke* 'сидеть, находиться' (ср. ПТМ **tege* 'сидеть', ст.-кор. *thá* 'ехать верхом', ПЯ **təkə* 'постель').

8. ПТМ **nep-te* 'расстилать': ПТ **jar* 'покрывать' (VEWT 187; чув. *šup*, як. *sap*): монг.-письм. *neb-seŋ* 'б. широким и длинным': ср.-кор. *nip* 'надеть (одежду)': ПЯ **nə(m)pu* 'расстилать, растягивать' < ПА **nep* 'e.

Тип 3 (*Е А)

ПТМ	ПТ	монг	кор.	яп
е	а/е	а/е(и)	а э	а

1. ПТМ **peŋkʲuʃ* 'линять, сдирать, отрывать' (ТМС 2, 47, 365, 367): монг.-письм. *aŋga-*, даг. *xaŋgaʲ* 'знять': ст.-кор. *pəŋkʲi-* 'линять; снимать одежду; знять': ПЯ **pəŋkʲ* 'а.

2. ПТ **geʃ* (~*ʃ*) 'уходить' (VEWT 258): ст.-монг. *kōdel-* (метатеза < **kedōl-*) 'двигаться': ст.-кор. *kəd-* 'ходить': ПЯ **kajua-p-* 'ходить' < ПА **keta*.

3. ПТМ **kerimuk* 'кишка, внутренности' (ТМС 1 453): ПТ **korin* 'живот' (VEWT 238; чув. *xirət*, як. *qarin*): монг. *xaramcaŋ* 'внутренности, завернутые в рубец' (< **kirma-*): ст.-кор. *kari-spjə* 'ребра': ПЯ **kara-(n)ta* 'тело' < ПА **kera*.

4. ПТМ **deg-* 'летать, подниматься': ПТ **dag* 'гора' (VEWT 454; чув. *tu*, як. *ta*): монг.-письм. *deŋe-re* 'наверху', *deg-de-* 'летать': ср.-кор. *thjə* (< **təhjə*) 'вверх, наверху' (в сложениях): ПЯ **tāká-* 'высокий' < ПА **tega*.

5. маньчж. *delfi-n* 'широкий, просторный': ПТ **jalp-* (~*ɔ*) 'плоский, широкий' (VEWT 182, як. *salbaq*): монг.-письм. *dalbaji-* 'б. плоским и широким': ? ст.-кор. *jərp-* 'тонкий' (с нерегулярным *j*): ПЯ **tāpi-ra* 'плоский' < **delp* 'а.

6. ПТМ **segV-ŋse* 'кровь', **səŋe-* 'красный': ПТ **sa(ʷ)g* 'здоровый' (чув. *svā*): ст.-монг. *sajin* 'хороший': ст.-кор. *sə'o-náb-* 'сильный, крепкий': др.-яп. *saki* 'счастье' < ПА **səka*.

7. ПТМ **xere-kte* 'кожа' (ТМС 2, 467): ПТ **kaʃ* 'кора' (VEWT 218; чув. *xojaʳ*, як. *qatirik*): монг.-письм. *qajir(a)-sun* 'кора' < ПА **k'era*.

8. ПТМ **eke* / **keke* 'женщина; старшая сестра' (ТМС 1, 480): ПТ **eke* 'старшая сестра' (VEWT 48; чув. *akka*): ?ст.-кор. *kjə* в *kjə-čip* 'женщина' (редукция < **əkə*): ПЯ **kaka* 'мать' < ПА **ek* 'а.

9. ПТМ **eru-* 'ошибаться; б. плохим, мучить' (ТМС 2, 465-466): ПТ **ət-* 'сходить с пути, с ума' (VEWT 33, 193; чув. *or-*): монг.-письм. *ere-yū* 'пытка, преступление': ст.-кор. *əʒjəb-* (б. трудным, мучительным): ПЯ **ará-* 'бушевать, б. смущенным' < ПА **əfa*.

10. ПТМ **leke-* 'намереваться, требовать' (ТМС 1, 515, 651-652): монг.-письм. *neke-* 'требовать': ст.-кор. *njəkt / nəikt* 'рассматривать, считать': ПЯ **niákə-p-* (~*ai-*) 'желать, требовать' < ПА **lejk* 'а.

11. ПТМ **esi-* 'сейчас, недавно' (ТМС 2, 468-469): ПТ **ečV* 'старший, предок' (*'ранний': VEWT 35; чув. *aʒa*, як. *á*): ст.-кор. *áčhám* 'утро': ПЯ **asá* id. < ПА **eča*.

12. ПТМ **něj-* 'открывать' (ТМС 1, 588): ПТ **jaj-* (~*ə, aʷ*) 'отходить, отходить в сторону': ст.-монг. *níe-* 'открывать': ст.-кор. *ná-* 'выходить, вырваться': ПЯ **nà-ŋ* 'становиться' < ПА **nėja*.

13. ПТ **Keʷmege* 'печка' (VEWT 250; чув. *ksʷmʷga*): ст.-кор. *kámá* 'котел':

ПЯ *kama id.

14 маньчж. *leje-* 'петь (без правил, неритмично) ПТ **ja-* 'шуметь, шум' (чув. *soj*) ? монг.-письм. *naj-ta-* 'чихать'. ПЯ **na-i* 'звук' < ПА **leja*.

15. ПТМ **kerge-* / **kerɣ-* 'обвивать(ся)' (ТМС 1, 444). ПТ **ger-* 'распирать, вешать' (VEWT 254 чув. *kar*): монг.-письм. *kere-* 'связывать': ст.-кор. *kǝr-thi-* 'вешать'. ПЯ **karà-m-* 'обвиваться' < ПА **kera*.

16. ПТМ **ene-* 'грешить' (ТМС 2, 456): ПТ **añig* 'грех' (EDT 182, як. *aŋt*): монг.-письм. *aji-* 'бояться' ст.-кор. *an-* 'грабить, насилловать': ПЯ **ána-(n)tur-* 'презирать' < ПА **ena*.

17. ПТМ **rep-ke-* 'серый' (ТМС 2, 368): монг.-письм. *baɣu-sun* 'грязь': кор. *rap* 'отходы': ПЯ **rap(u)i-* 'пепел, зола' < ПА **pera*.

18. ПТМ **degje-* 'гореть' (ТМС 1, 281-282): ПТ **jak-* 'жечь' (VEWT 181; як. *saq*, чув. *śu-dǝ*): ст.-кор. *thǝ-iǝ-* (< **tǝhǝ-*) 'жечь': ПЯ **dak-* id. < ПА **deka*.

19. ПТ **e*^m-* 'сосать' (VEWT 41-42; чув. *ǝm-*): монг.-письм. *em-kü-* 'глотать', монгол. *хагGu-*: ПЯ **rǝm-* 'есть' < ПА **p'ema*.

20. ПТМ **rǝtǝ-* 'олений жир, оленья шкура': ПТ **e*^mi-* 'мясо' (чув. *üt*, як. *ei*): ПЯ **rǝ(n)ta-* 'шкура, кожа' < ПА **p'ǝta*.

Тип 4 (*Е О)

ПТМ	ПТ	монг.	кор.	яп.
е	ǝ/ǝ	e/a/ü	ǎ/o/u	a/ǎ

1. ПТ **Kart-* 'противоположный' (VEWT 235; чув. *xiras-*): монг.-письм. *kari* 'чужой, иностранный': ст.-кор. *kǝrb-* 'быть противоположным; враг': ПЯ **kàtǝ* 'одна из двух сторон', **kàtǝ-ki-* 'враг' < ПА **k(')ero*.

2. Эвенк. *hǝlbu-* 'б. беременной': ст.-монг. *heli-gen* 'печень': ст.-кор. *rǝi* 'живот', *rǝi-* 'б. беременной': ПЯ **rǝrà* 'живот', **para-m-* 'б. беременной' < ПА **p'ǝjlo*.

3. ПТМ **rǝñge-n* 'колено' (ТМС 2, 366): ПТ *(*j*)*ln-čik* (= **ǝñ-čik*) 'голень' (VEWT 172, 203): ст.-монг. *ja-sun* (< **jan-sun*) 'кость': ст.-кор. *spjǝ* (< **rǝǝ* с префиксом частей тела) id.: ПЯ **rǝniǝ* id. < ПА **p'ǝjlo*.

4. ПТ **dǝmtr* 'жила, корень' (VEWT 460; чув. *timɣ*, як. *timtr*): монг.-письм. *daŋ-gi* (< **dam-gi*) 'корень': ПЯ **iàtǝ* 'душа' < ПА **temo*.

5. ПТМ **kete-* 'большой, много' (ТМС 1, 455-456, 360): монг.-письм. *ketü* 'слишком много, чрезмерно': ст.-кор. *kàtǝk-* 'полный, переполненный': др.-яп. *katu-te* 'совершенно, полностью' < ПА **ket'o*.

6. ПТМ **nere-* 'порхать, махать крыльями' (ТМС 1, 625): ПТ **jar-man-* (~*ǝ-*, ~*ǝ-*) 'залезать наверх' (EDT 969): ст.-кор. *nǝr-* 'летать': ПЯ **nǝr-* 'подниматься' < ПА **nero*.

7. ПТМ **kelder* 'родинка, пятно; пестрый' (ТМС 1, 446): ПТ **Kalga* (~*ǝ*, *ǝ*)

'белое пятно' (VEWT 241) монг.-письм *qalza-n, qalz-n* 'лысый, с проплешиной': ст.-кор. *korčhi* 'мозг': ПЯ **kásirà* 'голова' < ПА **kel(c)o*.

8. Чув. *pidə* 'самый, очень' монг.-письм. *mad, -med* 'самый, старший'. ст.-кор. *māt* 'старший': ПЯ **mātə-mə* 'самый' < ПА **met'o*

9. ПТМ **pebgure* 'лыжная палка' (ТМС 2, 358). ст. кор *pui* 'метла': ПЯ **pápákí id.* < ПА **p'ep(V)ko*.

10. ПТМ **xeni-* 'легкий' (ТМС 2, 455): ПТ **Kan-* 'слабый, тощий' (VEWT 222; чув. *xəj-ba-*) ст.-монг. *kōgge-n* (метатеза < **kenggō-n*) 'легкий': ст.-кор. *kánán-* 'тонкий': ПЯ **kámá-* 'тонкий, мелкий' < ПА **k'eno*.

11. ПТМ **xete-* / **xetu-* 'сильный, крепкий; преодолевать' (ТМС 2, 470): ПТ **Kat* 'крепкий, твердый' (VEWT 241; чув. *xlda*, як. *klit*): монг.-письм. *küdür* 'сильный, твердый': ст.-кор. *küt* 'твердый': ПЯ **katá-* id. < ПА **k'et'o*.

12. ПТМ **per-* 'ждать; уважать' (ТМС 2, 369-370): ст.-кор. **párá-* 'желать': ПЯ **pər-* 'желать, надеяться' < ПА **p'ero*.

13. ПТМ **dele-* 'дикий' (ТМС 1, 206, 233): ПТ **dēl(b)ü-* 'сумасшедший, глупый' (VEWT 472; чув. *tiler-*): монг.-письм. *dülei* 'глухой': ПЯ **təra-* 'вялый, расслабленный' < ПА **télo*.

14. ПТМ **ejē-* 'просить, требовать, завидовать' (ТМС 2, 442): ПТ **aj-* 'указывать, предписывать, просить' (VEWT 10; чув. *ijt*, як. *ijit*): монг.-письм. *aji-* 'кричать, болтать': ст.-кор. *oi'ó-* 'читать вслух' < ПА **aju*.

15. ПТМ **seŋkürē* 'вид цветущего растения': ПТ **süksük* 'тамариск' (видимо < **sükzük* < **šekfük* с ассимиляциями): ст.-кор. *särkó:* ПЯ **sákurá* < **se(n)korV*.

16. ПТМ **sele-* 'просыпаться': ПТ **jalay-(uk)* 'человек' (VEWT 182; чув. *štn*): монг.-письм. *sül-de* 'энергия, жизненная сила': ст.-кор. *sárám* 'человек' < ПА **zelo*.

Тип 5 (*Е U)

ПТМ	ПТ	монг.	кор.	яп.
е	а/е	е/а/у	а/э/о/у	у

1. ПТМ **kewe* 'челюсть' (ТМС 1, 442-443): ПТ **gǎb-* 'жевать' (VEWT 244; чув. *kan-la*, як. *kǎbī-*): монг.-письм. *kebi-* 'жевать': др.-яп. *kǎp-* 'есть' < ПА **kébu*.

3. ПТМ **nēm-kí* 'лук' (ТМС 1, 620-621): ст.-монг. *nutu-n id.*: ПЯ **dūmi id.* (< ***nūmi* под влиянием **da* 'стрела') < ПА **nēmu*.

4. ПТМ **seku-* 'чуткий' (ТМС 2, 139): ПТ **sq(ʷ)k(i)* 'осознавать; охранять' (VEWT 395-6; чув. *štye*): ст.-монг. *saki-* id.: ст.-кор. *škát-* 'просыпаться': ПЯ **suk-* 'любить, нравиться' < ПА **sek'u*.

5. ПТ **jeje* 'жена старшего брата' (VEWT 197-8; як. *saŋas*): ПТМ **neŋhe* 'любимая; жена младшего брата' (ТМС 1, 616, 622, 626): ст.-кор. *nūŋi* 'сестра' < ПА **neŋu*.

6. ПТМ **seruk* 'сосуд; берестяное блюдо' (ТМС 2, 146): ПТ **sarag-* 'женская

сумка или головной убор' (VEWT 405; чув. *surban*): ст.-кор. *særk* 'вид ящика': ПЯ **sur* 'бамбуковый ящик для поездок' < ПА **seru-kV*.

8. ПТМ **lelu(ke)* 'фартук' (ТМС 1, 619): ПТ **jaglik* 'платок' (Мудрак 27; чув. *şolax*). монг. *noľgo* 'шаманское украшение': ст.-кор. *noľkai* 'деталь туалета, носимая на поясе': ? ПЯ **nunua* (ассимиляция < **nuruu*?) 'ткань' < ПА **lelu(kV)*.

9. ПТМ **dengu* 'вид стрелы' (ТМС 1, 234): ПТ **de^wggil* 'ось' (VEWT 474, чув. *tə^wnə^wŋ*): ст.-кор. *thōŋ* 'ось': ПЯ **tutu* 'веретено' < ПА **tēngu*.

10. ПТМ **xert* / **xeru* 'подгребать; подметать' (ТМС 2, 462): ПТ **Kōf* 'копать; скрести' (VEWT 243; чув. *xə^wr*, як. *xas*): монг.-письм. *qar-ta* 'сгребать', *qaru* 'шлифовать, полировать': ст.-кор. *kar* 'пахать; скоблить, молотить': ПЯ **kur* 'долбить' < ПА **k'etu*.

11. ПТМ **tekti* 'густой (о жидкостях)' (ТМС 2, 230): ст.-кор. *nūthāb* id.: ПЯ **nika* 'заквашивать(ся)' < ПА **t'ek'u*.

12. ПТМ **kese* 'слово, приказ' (ТМС 1, 483): ?монг.-письм. *küse* 'просить, стремиться к': ст.-кор. *kās* / *kās* 'вещь': ПЯ **kúsá* 'вид, разновидность' < ПА **kesu*.

13. Эвенк. *mej* 'качаться, шататься': ПТ **baj* id. (як. *bajāt-taŋnā*): монг.-письм. *taji-tur* id.: ср.-кор. *mūi*, *mūi'ū* id. < ПА **meju*.

14. ПТМ **mēn* 'сам': ПТ **beŋ*, **beŋi-f* 'лицо, цвет лица; родинка' (як. *māŋ*): ср.-кор. *mót* 'тело': ПЯ **mí-i* 'тело; сам' < ПА **mēju*.

Литература

Мудрак 1993 – Мудрак О.А. Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных. Опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993.

Старостин 1991 – Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.

ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I–II. Л., 1975–1977.

VEWT – Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türk-sprachen. Helsinki, 1969.

АРМЯНО-ТУРЕЦКИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В 30-е годы нашего столетия венгерский тюрколог Дьюла Немет записал 23 текста на видинском диалекте турецкого языка, распространенном среди турков г. Видина на северо-западе Болгарии. Эти тексты были опубликованы им лишь в 1965 г. в книге, посвященной языку, фольклору и религии видинских турок¹, где они составили два раздела «Сказки» (Märchen) и «Рассказы» (Ergählungen). Последний раздел по существу также включает в себя сказки (5 текстов), в том числе одну волшебную, но от текстов первого раздела (собственно сказки) их отличает более выраженный назидательный характер.

Следует сказать, что большинство сюжетов и мотивов видинских сказок совпадает (иногда - с некоторыми незначительными вариациями) с сюжетами и мотивами сказок, собранных Пертевом Наили Боратавом и его помощниками с конца 20-х и по 60-е годы нынешнего столетия (опубликованы в 1958 и 1969 гг.)². Сказки же, изданные Боратавом, во многом представляют собой языковые варианты сказок, известных по публикациям Игнаца Куноша³, т.е. восходят по крайней мере к концу XIX в.

Отличие сказок, записанных Д.Неметом среди болгарских турок, от собственно турецких заключается в других географических условиях бытования тождественных сюжетов и мотивов. Например, если в собственно турецких сказках «опасным» водным пространством, от которого персонажам сказки можно ждать беды, является море, то в сказках видинских турок функцию моря выполняет река Дунай. Вместе с тем, для тех и других сказок характерно общее представление о «хорошем», «благополучном» пространстве, в котором разворачивается действие, - это «равнина» или «долина». Им противопоставлено «неблагополучное», «опасное» пространство «гор» и даже «вершин гор». Именно в горах с героями происходят опасные, страшные приключения, там их подстерегают не только дикие звери и птицы, но также сверхъестественные существа (дэвы, старухи-дэвы и пр.). Появление гор как места, где героям угрожают злые силы, в сюжетах видинских сказок иногда бывает столь необоснованным с точки зрения общего развития сюжета, что Д.Немет в своем переводе на немецкий язык слово «горы» передавал как «днокое пустынное место». В известной степени это верно, поскольку в таких случаях пространственное противопоставление *гора - равнина (дол)* является не столько конкретизацией оппози-

¹ Németh J. Die Türken von Vidin. Sprache, Folklore, Religion. Budapest, 1965, стр. 121-256.

² Boratav P.N. Zaman zaman içinde. Istanbul, 1958; idem Az gittik, uz gittik, Ankara, 1969.

³ Kunos I. Oszmán török népköltési gyűjtemény. Budapest, I. 1887; II. 1889; idem, Türkische Volksmärchen aus Adakale, Leipzig - New York, 1907.

ции вертикальной модели пространства. *верх - низ*, сколько обозначает социальную оппозицию *свой - чужой* или *культура* (место, где происходит цивилизованная жизнь) - *пр рода* (неосвоенное человеком пространство)

Однако сохранение при переводе слова «гора» представляется необходимым, ибо оно не только показывает специфику «опасного» пространства в сказке, но и говорит об истоках бытования сюжетов. Для сравнения можно указать, что «опасное» пространство в русских сказках - это «лес», а в сказках некоторых африканских народов - «пещера».

Среди сказок, записанных Д Неметом, обращает на себя внимание одна, названная им в переводе «Судьба» (Das Schicksal)⁴. Прежде всего интересно, что сюжет этой сказки отсутствует в указателях сюжетных типов турецких сказок В Эберхарда - П.Боратава⁵ и международном каталоге А.Аарне - С.Томпсона⁶, по крайней мере мне не удалось его обнаружить, хотя некоторые мотивы сказки можно по смыслу сблизить с уже известными. Для наглядности дальнейших рассуждений привожу полный перевод этой сказки⁷:

«Некогда жили два брата, один богатый, другой - бедный. Богатым был младший брат, а бедняком - старший, поэтому младший брат стеснялся спрашивать старшего, как идет его дела или как он себя чувствует. Вместо того, чтобы сказать: «Что поделяешься?», он каждый раз говорил: «Что поделявает ваш Аллах?» И старший брат ему отвечал: «Аллах делает лестницу. Может быть, однажды и я поднимусь по ней наверх».

Как-то раз младший брат позвал старшего и предложил:

- Иди сгребать в моем магазине золотые монеты, и я буду платить тебе за это три куруша в день.

- Ладно, - согласился старший брат.

И вот он стал работать у младшего брата за поденную плату. Когда наступал вечер, младший брат, прежде чем выдать старшему дневную плату, обыскивал его, проверял, не украл ли он чего. А потом выплачивал жалованье за день: три куруша. Так продолжалось некоторое время.

В один из дней жена старшего брата сказала:

- Ну что же это, муженек, опять всего три куруша? К нам должны приехать гости из другого города. Если бы ты достал еще три куруша, мы бы купили мыла и помыли наших детей, а то здесь будет много народу, стыдно.

- Не знаю, как быть, брат больше не дает, - ответил муж женщине.

- Укради, - предложила она.

⁴ Nemeth. Указ.соч., стр. 241-224.

⁵ Eberhard W., Boratav P.N. Typen türkischer Volksmärchen. Wiesbaden, 1953.

⁶ The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography, Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3). Translated and Enlarged by Stith Thompson. Helsinki, 1964 (FFC № 184).

⁷ Турецкие сказки. М., 1986, стр. 328-331.

- А куда спрятать украденное? Ведь он же меня обыскивает - спросил муж.

- Положи себе под язык, - посоветовала жена.

И вот этот человек спрятал под язык один маленький золотой. Когда пришел его брат и стал его обыскивать, человек неожиданно выплюнул золотой.

- А, так ты, наверное, каждый день воруюшь золотые Проваливай отсюда и больше ко мне не приходи! - рассердился брат-богач.

Вернулся бедняк домой и говорит жене.

- Вот видишь, жена, хотели мы добыть мыла, а лишились хлеба! Пойду скитаться, искать свою судьбу. За что мне посланы одни мучения? Туда отправлюсь - гонят, сюда приду - и здесь не нужен. Не могу заработать даже на хлеб! Оставляю тебя на попечение Аллаха.

Женщина осталась дома плакать, а муж ушел странствовать.

Шел он, шел и спустя какое-то время прибыл в горную местность. Смотрит: ему навстречу из хижины выходит старик-дервиш.

- Эй, сынок, - сказал дервиш, - здесь ни человек не ходит, ни дух не бродит, а ты чего тут ищешь? Входи, будь моим гостем, а не то тебя съедят дикие звери.

- Отец-дервиш, - ответил человек, - я иду искать свою судьбу. Она дала мне семью, так почему же не послала удачу?

- Оставайся сегодня у меня, сынок, а завтра отправишься дальше искать свою судьбу, - предложил дервиш.

Наступил вечер, одиннадцать часов, и перед стариком-дервишем появился накрытый стол. Миновало еще полчаса, пришел хромой ангел и спросил старика-дервиша:

- Сегодня ночью в мир явилась тысяча и одна живая душа. Какой удел мы им определим?

- То, что есть на столе, - ответил старик-дервиш.

А на столе было фасоловое яхни - блюдо из фасоли с мясом.

На следующий день человек снова собрался идти искать свою судьбу. Старик-дервиш объяснил ему, что он неразумен, не понимает своего удела, стал его удерживать, говоря: «Послушай, ну куда ты пойдешь? Ты прибыл издалека, отдохни здесь еще одну ночь, потом отправишься дальше...»

Наступил вечер, и вновь перед стариком-дервишем возник накрытый стол. Прошло еще немного времени, появился хромой ангел и спросил:

- Сегодня в мир явилось столько-то душ. Какой удел мы им определим?

- То, что есть на столе, - ответил старик-дервиш.

В этот раз на столе был чечевичное яхни, его-то и назначил в удел своим рабам старик-дервиш. Но человек снова ничего в этом не понял. А старик-дер-

виш знал что у человека должен родиться ребенок, поэтому он удерживал его от дальнейших скитаний.

На следующий вечер перед стариком-дервишем появился накрытый стол со всевозможными яствами: и сладкое, и соленое, и кислое – все там было. Миновало немного времени, пришел хромой ангел и спросил:

- На свет родилось столько-то душ. Какой удел мы им определим?

- То, что есть на столе, – ответил старик-дервиш.

А у человека именно в эту ночь родился ребенок. Старик-дервиш сказал человеку:

- Ну, сын мой, теперь ступай домой. Не ищи свою судьбу. Если бог не даст, то что может сделать человек? Считай, что ты нашел, то, что искал: твой ребенок, родившийся сегодня ночью, принесет тебе счастье. Я определил твою судьбу. Теперь, что бы ты ни сделал, куда бы ни отправился дальше, ничто не может изменить твой удел. Не бойся, тебе во всем будет удача.

Человек взял свой мешок и направился домой. Только он стал подходить к своему дому, как увидел, что двоих его соседей ведут вешать. Эти люди ему говорят:

- Сосед, нас ведут вешать. Мы украли драгоценности из сокровищницы падишаха. Они спрятаны в котле под деревом, которое растет у дороги. К ветке дерева привязан красный шерстяной платок. сверху клада навален навоз. Сунешь в него палец, как будто хочешь попробовать, – это такое волшебное средство, – и котел сам собой появится наружу.

Человек пришел туда, куда ему указали соседи. Смотрит: на ветке дерева – шерстяной платок, на земле под деревом – навоз. Человек сунул в него палец, и тут, разрывая с треском корни дерева, из земли появился котел с сокровищами. Человек насовал драгоценности в свои шаровары, в рукава, в мешок и, еле еле передвигаясь от тяжести, направился домой.

Пришел он к своему дому, глядит: перед ним собралось множество людей, чтобы выпустить птицу счастья. На чью голову птица сядет, тот должен стать падишахом. И вот птица села на мешок этого человека. Все закричали: «Не считается, не считается!», заставили птицу взлететь снова. А человек вошел в дом, смотрит: его жена лежит на ложе роженицы, и она, и повитуха – голодные. Человек спросил:

- Где наш сундук?

- Здесь, разве не видишь?

Человек вытряхнул все из мешка, рукавов, шароваров, схватил сундук и выбежал из дома. Но ему преградили путь люди, они сказали: «С тех пор, как ты вошел в дом, птица счастья ни на кого не села. Пстой немногo». И тут птица снова опустилась – теперь на голову этому человеку. Люди опять закричали: «Не считается, не считается! Повторить еще раз!..» И вот вновь запустили пти-

цу Она полетала, покружилась и опять села на голову этому человеку «Теперь считается!» – закричали люди Человека окружили солдаты повели его прямо в баню а после бани человек под громкую музыку направился во дворец. В это время он встретил своих соседей и сказал им

– Я стал падишахом Но еще раньше я нашел котел с сокровищами. Идите туда и заберите себе это богатство, пусть и вам оно пойдет на пользу.

И вот человека привели во дворец, а с ним и его султан-ханым и ребенка, и повитуху.

Они достигли своих желаний, достигнем и мы своей цели».

Как следует из приведенного текста, сказка имеет явно назидательный характер. Здесь мы видим прежде всего изображение неподобающего поведения младшего брата по отношению к старшему, который очень беден и поэтому унижен своим младшим братом. Кража, при каких бы тяжелых обстоятельствах она ни совершалась, не приведет его к добру. Человек может искать свою счастливую судьбу, стремиться к удаче, но они предопределены высшими силами. В тексте сказки это выражено пословицей «Mabub vermeden Mâmut ne uarsin?» (*Németh*. Указ соч., стр. 243), что буквально означает «Если божество не даст, что сделает Махмуд?», т.е., «Если Бог не дает, то что может сделать человек?» Долготерпение старшего брата в конце концов было вознаграждено с избытком, он обрел свою счастливую судьбу.

Интересно обратить внимание на то, что во всех случаях, когда речь идет о судьбе, употребляется слово *felek* ('судьба', но первое значение 'небо, небосвод'), когда же говорится об удаче, но также участи, уделе, появляется слово *kismet*, что также означает 'судьба'.

Согласно ортодоксальному исламу, вся жизнь человека, все его поступки, действия, события, происходящие с ним, предопределены волею Аллаха, который заменил собой представление о судьбе, существовавшее в доисламской традиции среди арабов. Аллах распоряжается людьми беспределно, и его промысел – это восстановление справедливости и правды. Поэтому Аллах – всемогущий, милостивый и милосердный Бог. Вместе с тем в Коране сохранились отголоски доисламских верований арабов в судьбу, которая понималась как участь, удел, рок, предопределенная гибель, смерть (*мднййа*). За термином стоит архаическое представление о божестве судьбы, являвшемся умирающему. Некоторая персонификация этой концепции судьбы определяется аравийской доисламской богиней Манât, которая упомянута в Коране в полемическом контексте.

Другое представление в доисламской Аравии о судьбе связано с понятием времени: термины *дахр* 'время, век', 'рок, судьба' и *замън* 'бесконечное время', 'судьба'. Как пишет Б.М.Пиотровский, первое понятие судьбы обозначает конкретную участь каждого человека, второе – это судьба всех людей, «время и

есть судьба мира» Слово *замдн* в Коране вообще не употребляется, слово *дахр* в значении времени-судьбы встречается в цитатах из речей язычников

Еще одна концепция судьбы в доисламской Аравии восходит к словам со значением 'решать, предопределять' (*кадд*) и 'решить, определить, соразмерить' (*кадар*) В мусульманской догматике эти слова стали терминами для обозначения божеского предопределения: *кадд* - решение Аллаха, *кадар* - предопределение судьба как воплощение воли Бога В Коране эти слова в значении предопределенной судьбы не употребляются В Коране не встречается и слово *кисма* (судьба, доля, участь), получившее распространение в послекораническом исламе¹.

Арабское слово *фалак* 'небосвод, небо' в переосмысленном значении - «судьба» в Коране, по-видимому, не употребляется, распространение его в таком значении среди тюрко- и ираноязычных народов, по всей видимости, следует также связывать с послекоранической мусульманской традицией. Расширение первоначального значения слова - «небосвод», «небо» до понятий «судьбы», «рока» и, кроме того, «мира» и «вселенной» у этих народов, вероятно, явилось результатом взаимопроникновения религиозно-мифологических представлений арабской и местных культурных традиций, где архаическое божество Неба являлось единственным распорядителем человеческих судеб. На основании сказанного можно сделать вывод о том, что понятия *felek* 'небо, небосвод', 'судьба, рок' и *kismet* 'участь, доля, удел', 'удача, счастье', 'судьба', употребляющиеся в сказке вилинских турок, не имеют прямой связи с Кораном и являются продуктом переосмысления арабских слов на основе и более ранних, архаических мифологий, и более поздних культурных контактов. Поэтому интересно проследить смысловое отношение понятий *Allah*, *felek* и *kismet* в турецкой сказке.

Как и полагается, в тексте, бытующем в мусульманской среде, Аллах - создатель всего сущего, он предопределяет поступки всех людей и каждого человека в отдельности, он защитник и помощник всякого в него верующего, ибо он милостив и милосерден, именно с ним человек должен связывать свои надежды на лучшее. Всем управляет воля Аллаха. Подтверждением этому являются все случаи упоминания Аллаха в тексте сказки. Так, в ее начале младший, богатый брат, испытывая неловкость из-за того, что его старший брат беден, не спрашивал у того, как идут его дела, а говорил: «Что поделявает ваш Аллах?» На что старший брат отвечал также иносказательно: «Аллах делает лестницу. Может быть, однажды и я поднимусь по ней наверх», т.е. старший брат выражал надежду, что и он когда-нибудь разбогатеет. Далее, отправляясь

¹ См. подробней: *Плютовский Б.М.* Ислам и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994, стр. 92-97.

в скитания «искать свою судьбу», старший брат говорит жене: «..Оставляю тебя на попечение Аллаха». И еще далее другой персонаж сказки старик-дerviш, объясняя старшему брату смысл происходящего с ним заключает: «...Не ищи свою судьбу Если Бог не даст, то что может сделать человек?» Хотя в этой поговорке не употреблено слово *Аллах*, а сказано *Mābub* ('божество', 'кумир', в суфийской традиции возлюбленная-Абсолют) это слово употреблено ради аллитерации со словом *Māmut* 'Махмуд' (имя собственное).

Понятие судьбы, которую отправился искать старший брат выражено словом *felek* 'небо, небосвод', 'судьба, рок'. Пускаясь в путь, старший брат говорит жене: «Поиду скитаться искать свою судьбу. За что мне посланы одни мучения?.. Не могу заработать даже на хлеб!» Следовательно, старший брат отправился искать лучшей доли, изменений в своей жизни. Затем отвечая на вопрос старика-дerviша, что он тут делает, старший брат отвечает: «...я иду искать свою судьбу. Она дала мне семью, так почему же не послала удачу?». Понятие судьбы снова выражено словом *felek*, удачи – словом *kismet*, что означает также 'счастье' и 'удел, участь'. В значении 'удел, доля, участь, судьба' слово *kismet* употребляется в повторяющихся вопросах еще одного персонажа сказки – «хромого ангела», обращенных к старику-дerviшу: «Сегодня ночью в мир явилась тысяча и одна живая душа. Какой удел (*kismet*) мы им определим?» И каждый раз старик-дerviш всем людям, родившимся «этой ночью», определял меру достатка, благосостояния. Поясняя изменение, совершившееся в судьбе старшего брата, старик-дerviш говорит: «..ребенок, родившийся сегодня ночью, принесет тебе счастье (*kismet*). Теперь... тебе во всем будет удача (*kismet*)». Таким образом, в сказке сказано, что все зависит от воли Аллаха – распорядителя судеб всех людей, но человек может пытаться найти свою линию судьбы (*felek*), а честность и терпение будут вознаграждены счастьем, удачей, счастливой судьбой (*kismet*).

Но кто же это такой – загадочный старик-дerviш? Уже сама персонификация этого образа не позволяет ему быть Аллахом. Однако сила его такова, что он не только определяет конкретный удел каждого человека, степень его достатка, но все, обещанное им старшему брату, изменение в судьбе начинает тут же сбываться, настолько, что старший брат не только разбогател, но даже стал падишахом. Интересно обратить внимание на то, что герой сказки встретил старика-дerviша в «горной местности», т.е. в чужом пространстве диких, злых и сверхъестественных сил, что подтверждается вопросом старика-дerviша, обращенным к старшему брату: «Эй, сынок, здесь ни человек не ходит, ни дух не бродит, а ты чего тут ищешь? Входи, будь моим гостем, а не то тебя съедят дикие звери». Обычно с таким вопросом-предупреждением к героям турецких сказок обращаются дэвы, старухи-дэвы, но также дerviши, наделенные то ли демонической, то ли святой силой. Другое обстоятельство: могущественный

старик дервиш вышел навстречу герою сказки из «хижины», т.е. убогого жилища, в котором согласно традиции ближне- и средневосточных мусульманских текстов особенно суфийской ориентации, обитали отшельники и святые. Конечно, в сказке видинских турков сила, проявленная стариком-дервишем, – святая *Чужое* пространство «горной местности» и вопрос, почему герой забрел в это *чужое* пространство, показывает смешение, а может быть и утрату представления о необходимости четкого разграничения пространства при описании добрых и злых сил, главным здесь является то, что старик-дервиш – существо сверхъестественное, к тому же наделенное функцией посредника между человеком и Всевышним. Хотя в Коране об Аллахе и верующих в него сказано: «Нет у них помимо Него пособника, и никого Он не делает соучастником Своего решения»⁹, а это значит, что изначально в Коране не предусмотрены святые – посредники между Аллахом и людьми, – в посткоранической традиции чрезвычайно сильно развилось почитание святых, составившее обширную область мусульманских верований. Сюда вошла прежде всего фигура Мухаммада – посланника и пророка Аллаха, реально существовавшего человека, который в позднейшей мусульманской традиции приобрел чудесные черты, его вполне реалистическая биография постепенно расцвела в мифологическими сюжетами и мотивами, в результате чего Мухаммад стал чудотворцем и посредником между Аллахом и людьми. Почитание в качестве святых распространилось на реальных и мифических сподвижников Мухаммада, на круг его семьи, пророков ислама, мучеников за веру, суфиев, а также некоторых доисламских божеств, вошедших в народный, низовой ислам путем замещения понятий и сплава ортодоксальной мусульманской религии с другими конфессиями и местными верованиями народов, принявших ислам¹⁰.

Все эти святые являются покровителями и помощниками человека, могут предотвращать различные беды, лечить, воскрешать мертвых, быстро, волшебным образом перемещаться в пространстве. Особенно чудотворной силой обладали суфийские шейхи и пиры (старцы). Поскольку синонимом термина суфий является слово дервиш (обозначение члена мистического братства), получившее распространение в персо- и тюркоязычной мусульманской среде, то понятно появление в фольклорных текстах персонажей: старик-дервиш, батюшка-дервиш, отец-дервиш, которые обладают чудодейственной силой, влияющей на развитие событий в сказках, а иногда и определяющей его. Следует сказать также, что в турецких сказках дервиш – человек исключительной святости, слугитель Аллаха, наделенный магической силой. Если учесть, что

⁹ Коран. Пер. и коммент. И.Ю.Кричковского. М., 1986, сура 18. Пещера 25(26), см. также 102(102); сура 10. Йунус. 19(18); Сура 11 Гром, 17(16); Сура 39. Толпы, 44(43)-45(44).

¹⁰ Гальдичер И. Культ святых в исламе. М., 1938.

развертывание сюжетов в волшебных сказках движется от *плохо* к *хорошему* путем ликвидации, согласно терминологии В.Я. Проппа *недостачи*¹¹, то можно считать, что дервиш (то ли святой, то ли существо двойственной природы, включающей демоническое начало, так как иногда вредит людям) действительно влияет на житейский жребий, конкретные проявления судьбы человека. Однако мне не приходилось встречать в тюркских сказках персонажа, который непосредственно, сам определял бы всю дальнейшую судьбу человека уже при его рождении. Образ старика-дервиша в сказке видинских турков, наделенный такими функциями, концептуально близок культу святых в исламе, но генетически заставляет предположить какое-то иное, возможно, нетюркское происхождение.

Наиболее близким к данному персонажу является божество армянской мифологии, носящее имя Бахт ('Судьба') - слово, заимствованное из арабского языка, с таким же значением употребляется в персидском, турецком и других тюркских языках. Согласно армянской мифологии, Бахт представляет собой персонификацию понятия судьбы в облике седобородого старца, который по одной версии находится на небе, по другой - на высокой горе. Бахт определяет судьбу каждого человека. В поверьях армянского народа этим именем иногда называют духа счастья, посылаемого судьбой отдельному человеку или его семье. Другое название духа - Довлат ('Благосостояние')¹² - также арабское слово (*daulat*), означающее в турецком языке 'счастье', 'благополучие, благо' (*devlet*). Из сказанного вытекает, что в армянской мифологии представление о божестве судьбы в сознании людей связывается с представлением о духе счастья, благополучия, посылаемого каждому человеку. Как мы помним, в сказке видинских турков «старик-дервиш» вершит также счастливую судьбу главного героя. В этом отношении показателен финал сказки, где появляется мотив «птицы счастья» (*devlet kuşu: devlet 'счастье, благополучие, благо', kuş 'птица'*). Того, на чью голову сядет «птица счастья», народ выбирает падишахом. Таким избранником становится герой сказки - старший брат. В связи с этим интересно привести строки из 17 суры Корана: «И всякому человеку Мы прикрепили птицу к его шее и выведем для него в день воскресения книгу, которую он встретит разверстой: «Прочти твою книгу! Довольно для тебя в самом себе счетчика!»¹³. К выражению «прикрепили птицу к его шее» И.Ю. Крачковский дает примечание: «Птица - признак судьбы по представлениям арабов; [она] прикреплена как ожерелье на шее»¹⁴. Следовательно, в мусульманской тради-

¹¹ Пропп В.Я. Мифология сказки. Изд. 2-е. М., 1969.

¹² Мифы народов мира. М., 1980, т. 1, стр. 165, со ссылкой на: *Aboghlan M. Der armenische Volksglaube*, Lpz., 1899.

¹³ Коран. Сура 17. Перенос ночью, 14(13)-15(14).

¹⁴ Коран, стр. 570.

ции испытание «птицей счастья» является испрашиванием предназначений судьбы которой ведаёт Аллах Слова Корана о книге которая будет представлена каждому человеку «разверстой» в Судный день, чтобы он сам мог видеть перечень своих добрых и дурных поступков в жизни, можно сопоставить с представлениями армянской мифологии о том, что предназначения судьбы – старца Бахта для каждого человека записываются в особых книгах, в них также ведётся учет грехов и благих поступков каждого ангелом смерти Грохом. Они станут известны в день воскресения из мертвых¹⁵. Возможно, что не менее загадочный персонаж турецкой сказки – «хромой ангел», помогающий «старик-дервишу» определить удел каждому человеку – является переосмыслением этого заимствованного персонажа.

Привнесение в мир турецкой сказки трансформированных персонажей из армянской мифологии представляется вполне возможным, если учесть, что, по мнению Д Немета, диалект турецкого языка, на котором говорили видинские турки, относится к северо-восточной области османско-турецкого языкового пространства. А город и порт на Дунае Видин был завоеван турками в 1396 г¹⁶. Вместе с тем, как мы видим, армянская мифология заимствовала для обозначения собственных понятий слова из арабского языка, что естественно определяется контактами с мусульманскими народами. Известно также, что в армянскую демонологию вошло представление о дэвах, вишап (дракон, змей) Аждахак имеет такое же обозначение, как и дракон Адждаха (Адждарха, Эдждерха) в волшебных сказках народов мусульманского мира – заимствование из древнеиранской мифологии.

Приведенные выше сопоставления свидетельствуют о тесных религиозных и культурных контактах разных мусульманских и немусульманских народов. Решение же вопроса о том, кем и когда было заимствовано, довольно сложно, ибо многие мифологические представления как армян, так и турков, уходят в глубь веков, в доисламские времена, и для обоих народов важен древний малоазийский и переднеазиатский субстрат верований, который лег в основу позднейших мифологических представлений и повлиял на расширение понятий собственно коранической традиции. Поэтому будет вполне оправданно квалифицировать проанализированное выше сходство понятий и персонажей как манифестацию параллельно сосуществующих (не без взаимовлияния) мифологических мотивов и сюжетов.

¹⁵ Мифы народов мира. т. 1, стр. 336–337.

¹⁶ Németh. Указ.соч., стр. 7–8.

О НЕКОТОРЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СВОЙСТВАХ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.А.Баскаков для разработки и установления структурной типологии тюркских языков вообще и, следовательно, выявления структурных особенностей каждого тюркского языка в отдельности как конкретно-исторического способа реализации общетюркских закономерностей считает необходимым сосредоточить внимание прежде всего на характеристике моделей синтагматического и морфемного уровней, так как «именно эти уровни вскрывают основные формы лексических и синтаксических отношений слов между собой, определяющих грамматическую структуру языка» [1, 27-28]. При этом в своих трудах по исторической типологии тюркских языков Н.А.Баскаков широко использует методику моделирования языковых структур разных уровней, считая, что модели, обобщающие конкретные реализации таких структур, являются удобными единицами типологического анализа.

Сопоставление, наложение выявленных моделей позволяет не только понять специфику отдельного языка, но и проследить историческую перспективу становления и развития грамматического строя тюркских языков в целом. Как известно, моделирование синтаксических структур часто применяется и представителями новосибирской школы исследователей алтайских языков [2, 3].

Н.А.Баскаков подчеркивает также важность функционального подхода к анализу языковых фактов, поскольку функционирование каждой грамматической категории, морфологической формы системно обусловлено связями во всей структуре языка. В грамматических описаниях отдельных тюркских языков - ногайского, алтайского, уйгурского, каракалпакского и др., - выполненных этим автором, представлены образцы указанного подхода к материалу.

Плодотворность идей такой методической установки Н.А.Баскакова о слиянии структурно-типологического моделирования и функционально-семантического анализа грамматической категории может быть продемонстрирована на примере рассмотрения распространенных синтаксических структур современного уйгурского языка (вариант, распространенный у уйгуров Синьдзяна), в которых участвуют деепричастные обороты. Н.А.Баскаков описывает такие деепричастные обороты как «атрибутивно-обстоятельственные» структуры, построенные на базе «атрибутивно-обстоятельственных функциональных форм глагола», или деепричастий [1, 179 и сл.; 4, 459-473; 5, 233-237]. Мы рассматриваем эти конструкции в рамках теории полипредикативных синтаксических конструкций с зависимыми предикативными структурами.

При характеристике внутривидовых отношений в полипредикативной конструкции а также и в зависимых синтаксических структурах с деепричастиями существенная роль отводится субъектно-предикатным отношениям как важнейшим связям, возникшим между признаком и его носителем. Деепричастие как функциональная форма процессуальной лексемы - глагола с обстоятельственной семантикой может быть соотнесено либо с собственным субъектом (носителем предикативного признака), либо с субъектом всей полипредикативной конструкции (его динамические признаки выражены в соответствующих формах главного сказуемого).

Поскольку деепричастные конструкции современного уйгурского языка в этом плане специально не анализировались, было интересно посмотреть на указанные характеристики зависимых деепричастных предикатов. Для анализа была сделана выборка из 1000 сложных синтаксических конструкций с деепричастиями из произведений разных функциональных стилей. публицистического, художественного, фольклорного. В зависимых оборотах представлены так называемые первичные деепричастия (-л, -а), вторичные деепричастия (-гганда, -ггандын и др) и формы деепричастного типа (к последним мы относим форму на -са и ряд послеложных конструкций с обстоятельственными значениями). В аспекте своих субъектно-предикатных конструктивных свойств все указанные деепричастные формы делятся на моносубъектный и полисубъектный типы, т.е. для первых характерно наличие одного субъекта действия в полипредикативной конструкции, вторые имеют свой собственный носитель признака, однако многие уйгурские деепричастия являются амбивалентными. Распределение форм по этому свойству представлено в таблице I (в ней не отражены послеложные формы).

Таблица I

Форма	Моносубъектные	Сумма фраз	Полисубъектные	Сумма фраз
-л	+	519	+	44
-а-а	+	7	-	
-ггилли	+	18	-	
-ггач	+	5	-	
-ггичэ	+	3	+	8
-са	+	32	+	106
-гганда	+	14	+	30
-ггандин	+	10	+	14

Как видно из таблицы, форма деепричастия на -л прежде всего ориентирована на субъект главного действия, однако в некоторых контекстах она способна иметь и свой собственный субъект в составе полипредикативной конструкции. Формы на -а-а (всегда в удвоенном виде), -ггилли, -ггач не способны

иметь собственный субъект и ориентированы на субъект финитной формы. Остальные деепричастия хотя и могут выступать как в моно- так и в поли-субъектных структурах все же в большинстве случаев имеют свои субъекты (особенно форма на -са)

Как специфические морфологические формы зависимого действия деепричастия в сложных синтаксических структурах реализуют обстоятельственную семантику, сущностью которой является отображение соотносительных во временном плане (этот тип временных соотношений между действиями мы, вслед за рядом исследователей называем таксисными см 6 234-319). различных характеристик основного действия.

По данным параметрам, т.е. по типам выражаемой таксисной и обстоятельственной семантики, те же деепричастные формы в современном уйгурском языке характеризуются следующим образом.

Таблица 2.*

Семантика	Образ действия			Причина			Цель			Условие			Время			Сравнение			Попутное действие			
	Пр	Од	С	Пр	Од	С	Пр	Од	С	Пр	Од	С	Пр	Од	С	Пр	Од	С	Пр	Од	С	
Таксис																						
Форма																						
-н			+	+						+	+											+
-а-а			+																			
-гилли												+			+							
-гач																						+
-гичэ																						+
-са												+										+
-ганда																						+
-гандин																						+

Все деепричастные формы выражают относительное время ко времени действия главного сказуемого. Формы на -а-а, -ггач, -гганда, -ггандин образуют с главным действием единый временной план, поскольку они являются носителями одного семантического отношения. Деепричастие на -н чаще выражает предшествование, однако при характеристике образа протекания главного действия оно может выражать и одновременность. Формы на -ггилли, -ггичэ, -са способны реализовать по два отношения, но в плане таксиса они реализуют последовательно предшествование, следование и одновременность.

Приведенные таблицы, конечно, только в общем виде, характеризуют семантические и функциональные потенции основных деепричастий уйгурско-

* Примечание. Пр = предшествование, Од = одновременность, С = следование.

го языка. В определенных контекстах выявленные признаки форм могут комбинироваться и таким образом передаются сложные семантические связи между выражаемыми в полипредикативных конструкциях действиями. Как видно, йгурские деепричастия многозначны и полифункциональны. И видимо, далеко не случайно та большая их роль в грамматическом строе языка, которую отмечают тюркологи. Кроме того, деепричастия активно функционируют в составе бивербальных конструкций, передающих разнообразные аспектуально-акцентуальные значения.

Литература

1. Баскак *в* Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975.
2. Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980.
3. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
4. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. Ч. I. М., 1952.
5. Баскаков Н.А. Очерк грамматики уйгурского языка. // Уйгурско-русский словарь. М., 1939.
6. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМСКИХ ТОПОНИМОВ

Крым уникален во многих отношениях. Его исключительное географическое положение способствовало формированию природных и климатических условий, имеющих мало аналогов. Это – одно из древнейших мест обитания человека. Крым начинает изображаться на географических картах задолго до нашей эры. Пригодные для топонимических исследований карты появляются с XIII в. Благодаря этому возможно изучение всех зафиксированных с тех пор географических названий.

На территории Крыма в разные периоды обитало до сорока различных этносов – носителей различных культур. Там встретились два принципиально разных типа культур – оседлая и кочевая, со своими тенденциями номинации географических объектов. В условиях оседлой культуры объект получает название по его различным свойствам или по именам лиц, которые там живут или которым объект посвящается. В условиях кочевой культуры ведущим принципом топонимической номинации оказываются родо-племенные названия народов, чьи кочевья располагаются на данной территории. Эти названия иной раз, казалось бы, хорошо вписываются в ландшафт (*Карабах, Бахчи-Эли*), но они не связаны с данной местностью непосредственно, потому что между топонимом и апеллятивом всегда имеется опосредующее звено – родо-племенное название.

На крымском материале могут быть исследованы трансформации географических названий при их заимствовании в другие языки или в иные лексические системы и подсистемы, мотивировка топонимов и выбор топооснов в исторически разные периоды.

Наблюдение над материалом показало, что обособленное от прочих собственных имен изучение топонимов (или одного какого-нибудь их класса) возможно. Однако оно всегда бывает неполным, потому что топонимы не существуют изолированно от других классов имен. Ономастическое пространство, т.е. мир собственных имен, окружающих человека¹, представляет собой непрерывный ряд незаметно сменяющихся типов. Имена соседних ономастических полей настолько тесно связаны друг с другом, что нередко при изолированной подаче оказываются непонятными. Поэтому любые ограничения, применяемые исследователем при их изучении, оказываются

¹ Для людей разной культуры, эпохи, места мир собственных имен различен, поэтому мы говорим не об ономастическом пространстве того или иного языка, а об ономастическом пространстве человека определенной культуры.

искусственными, разрывающими те незримые нити, которые соединяют имена отдельных ономастических классов.

Опыт регионального ономастического обследования Крыма показал теснейшую связь топонимов этой территории с именами собственными других категорий, бытующими (или бытовавшими) не только в данном регионе, но и за его пределами а также связь анализируемых топонимов с топонимией других регионов. Таким образом, обособленное географическое положение региона не создает изолированности его топонимии.

В то же время особое положение имени собственного в языке и те лингвистические закономерности, в соответствии с которыми развиваются ономастические системы, способствуют более тесной связи топонимов данной территории с именами собственными других типов, нежели с нарицательной лексикой тех языков, которые принимали участие в складывании топонимии изучаемого региона². О том, что это действительно так, что при изучении топонимии необходимо прежде всего обращаться к именам собственным других типов, а не к апеллятивной лексике, свидетельствуют данные истории и географии. Они показывают, что существует более или менее обозримый круг онимических основ, которые повторяются в именах собственных разных типов. Сведения, предоставляемые этими науками, обычно позволяют вскрыть причины, по которым именно данные основы были вовлечены в онимические ряды.

Тот факт, что одни и те же онимические основы повторяются в составе различных собственных имен, подводит нас к мысли об онимических массивах, имеющих свою форму, структуру, закономерности построения и развития. Очевидно, лингвистические выводы будут тем надежнее, чем больший материал привлекается для наблюдения и осмысления онимических закономерностей. Ср. в Крыму онимические массивы с элементами *алма, ангар, кызыл, конрад, аргын, тюп, джанкой* и др.

Обращаясь непосредственно к топонимическому материалу, отметим, что он связан не только с другими классами собственных имен, но и с топонимами других эпох и территорий, причем эти связи могут быть лексическими и типологическими. Они могут выражаться в том, что на данной территории целиком повторяются топонимы других регионов или встречаются их отдельные элементы, а также в том, что топонимы данной территории строятся по тем же моделям, что и топонимы других территорий, при хронологическом несовпадении топонимообразования в разных местах.

² Отсутствие словарей собственных имен всех типов по многим языкам и территориям в значительной мере сковывает топонимистов, затрудняет ономастическую работу, снижает степень достоверности онимических сопоставлений и этимологий.

Развивая выдвинутое Ф. де Соссюром положение о синхронии и диахронии, А.А. Белецкий (1972, 31–32) вводит противопоставление синтопии и диатопии, т.е. принадлежности элементов одному и тому же ареалу или разным ареалам, синглоттии и диаглоттии, т.е. принадлежности элементов одному и тому же языку или разным языкам, синцикли и диацикли, т.е. принадлежности элементов одному и тому же культурному кругу или разным культурным кругам. Он показывает, что элементы онимического материала могут быть синхроническими и диахроническими друг относительно друга, синтопическими и диатопическими, синглоттическими и диаглоттическими синциклическими и диациклическими.

А.А. Белецкий (1972, 127) показал, что названия одного языкового цикла (синглоттические) имеют свою историю, которая продолжается за пределами этого цикла, в других языковых циклах. Он показал также отсутствие прямой связи между названиями крупных географических объектов и господствующим на данной территории языком. Например, в самом фокусе радиации итальянского языка, в древнем Латиуме, совсем немного названий, которые можно было бы объяснить при помощи латинского языка исторической эпохи. Латинская топонимия обнаруживает тенденцию быть «более латинской» за пределами своей исконной территории (Белецкий 1972, 123). Очевидно, эти положения близки к универсальным.

Топонимия Крыма складывалась на протяжении длительного исторического периода из элементов, принадлежавших в разное время разным ареалам, разным языкам и разным культурным кругам. Изначально диахронические, диатопические, диаглоттические и диациклические друг относительно друга, они подверглись значительным изменениям, приспособляясь друг к другу и постепенно превращаясь в элементы, сосуществующие друг подле друга, а позже – и контактирующие друг с другом, адаптированные друг к другу и, наконец, сочетающиеся друг с другом. Так все они постепенно превращаются из элементов разных циклов в элементы одного цикла.

Несмотря на уникальную выделяемость территории Крыма, его практически полную географическую изоляцию от окружающих областей, его топонимия тесно связана с топонимией Северного Причерноморья, Кавказа и более далеких земель. При этом одни топонимические явления были занесены в Крым извне, другие, возникнув в Крыму, были вынесены за его пределы, а третьи сформировались в Крыму и в иных местах независимо друг от друга.

Например, название *Херсонес* принесено в Крым греками, ср. греч. койне *Χερσόνησος* 'полуостров'. Различные формы этого названия, засвидетельствованные в исторических источниках, объясняются диалектными влияниями, ср. *Χερσόνασος* (дорийское), *Χερρόνησος* (аттическое). Византийская форма

этого названия *Хрсон* дала русский летописный вариант *Корсунь* (см. Белецкий 1972, 71). Прокопий упоминает п-ов *Херсонес* и залив *Мелас* 'черный' во Фракии (О постройках, кн 4, VII, см. ВДИ 1939, № 4, 264) ср. н.п. *Мелас* в южн. м. Крыму.

Исторически засвидетельствован перенос топонимов *Бешев*, *Бо атырь*, *Большая Каракуба*, *Булганак*, *Большая и Малая Енисала*, *Камара*, *Карань*, *Кременчуг* (из *Керменчик*?) *Дортоба*, *Ласпи*, *Мангуш*, *Мариуполь*, *Сартана*, *Старый Крым* *Стиля Улаклы Урз ф* (совр. *Гурзуф*), *Чердаклы*, *Ялта* из Крыма в Приазовье (Кеппен 1837: 100).

Очевидно, независимо от крымских и параллельно с ними возникли названия *Каракуи* и *Каракую* севернее Чонгара, ср. в Крыму те же названия селений; мыс *Пана ия* на Таманской стороне Керченского пролива, ср. в Крыму несколько урочищ *Панагия*, населенный пункт *Конрат* западнее Перекопа, ср. в Крыму названия нескольких поселений *Конрат*, мыс *Тузла* западнее Тамани, ср. в Крыму несколько озер и селений *Тузла*; населенное место *Туркмен* северо-западнее Чонгара, ср. в Крыму урочище и селение *Туркмен*.

Ряд крымских названий имеет своих «двойников» в Азии. Например, река *Кача* в Пакистане (впадает в Бенгальский залив) и в Сибири (басс. р. Чулым, к западу от Красноярска). Название косы *Бакал* в Крыму созвучно названию горы *Бакал* на Урале, гора *Карадаг* есть в Крыму и на Кавказе, поселение *Тюмень* - в Крыму и в Сибири. В. Рубрук называл устье Дона *Бурлык* (Коппен О др. 47), ср. название поселения *Бурлюк* в юго-западном Крыму. С названием Крымской области *Феодоро* (иначе *Доро*, *Дори*) созвучны названия крымского поселения и мыса *Ай Тодор* (ср. Кулаковский 1898, 181). С названием крымского водопада *Джур-Джур* сопоставимы: название притока белого Нила *Джур*, название суданской народности *джур*, название хребта в Алжире *Джурджура*. Ср. структурно однотипные *Тертер* (правый приток Куры), *Сорсор* (населенное место в Азербайджане).

Монгольские числительные *гурбан* 'три', *далон* 'семь', *найман* 'восемь', *табан* 'пять' могут быть обнаружены в составе некоторых крымских топонимов. Однако, по всей вероятности, они не непосредственно связаны с топонимами, а через посредство родо-племенных названий (см. Лезина, Суперанская 1994).

Все сказанное выше относилось к названиям - целым словам. Обратимся теперь к топонимам. Например, при устье р. Алма в Крыму было поселение *Алма-Тамак*, ср. хакасское *тамах* 'устье, протока'. Достаточно редкие в Крыму образования с конечным компонентом *-джа* (*Узунджа*) находят себе типологически близкие образования в Румынии (*Аджиджа*), ср. также в Узбекистане: *Узун*, *Узункудук*. Это свидетельствует о связи топонимов любой территории с топонимией многих других, далеких и близких земель.

Специфика отдельных топонимических массивов объясняется своеобразием этапов исторического и культурного развития отдельных стран и их частей и региональными особенностями языка географических названий

Сравнение суммарной топонимической нагрузки обследованных географических карт с тем объемом онимов, который дается в специальной литературе (геология, география), обнаруживает что они совпадают лишь частично и что геологические и географические труды содержат ряд категорий онимической и околоонимической лексики, совершенно не попадающей на географические карты, как-то: обозначения ландшафтов горизонтов, формаций, свит и т.д. Многие из них входят в специальные географические и геологические номенклатуры на правах особых лексических единиц.

Приведем ряд примеров: *Айя-Ласпинский* ландшафт, *Аккайский* ландшафт, *Байдари-Айнетринский* карстовый ландшафт, *Сарыч-Кекенеузский* ландшафт, *Сивашский* ландшафт, *Акманайская* мульда, *Сивашская* мульда, *Узеньбашская* мульда, *Улу-Кульская* мульда; *Алуштинский* амфитеатр, *Ласпинский* амфитеатр, *Ятинский* амфитеатр, *Бешуйское* месторождение каменного угля, *Бодракское* месторождение известняка, *Караньское* месторождение известняка. Включенные в эти обозначения топонимы ушли за пределы географической номенклатуры и стали специальными геологическими, минералогическими, экономическими обозначениями. Они перестали реагировать на то, что такие объекты, как *Кекенеуз*, *Бешуй* и ряд других давно переименованы, а некоторые даже перестали существовать. Они вошли в номенклатуру соответствующих областей знания и не подлежат изменениям, потому что закрепились за строго определенными научными понятиями.

Таким же образом покинули область географии и вошли в состав исторической номенклатуры обозначения прежних единиц административно-территориального деления. Сделавшись достоянием истории, топонимы в таких названиях не реагируют на последующие переименования географических объектов, потому что для своей эпохи они единственные. Таковы, например, названия крымских кадылыков (от тюрк. из араб. *кады* 'судья'), т.е. судебных округов и каймаканств (от *каймакамлык* из тур. *каймакам* 'наместник, помощник губернатора', см. Радлов т.2, ст. 328, 48-49) – более крупных административных единиц, замененных впоследствии уездами: *Акмечетское* каймаканство, *Бахчисарайское* каймаканство, *Кафинский* кадылык, ср. позднейшие: *Евпаторийский* уезд, *Ятинский* уезд.

В номенклатуру истории и археологии перешли обозначения культур, образованные от условных названий стоянок первобытного человека. Например, по названию скалы *Ак-Кая* обозначена одна из древнейших стоянок. Жители ее получили у археологов название *аккайцы*. По названию пещеры *Киик-Коба*

древнейшие ее обитатели названы *киик кобинцы*. Соответственно их культуры названы *аккаиской* и *киик-кобинской*.

Таким образом, топонимы теснейшим образом связаны с околотопонимической лексикой и в первую очередь, – с номенклатурами таких областей знания как история, геология, география, горное дело, добывающая промышленность и т. п. Названия заповедников. *Азово-Сивашский*, *Черноморский* (на о-ве Джарылгач) занимают промежуточное положение между топонимами (они имеют точную локальную привязку) и названиями учреждений (эргонимы), потому что связаны с научной и хозяйственной деятельностью, которая и послужила поводом к их особому выделению из ономастического континуума.

В известной мере аналогичны им и названия садов, хуторов, виноградников, выделение которых в отдельные топонимические единицы имеет смысл лишь на основе их хозяйственного использования, что также ставит их между топонимами и эргонимами, например, сады *Ак-Кая* на р. Биюк-Карасу, сад монастыря св. Анастасии на р. Кача, участок Отузского казенного имения *Биюк Бах*, огороды Богоугодных заведений в г. Симферополе, Вакуфный сад при устье р. Алма, имение *Джавджурек* при устье р. Зап. Булганак, экон. *«Шейх-Эли»* на р. Биюк-Карасу и т.д.

Названия оросительных систем нередко связаны с теми населенными пунктами, на земли которых они подводили воду: *Верхне-Топчикийская канава*, *Багинский водоток*, *Пычкинская канава*; либо с названиями тех родов, силами которых строились: каналы *Мамалар*, *Шаурлар*, *Даутлар*; либо с названиями рек и источников, воду которых они забирали и распределяли: *Кучук-Узеньская канава*, канава *Хильван*; либо, наконец, с названиями долин и урочищ, через которые они проходили: *Байдарский водоток*, канава *Мазарлык*.

Названия дач, вилл, имений иной раз связывались с названиями урочищ, вблизи которых они располагались: имение *Кастель* у горы Кастель, сад *Мустафа-Бай* у одноименного урочища, казенное имение *Салгирка* у р. Салгир. Нередко их названия были связаны с именами и фамилиями владельцев: *«Нюра»* в Мисхоре, *«Ксения»* в Симеизе, имение *Щастливцевой* на р. Салгир. Ср. дачу в Гурзуфе, менявшую свое название в связи с переменой владельцев: *Воронцова*, *Степковского*, *Ришелье*, *Потемкина*, *Фундукля*. Обратим внимание на первоначальное значение слова *дача* 'земельный надел, предоставленный в чье-либо пользование', отсюда: *Коуш-Пикинская лесная дача*. Значение 'загородный дом' развилось у слова *дача* как вторичное.

С фамилиями связаны такие позднейшие названия, как *мост Юнге* в нп Планерское, *Боткинская тропа* над Ялттой, *Юсуповская дорога* из нп Соколиное к обрыву горы Седам-Кая и др. Все это свидетельствует о теснейшей связи топонимов с антропонимами и о невозможности сколько-нибудь серьезного изучения одних без других.

Таким образом, топонимы различными способами связаны с лексическими единицами других типов, относящимися к общей и специальной лексике разных эпох, территорий, языков, культурных кругов.

Литература

Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (Ономастика). Киев, 1972.

Кеппен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических // Крымский сборник. СПб, 1837.

Кулаковский Ю.В. К истории Готской епархии (в Крыму) в XIII веке // ЖМНП, ч. СССХV, СПб, 1898, февраль.

Лезина И.Н., Суперанская А.В. Словарь-справочник тюркских родо-племенных названий, ч. I-II, М., 1994.

Прокопий. О постройках // ВДИ, 1939, № 4.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий, т. I-IV, СПб, 1893-1911.

Рубрук В., де. Путешествие в восточные страны. СПб, 1910.

К ПРОЧТЕНИЮ НАДПИСЕЙ НА ПАМЯТНИКЕ АЛТЫН КЕЛЬ 1 (Е-28)

Памятник Алтын-Кель 1 (Е-28) представляет собою четырехгранную прямоугольную (138,5 x 43,5 x 25 см.) стелу с закругленным концом (см. рис. 1).

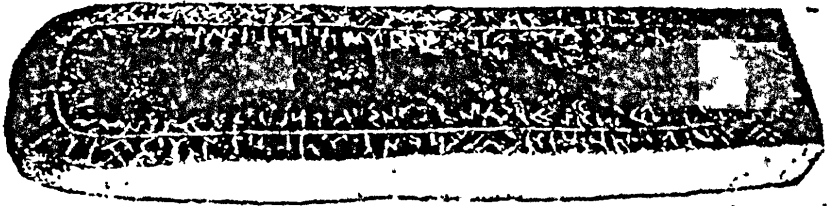

Рис. 1

Открыт в 1878 г. на правом берегу р. Абакан вблизи небольшого озера Алтын-кель «Золотое озеро» и в 1881 г. перевезен в Минусинский музей [1, 2].

Надписи на этом памятнике нанесены на лицевой плоскости и двух боковых гранях. Первое прочтение их принадлежит В.В.Радлову [3]. В 1940 г. переиздан в труде Х.Оркуна [4], в 1925 г. - С.Е.Малова [1], в 1983 г. - в «Корпусе тюркских рунических памятников бассейна Енисея» [2]. Над памятником работали И.А.Батманов [5], О.В.Субракова [5], И.В.Стеблева [6], Д.М.Насилов [7]. Вносились отдельные коррективы в прочтение, перевод. В 1975 г. памятник был перепроцитан С.Г.Кляшторным [8]. В своем труде С.Г.Кляшторный исходил из идеи наличия на памятнике единой надписи с историческим содержанием. Наши исследования не подтвердили ни этой идеи, ни предложенного содержания текста. Как выяснилось, на памятнике нанесено несколько отдельных надписей разных авторов, с различным содержанием текстов. Одна надпись перепроцитана [9]. Вторая - является объектом исследования, предлагаемого вниманию тюркологов-исследователей.

Вначале напомним прочтение и перевод первой надписи. Она расположена на лицевой плоскости (по кромке стелы) и на третьей строке (по С.Е.Малову) правой грани (см. рис. 2; 3).

Сравнивая текст надписи у С.Е Малова с текстом надписи на памятнике [2, с. 103] обнаруживаем лишь несколько неточностей:

Узунчүмиз бәгүмиз биз. Уја алп әр өзиниң олутти киләмди дәлүктү дәүәр киләмди жыта.
43 2 1309876 5 432 1209 876 543 2 1109 876 543 2 1

Узунчүмиз бәгүмиз биз. Уја алп әр өзиниң олутти киләмди дәлүктү дәүәр киләмди жыта.
170987 65432160 98765 43 21 509 8765 43 2 1409876 5

Әхтәрә: Мәтә: Мәтә
4 3 2 1 809 8 7 6 5 4 3 2

1. Вместо знака №2 />/ - знак ✓
2. Вместо знака №3 /▲/ - знак f
3. Вместо знака №72 /▲/ - знак /
4. Вместо знака №77 /М/ - знак М
5. Вместо знаков №№ 78-80 /МДТ/ - знаки ММ
6. Вместо последнего слова /Әхтәрә/ - слово Әхтәрә

Прокорректированный текст имеет следующий вид (см. рис. 4).

Узунчүмиз бәгүмиз биз. Уја алп әр өзиниң олутти киләмди дәлүктү дәүәр киләмди жыта.

: Узунчүмиз бәгүмиз биз. Уја алп әр өзиниң олутти киләмди дәлүктү дәүәр киләмди жыта.

Әхтәрә: Мәтә: Мәтә: Узунчүмиз.

Транскрипция и перевод текста таковы:

Транскрипция

Bizimiz Umaj bāgimiz biz. Ujā alp әr өзиниң олутти киләмди дәлүктү дәүәр киләмди жыта. Özünçü mä közünçümä adirilmaj saçilnim mindän gördim.

Перевод

Мы - Умай бег. Прибыв сюда, я увидел героя, который то ли покончил сам с собой то ли постепенно умер. Я стоял и, не отрываясь, с сожалением смотрел на него

Слова

А√ ölüt 'смерть'

АМ öc- 'угасать, умирать'

33 özünéc 'тело, существо'

3344 közünéc 'глаза'

МУЛІ saçilin 'сожаление, скорбь'

В заключение отметим, что рассмотренная (вторая) надпись по своему содержанию связана с первой. В первой - истерзанный в борьбе с хищниками охотник предостерегает путников о грозящей им опасности («Не трогайте здешнего барса!») и повествует о своей борьбе с ними. Во второй надписи последующий путник сообщает об обнаружении им около стелы трупа героя-охотника.

Литература

1. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952.
2. Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
3. Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung. St.-Petersburg. 1895.
4. Orkun H.N. Eski türk yazıtları, cilt III. Istanbul, 1940.
5. Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI-VIII вв. М., 1965.
6. Субракова О.В., Батманов И.А. Древние письмены Хакасии. Абакан, 1970.
7. Насилов Д.М. Некоторые замечания к прочтению енисейских памятников // ППВ 1971. М., 1974.
8. Кляшторный С.Г. Стелы Золотого озера. // Turcologica. К 70-летию академика А.Н.Кононова. Л., 1975.
9. Тарасенко Р.Ф. Прочтение и перевод уйгурского текста на памятнике Алтын-Кель 1 (Е-28) // Маловские чтения. Алма-Ата, 1990.

О РЕГРЕССИВНОЙ АССИМИЛЯЦИИ ГЛАСНЫХ («УМЛАУТЕ») В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Регрессивная ассимиляция гласных в современном уйгурском языке, как известно, была впервые описана и проанализирована В В Радловым¹ и с тех пор упоминалась и описывалась во всех работах, посвященных фонетике современного уйгурского языка². В Радлов называл ее умлаутом, сближая таким образом с известным явлением в германских языках. В отечественной литературе говорится главным образом о регрессивной ассимиляции или обратном влиянии гласных. Некоторые авторы предпочитают термин «уйгурская перегласовка», который является калькой радловского термина. Близость соответствующих процессов в уйгурском и германском языках еще должна быть доказана. С другой стороны, альтернативный термин, принятый в отечественной литературе, носит слишком описательный характер. Поэтому мы предпочитаем термин «перегласовка», которая может быть губной или негубной. Ниже пойдет речь о негубной перегласовке.

В. Радлов впервые описал это явление для илийского («старанчинского») говора, но при этом выразил уверенность, что оно будет обнаружено и в других говорах Восточного Туркестана, что полностью оправдалось. Эту закономерность можно сформулировать следующим образом: под влиянием узкого и второго слога широкие *a/o* первого открытого слога переходят в *e*, например, ал 'возьми' – елип 'взяв', сатти 'продал' – сетиш 'продажа', тарди 'собирал' – териш 'собирайте', эр 'муж' – ери 'ее муж' и т.д.. В таком виде эта формулировка сложилась не сразу. Впервые в наиболее близком к этому виде она была дана, видимо, Н.А. Баскаковым³.

¹ Radloff W. Phonetik der nördlichen Türkenrahen. Leipzig, 1882, s.63-64; В. Радлов, Образцы народной литературы северных тюркских племен, т. VI. Наречие таричей. СПб, 1886, стр. 111.

² Jarring G. Studien zu einer osttürkische Lautlehre. - Leipzig, 1933, s.90; Menges K. рец. G. Jarring. Studien... - Göttingische gelehrte Anzeigen, 1934, № 9, s.399; Боровиков А.К. Учебник уйгурского языка. Л., 1935, Предисловие; Баскаков Н.А. Уйгурский вокализм // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. I. Фонетика. М., изд-во АН СССР, 1955, стр. 119; Аганина Л.А. Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский р-н). Дисс. ... канд. фил. наук. М., 1954, стр. 69; Она же. Фонетические закономерности чиликского диалекта уйгурского языка // Краткие сообщения Ин-та народов Азии. Языковедение. вып. 72. М., 1963, стр. 124; Кайдаров А.Т. Уйгурский (новоуйгурский) язык // Языки народов СССР, т. 11. Тюркские языки. М., 1966, стр. 369; Талипов Т. Система гласных в современном уйгурском языке, АКД. Альм-Ата, 1960, стр. 11; Он же. Гласные звуки уйгурского и казахского языков. Альм-Ата, Наука, 1968, стр. 58 и др.; Садуакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины, ч. I. Альм-Ата, Наука, 1970, стр. 31.

³ Баскаков Н.А. Очерк грамматики уйгурского языка // Баскаков Н.А., Насилов В.М. Уйгурско-русский словарь. М., 1939, стр. 178.

Иногда формулировка закона дается в морфологически ограниченной форме: переход наступает в односложных корнях под влиянием второго аффиксального слога⁴. Но тогда закон утрачивает свой чисто фонетический характер а с другой стороны этому противоречит факт аналогичного перехода в двусложных словах, неразложимых в современном языке: *серик* 'желтый', *белик* 'рыба' и т.д. В других слог – инициатор перехода рассматривается как ударный. Однако при наращении аффиксов он может оказываться и в середине слова, напр *етини* 'его лошадь' (винит. пад.), *елинди* 'был взят' и т.д. По-видимому, данное чередование является свойством не столько двусложных словоформ сколько свойством основ. Кроме того, раз это чередование позиционное или фонетическое, оно не может быть одновременно историческим. У нас нет также оснований рассматривать перегласовку как редукцию гласного в результате потери ударения. Регрессивная ассимиляция и редукция – разные процессы. Все авторы отмечают параллель между общетюркской гармонией гласных и регрессивной ассимиляцией в уйгурском языке, хотя направление обоих процессов противоположное. В. Радлов считал это явление свидетельством разложения сингармонизма в уйгурском языке. Однако Радлов, видимо, ошибался, сближая это явление с германским умлаутом. Прогрессивная палатальная гармония и регрессивная ассимиляция (по подъему) происходят по разным признакам.

Инициатором ассимиляции может быть эпентетический гласный, появившийся в замствованных словах, напр. *неқил* 'ум', что указывает на недавнее происхождение самого процесса. С другой стороны, таким ассимилирующим действием не обладает звук, который появляется в результате редукции широких гласных в средних открытых слогах и на письме также обозначается буквой *И*. *алиман* 'я возьму', *балиси* 'его ребенок'. Переднерядный *ө* в тех же позициях переходит в открытом слоге в *e* независимо от наличия звука и в следующем слоге: *келимэн* 'я приду', *келэр* 'приходящий', 'он, возможно, придет'.

Своеобразие данного чередования заключается в том, что общий вариант двух фонем («архифонема») реализуется вне основного участка фонетического континуума одной из них и на самом краю участка другой. Морфологическим последствием перегласовки является, во-первых, нарушение стандартности корня, что действительно является редкостью в тюркских языках. Во-вторых, возникает большое количество омонимов среди довольно употребительных слов, напр. *берил* 'дав' и 'идя', *йетиш* 'лежание' и 'достижение', *ети* 'его лошадь' или 'имя' и 'его мясо' и т.д.

⁴ Рассматривая данную публикацию как предварительную, мы к сожалению не можем по недостатку места привести здесь все ссылки на авторов.

Г. Ярринг, который в принципе признает существование перегласовки («умлаута»), не отмечает в своей транскрипции такого сильного сдвига гласных в сторону верхнего подъема как отечественные авторы⁵. Данные по ферганскому говору, наиболее близкому к кашгарскому подтверждают что перегласовка существует и в кашгарском говоре, хотя и с меньшим сдвигом гласных⁶. Регрессивная ассимиляция отмечается также в наманганском диалекте узбекского языка, видимо, под влиянием уйгурского языка⁷.

Расхождение точек зрения Г. Ярринга с одной стороны и отечественных авторов, с другой, может объясняться рядом причин. Во-первых, в то время как В. Радлов и Н. Катанов исследовали прежде всего илийский диалект, к которому принадлежит и большинство казахстанских уйгуров, Г. Ярринг и Г. Ракетт занимались главным образом кашгарским диалектом, обладавшим традиционно более высоким литературным престижем и поэтому более консервативным, более близким к традиционной книжной культуре Средней Азии. Во-вторых, в то время как В. Радлов и С. Малов занимались исследованием разговорной и повествовательной речи, информантами Г. Ярринга были муллы, которые при чтении текстов соблюдали более книжный стиль произношения. В-третьих, Г. Ракетт и Г. Ярринг стремились возможно полнее зарегистрировать звуковой состав языка, В. Радлов же ограничился фонемным минимумом, зато больше внимания уделил фонетическим переходам. Развитие литературного уйгурского языка в последние десятилетия, несомненно, происходило под сильным влиянием илийского диалекта. Но в дальнейшем возможно и возрастание влияния других диалектов. Приведенные данные подтверждают, что данный процесс является сравнительно поздним явлением и сохраняет свой характер позиционного чередования.

Многие авторы отмечают наличие исключений или факультативных чередований. Их часто связывают с изменением ударения или с тенденцией к предупреждению омонимии. Более вероятной нам кажется другая причина - книжный характер многих заимствованных слов: *тари* 'его струна', *гази* 'его гусь', *нами* 'его имя', *амир* 'повеление', *замин* 'земля' и т.д. Если заимствованное слово входит в широкое бытовое употребление, закон перегласовки распространяется и на него, напр. *неним* 'мой хлеб', *мели* 'его скот, имущество', *хемир* 'тесто' и пр. Могут играть роль и другие факторы: экспрессия, связанная с семантикой слова, напр. *дайим* 'постоянно', оттенок повышенного престижа, напр. *қазии* 'судья', оттенок возвышенного в народной поэзии, напр. *йарим* 'любимая' и пр. Г. Садвакасов дает список слов, в которых предполагает существ-

⁵ Jarring G. Указ. соч., стр.92.

⁶ Садвакасов Г. Указ. соч., стр.31-33.

⁷ Атамуризаева С. Звуковой состав наманганского говора узбекского языка. АКД. Л., 1963.

вание рефлекса первичных долгих гласных⁸, но эта гипотеза еще недостаточно доказана. Особое положение занимают два слова – *қаттиқ* 'твердый' и *аччиқ* 'горький' (ср. *қетиқ* 'простокваша', *ечитқу* 'закваска'). Геминация может быть связана с историей этих слов или их качественной семантикой.

Для многих тюркских языков существуют свидетельства об удлинении широкого гласного первого слога, если во втором слоге выступает узкий гласный⁹. Видимо, уйгурский язык проявляет своеобразие и в этом отношении.

Выдвигалась гипотеза об иранском субстрате как причине перегласовки. Хотя в иранских языках есть свой умлаут¹⁰, нет оснований ставить под сомнение собственно тюркский характер данного процесса.

Наиболее спорным остается вопрос о самом характере ассимиляции, в частности, о признаке, по которому она происходит. Как уже говорилось выше, В. Радлов первый выдвинул тезис об аналогии между уйгурской перегласовкой и немецким умлаутом, поэтому уйгурский процесс он рассматривает в первую очередь как палатализацию. В истории немецкого языка умлаут действительно представлял собой палатализацию, напр. древневерхненем. *hanti* 'руки' > *henti* > совр. *Hande*; древневерхненем. *tragit* > совр. *trägt*. Таким образом, по Радлову, то что в немецком языке представляет собой историческое чередование, в современном уйгурском еще носит характер позиционного чередования. Однако уже первые критики указывали, что если *и*, согласно Радлову, является палатоиндифферентным, то сомнительно, чтобы он мог быть инициатором палатализации¹¹. В дальнейшем большинство авторов делали упор не на признаке ряда, а на признаке подъема. Тем не менее до сих пор встречаются отдельные противоречивые высказывания на этот счет. В действительности, видимо, палатализация играет здесь подчиненную роль, а главную роль играет ассимиляция по подъему. О том же говорит сохранение заднеязычных и гортанных согласных, напр. *беғир* 'печень', *еқин* 'близкий' и др. Регрессивная ассимиляция по ряду существует лишь в отдельных сложных словах и стяжениях, напр. *эққалди* 'принес', *бүгүн* 'сегодня'. В конечном итоге, если рассматривать уйгурскую перегласовку и немецкий умлаут в контексте систем обоих языков и с точки зрения ориентации их систем вокализма, то окажется, что это два различных процесса.

⁸ Садуақасов Г. Указ. соч., стр. 22.

⁹ Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., Наука, 1970, стр. 63.

¹⁰ Пахалина Т.Н. Роль умлаута в истории развития иранских языков // ВЯ, 1977, № 6, стр. 39.

¹¹ Hartmann M. Saghataisches. Heidelberg, 1902.

ИЕРАРХИЯ ПРАЯЗЫКОВ (НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И КОНКРЕТНЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА)

Анализ речевого ритма позволяет представить эволюцию языка как процесс последовательного формирования ритмических уровней I – аритмия, II (10 млн. л. назад) – слоговой ритм, III (2,4 млн. л. назад) – тактеменный (словесный) ритм, IV (240 тыс. л. назад) – мелодемный ритм (уровень словосочетания), V (7,6 тыс. л. назад, тюркские языки) – интономный ритм (уровень предложения), VI (1,1 тыс. л. назад) – текст, письменность.

Наложение ритма более высокого уровня, например, для III-IV этапа наложение словесного ритма на слоговой, означает введение относительно регулярных соотношений между величинами максимумов и более точной эквидистантности на соответствующем более низком, в данном случае слоговом, уровне ритма. Таким образом, с переходом от одного этапа к другому каждая ритмическая единица испытывает скачкообразное повышение степени регулярности и упорядоченности своих характеристик, т.е. продвигается по пути превращения в единицу собственно языковую. Данный процесс описывается как структурное свертывание той предикативной по своей сути (обобщенно-предикативной) связи, которая оформляется первоначально наивысшим (для соответствующей стадии праязыка) уровнем ритма. Все современные единицы языка являются той или иной степенью свертки обобщенно-предикативной связи.

Современное языкознание ориентировано фактически на модель праязыка V-VI этапа, верхний ритмический уровень которого организует предложение. Абсолютизация единиц этого этапа приводит к непригодности традиционных лингвистических категорий для адекватного описания собственно современного языка. Переосмысление понятийного аппарата традиционной лингвистики приводит к категориям обобщенных единиц. Каждая обобщенная единица соответствует определенному уровню свертки. В таблице 1 уровни обобщенной грамматики указаны в нулевом столбце.

На современной стадии обобщенная предикация (характеризует взаимодействие совокупной языковой структуры и внеязыковой реальности) организуется на уровне текста, а предложение является сверткой первой степени, т.е. оно в общем случае непосредственно уже не выполняет собственно предикативную функцию. Традиционно понимаемое субъектно-предикатное отношение в современном предложении выступает лишь особой разновидностью отношения атрибутивного (ср. трактовку связи между субъектом и предикатом как разновидности отношения между определением и определяемым в тюрколо-

Таблица 1

Принципиальное строение языков

0	1	2	3	4	5
II 10 млн	III 24 млн	IV 240 тыс.	V 7,6 тыс.	VI 1,1 тыс.	Современный
а) обобщ. предл.	повтор слогов	слово	словосочетание	предложение	текст
б) обобщ. словосочетание	прафонема	повтор слогов	слово	словосочетание	предложение
в) обобщ. слово		прафонема	слог	слово	словосочетание
г) обобщ. слог			фонема	слог	слово
д) обобщ. фонема				фонема	слог
е).					буква

гии). Поэтому в табл. 1 современное предложение (позиция 5б) соотносится с обобщенным словосочетанием (позиция 0б). Для научных и художественных текстов, в которых прежде всего фиксируются отличительные особенности современного этапа развития языка, характерна терминологическая и образная компрессия: одно слово эксплицируется словосочетанием. Например, валентность - способность атомов соединяться с другими атомами в определенных соотношениях (2), утро - начало жизни человека (стихотворение Пушкина «Телега жизни» (3)). Типичным для современного языка науки является и функционирование слога в качестве слова: фэ (F) - сила, эм (m) - масса, а также буквы (фонемы) в качестве слога: F - фэ, m - эм. Компрессия фонемы (дальнейшее скачкообразное повышение степени определенности и регулярности ее качества) выразилось в создании письменности. Важной чертой единицы нового типа, присущих современному этапу развития языка, является переход на более высокий уровень абстрактности значения, регулярности употребления и резкое расширение этно-географической сферы распространения (интернациональность терминологии и языка формул, распространение алфавитов, обслуживающих большие группы различных языков). Указанные черты современного этапа позволяют глубже понять аналогичные по своей сути языковые процессы далекого прошлого.

Принципы языковой эволюции можно правильно выявить лишь с учетом всеобщности этих принципов и их междисциплинарно-философского аспекта. Прежде всего необходимо указать на самую непосредственную связь положенного в основу схемы эволюции и обобщенной грамматики понятия свертки с

математическим свертыванием функции Ритм есть периодическое воспроизведение определенных импульсов поэтому он является сверткой (в математическом смысле) функции описывающей единичный импульс, с многоточечной функцией, показывающей моменты воспроизведения импульса во времени

Единичный импульс, который никогда не воспроизводился и не воспроизведется (некое абсолютно уникальное событие) выступает лишь математической абстракцией реально же он немалозначим т.к. невозможно воспринять нечто, никак не соотносящееся с воспринимавшимися ранее какими либо определенными свойствами Единичный импульс в определенном смысле не имеет спектра (в математическом смысле он имеет сплошной спектр, в котором амплитуда каждого колебания равно нулю) Это означает что любая определенность качеств (любой факт структуры) со всей необходимостью предполагает воспроизведение во времени и в пространстве определенность и структурность порождаются дискретностью спектра В этом заключается суть ритма как волнового представления обо всем качественно определенном (структурном) бытии. Воспроизведение во времени и пространстве идентичных по своим качествам атомов, описываемых квантовой физикой, в принципе аналогично воспроизведению языковых единиц, для описания которых необходима квантовая лингвистика. Основная идея такой лингвистики. определенность внутренних свойств формы и значения каждой данной языковой единицы есть не что иное как проявление (оборотная сторона) характера ее воспроизведения во времени и пространстве. Исходя из этого, анализ ритмических особенностей праязыка каждого типа эволюции (число уровней ритмического свертывания) дает ключ к описанию его единиц, включая и конкретные черты его фонологической системы.

Хотелось бы сделать краткое отступление, касающееся самого общего взгляда на эволюцию. Определенность свойств (например, размерность) пространственно-временной структуры в целом оборачивается ее воспроизводимостью и замкнутостью: подобно тому, как движение по поверхности Земли возвращает в исходную точку, движение в любом направлении трехмерного пространства, а также линия времени (она замкнута!) должны приводить в конце концов в одну и ту же исходную точку (этот вывод кажется фантастичным в той же мере, в какой шарообразность Земли показалась бы фантастичной многим ученым древности). Эволюция языка и цивилизации рассматривается как единичное (хотя и внутренне сложное, подразделенное на праязыки и этапы) структурное образование («импульс»), которое не может не воспроизводиться. Поэтому следует предполагать, что рассматриваемому процессу эволюции предшествовало много других аналогичных миров-цивилизаций.

II-I этап выступает состоянием скрытой (потенциальной) представленности уже всех элементов будущего структурного (явного) возвышения человечества. В речениях этого этапа должны были встречаться принципиально все дифференциальные признаки фонем и сами фонемы (причем всех языков современного мира!) - но в виде вероятностно-случайных хаотических последовательностей (то же должно было иметь место и для всего набора элементарных деятельностно-операционных черт). Первым шагом (биологического характера) явилась редукция клыков (10 млн. л. назад) и, очевидно, другие органические изменения гортани и артикуляторного аппарата, с которых начинается род человека (4, 432)

В противоположность современному единство человеческого рода II-III этапа можно назвать динамическим. Структурное единство (современное состояние) основывается на разделении деятельностей (труда), при котором, с одной стороны целостность индивидуума (он является воплощением всего человеческого рода, используя весь опыт и все результаты производства последнего) обеспечивается коммуникацией и материальным обменом и, с другой, те же коммуникация и обмен обеспечивают возможность специализации и неповторимого своеобразия индивидуума. Современные коммуникация и обмен осуществляются с достаточной быстротой и охватывают любые расстояния (т.е. носят пространственный характер). На II-III этапе единство в рамках всего рода (динамическое единство) обеспечивалось в форме прохождения отдельными социумами последовательно во времени всех «специализаций» - всего набора присущих роду условий жизнедеятельности (миграций). Миграции занимали весьма продолжительные промежутки времени, поэтому единицами здесь выступают социумы, а не индивидуумы. Таким образом, для динамического единства аналогом коммуникации и обмена выступают миграции, которые были принципиально разнообразнее, чем у животных. Собственно же праязык II-III этапа обслуживал контакты на уровне индивидуумов и был главной социальной предпосылкой способности антропоидов к адаптации (определяющая, но опосредованная миграциями роль языка на данном этапе).

Интерпретация процесса антропогенеза как эволюции единого структурного образования предполагает одновременно и сложное внутреннее строение последнего в виде а) смены эпох (относительной) структурной стабильности и динамичных переходных периодов (вымирание австралопитеков и некоторых видов гоминид) (временной аспект) и б) представленность структурно стабильных социумов в различных регионах с взаимодействием через длительные миграции, приводящие к гибели большей части (но не всех!) их групп-участников (пространственный аспект).

В работе [16] отмечалась основная роль языковых контактов не в сглаживании, а, наоборот, выявлении (собственно формировании) структурных раз-

личий Сопоставление динамического и структурного единств раскрывает данный чрезвычайно важный момент: с переходом к праязыку каждого нового этапа доля собственно языковой коммуникации в обеспечении общеродового единства скачкообразно возрастает за счет соответствующего снижения роли миграции, что приводит к новому, более высокому уровню структурной специализации социумов, т.е. к консолидации их своеобразия и отличительных черт. Сказанное может служить общетеоретическим фундаментом при подходе к проблемам эволюции языкового своеобразия, а для современной истории языков – литературного языка и нормы.

В условиях динамического единства II–III этапа сколько-нибудь устойчивое развитие собственных отличительных структурных особенностей социумов, а значит и закрепление каких-либо черт своеобразия их языка было невозможным. Праязык II–III этапа был един для всех предков человека, это единство носило характер аморфного единообразия (см. 16). Определенность черт этого праязыка (как целого): во-первых, сам слоговой ритм (наличие гласной и согласной прафонем) и, во-вторых, ставшая возможной благодаря тесной связи с биологическими проявлениями определенность ряда ограниченно вариативных междометий типа: ай, ай...; ой, ой...; ах, ах... и др. В целом они свойственны всему современному человечеству.

На III–IV этапе более высокая ступень праязыка обеспечивала относительно сокращение периода передачи опыта в ходе длительного деятельностного обмена и ассимиляции данным социумом разрозненных субъектов (групп) миграций. Поэтому носителем общеродового единства становится каждое из небольшого числа крупных образований-социумов (сопоставимых с будущими расами). Выражением относительной стабильности этих образований в течение всей (значительной части) данной эпохи явился расогенез, который (продолжаясь несколько сотен тыс.л.) приходится на III–IV этап. Внутреннее же единство рассматриваемых образований-социумов имело динамический характер, т.е. они не обладали внутренней структурой, выступая лишь совокупностью неустойчиво-изменчивых праобщин, условия жизнедеятельности которых с течением времени постепенно изменялись, проходя в итоге весь диапазон в границах, очерченных особенностями образования-социума как целого. Это означает, что праязык III–IV этапа был представлен несколькими отличными друг от друга структурными формами, каждую из которых можно назвать языковой ветвью, причем внутреннее единство каждой данной ветви было динамическим (отсутствие подразделения ветви на стабильно-определенные идиомы).

В табл. 2 подчеркнуты единицы (этно-социальные и языковые), выступающие воплощением общечеловеческого единства. Эти единицы разделяют структурную часть, располагающуюся сверху, и динамическую часть, находя-

щуюся внизу (внизу единицы взяты в скобки, т.к. они являются не структурно определенными а лишь вероятностными).

Таблица 2

II 10 млн	III 2 4 млн.	IV 240 тыс.	V 7 6 тыс.	VI 1 1 тыс	Современность человечество раса
<u>единый</u>	<u>языко- вая ветвь</u>	<u>языко- вая макро- семья</u>	<u>союзы племен - семья языков</u>	...	этническая и культурная общность
		(родовая община)	(племя - язык пле- мени) (род - родовой язык)	...	национальный язык
				...	литературный язык, диалект
					<u>индивидуум - носитель</u> литературного языка

Современность отделена точками, поскольку на рубеже IV носителем общечеловеческого единства после союза племен становится племя и, затем, род. С развитием классовобразования таким носителем становятся племенные вожди и родовая знать, а с дальнейшим развитием общества единицей владения общечеловеческой духовной и материальной культурой становится индивидуум-носитель литературного языка. Только с появлением литературного языка индивидуум получает возможность воплотить в себе весь человеческий род, при этом развитие структурного единства человечества и его языка находят свое окончательное завершение в норме, которая не оставляет более места для остатков единства динамического (за последним стоят вероятностно-случайные колебания языковых реализаций).

Тюркский праязык (как и любой другой) никогда не существовал в смысле «либо - либо» (полной качественной определенности формальных черт). На том промежутке, который отделяет границу системных особенностей данного праязыка от уровня его конкретных реализаций, ни один праязык не имеет структуры, а строится на принципе динамического единства - вероятностного распределения в реализациях всех тех черт, которые обретают структурную определенность только в современных языках, восходящих к данному праязыку.

Те идиомы, которые в виде вероятностных выделяются внутри динамического единства праязыка (в таблице 2 указаны в скобках) с течением времени совершают типологический дрейф, обмениваясь своими (вероятностно-определенными) типологическими чертами с другими идиомами данного праязыка. Медленный взаимный типологический дрейф лежит, очевидно в основе волнообразного характера диалектных изоглосс (ср. теорию волн Шмидта).

V-VI этап соотносится с тюркским праязыком который для тюркских народов был на протяжении большей части той эпохи минимальной структурно-определенной формой существования языка. Социумом соответствующего уровня было совокупное (динамическое) единство племен хунну. В этой связи хунну из-за своего ранга (уровень структурности и масштаб общности) несопоставимы ни с одной нацией или народностью. Формирование племени как наименьшей структурной единицы выразилось в создании кочевой империи хунну в III в. до н.э. (управлялась старейшинами 24 родов и подчинила многочисленные соседние племена и народы). Поэтому в I тыс. до н.э. можно говорить уже о таких структурно определенных праязыках как болгарский, огузо-карлуко-кыпчакский, уйгуро-огузский, киргизо-кыпчакский. Причем основными языками упомянутой кочевой империи шаньюя Модэ были огузо-карлуко-кыпчакский и уйгуро-огузский. Наиболее надежной опорой для этих данных служит классификация Н.А.Баскакова, которая максимально учитывает периодизацию истории тюркских народов. История тюркских народов во второй половине I тыс. н.э. (древнетюркская эпоха) отражает процесс перехода базовой социальной структурной единицы на уровень рода (ср., например, «пятьсот семейств», давших начало древнетюркской народности тюркютов [5]). В древнетюркскую эпоху существуют хазарский, болгарский, кыпчакский, огузский, карлукский, древнеуйгурский, древнекиргизский языки. Современные тюркские языки отражают формирование соответствующих литературных языков (по схеме: родовой язык - диалект - возвышение определенного диалекта как основы литературного языка) и превращение индивидуума в носителя всей культуры человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. а) *Щека Ю.В.* Элементы теории синтаксической связи и интонологии в синхроническом и диахроническом освещении // ВЯ, 1992, № 5.
- б) *Щека Ю.В.* Гипотеза о возможных этапах языковой эволюции // ВЯ, 1994, № 1.
2. *Глинка Н.Л.* Общая химия. Л., 1979, стр. 35.
3. *Ефимов А.И.* Стилистика художественной речи. М., 1961, стр. 147.
4. *Грант В.* Эволюционный процесс. М., 1991, стр. 432.
5. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1993, стр. 24-25.

Оглавление

Э Р Тениш в Н А Баскаков	5
Н А Ба а в Тюрко юги (Меланхолический марш тюркологов).	19
Н А Баскаков Гимн тюркологов	21
Н А Баскаков Гимн ПИАК-а	25
Н А Ба каков Гимн республики Алтай	27
Н А Баскаков Гимн республики Каракалпакстан	30
Н А Баскаков Гимн республики Тува	32
Список печатных трудов профессора Н А Баскакова (1980 1994)	33
А Н Баскаков Тюркские языки в системе народного образования в Российской Федерации	43
Л В Бахревский О происхождении дивана «Бакырган кытабы»	50
Ё Баярсаихан Цветовые обозначения и цветовая символика	55
Г Ф Благова Приметы разговорного синтаксиса и их стилистические функции в «Бабур-наме»	60
Э А Грунина К вопросу о посессивной парадигме спряжения	68
Ю Д Дешериев Социолнгвистические исследования Н А.Баскакова	73
И.Г.Добродомов Туска (Об одном гапаксе в Новгородской первой летописи)	75
А В Дыбо Названия подарков в пра-алтайском	79
И В.Кормушин К вопросу о прилагательном в тюркских языках	89
Х Короглы Геродот о мифах Центральной Азии и крайнего Севера	100
П И Кузнецов О происхождении тюркского аффикса <i>-leyin</i>	104
В А.Кучкин Ханы Мамаевой орды	115
И Л Кызласов Три типа древнетюркской рунической орфографии	124
Л Р Кызласов. Руническая загадка из Хакасии	137
Л.С Левитская. Этимологическая мозаика	145
А.З.Махмудова. К проблеме изоморфизма пратюркской и праиндоевропейской глагольных подсистем	151
Т.Меликов. Фазыл Хюсю Дагларджа и современный турецкий литературный язык	160
К.Мусаев. Пратюркские названия неба	169
Д М.Насилов. Концепция тюркского языкового типа в трудах Н.А.Баскакова	180
У.Оразалина. Развитие казахско-русской лексической синонимии в современном казахском языке (<i>кенес – совет</i>)	186

<i>Е. К. Побызаква</i> К вопросу о функционировании хакасского языка в сфере образования	192
<i>С. А. Старостин</i> Вокализм алтайских языков	197
<i>И. В. Стеблева</i> Армяно-турецкие мифологические параллели	210
<i>Сун Ина</i> . О некоторых функциональных свойствах деепричастий в современном уйгурском языке	220
<i>А. В. Суперанская</i> . Лексические связи крымских топонимов.....	224
<i>Р. Ф. Тарасенко</i> . К прочтению надписей на памятнике Алтын-Кель 1 (Е-28) ..	231
<i>М. И. Трофимов</i> . О регрессивной ассимиляции гласных («умлауте») в современном уйгурском языке	236
<i>Ю. В. Щека</i> . Иерархия праязыков (некоторые проблемы и конкретные методы анализа)	240

90 ЛЕТ Н. А. БАСКАКОВУ

Сборник статей

Издатель А. Кошелев

Макет А. В. Дыбо, А. В. Шеймович

Подписано в печать 20.11.97. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. печ. л. 20. Заказ № 2706 Тираж 500.

Издательство «Языки русской культуры».

129010, Москва, Б. Спасская, 6, стр. 1; ЛР № 071304 от 03.07.96.

Тел. 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru

Отпечатано с оригинал-макета во 2-й типографии РАН.

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.